

СОНЯ И КАРЕЙ

16+

ЖЕНЕВСТА ДЛЯ
СЕРОВОГО ВОЛКА

Соня Марей

Невеста для серого волка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67316846

SelfPub; 2022

Аннотация

Бабушка просила не ходить в лес, но я нарушила запрет и повстречала злого серого волка. Он должен был меня съесть, но отчего-то передумал. Неужели по доброте душевной? Или... я зачем-то ему нужна? Как бы то ни было, после этой встречи моя жизнь превратилась в сказку с пугающей магией, нежеланным женихом и множеством загадок, которые я во что бы то ни стало должна разгадать.

Содержание

Глава 1. Проклятый лес	6
Глава 2. Неожиданная встреча	12
Глава 3. Новый друг	16
Глава 4. Дядя Джеймс	19
Глава 5. Заманчивое предложение	24
Глава 6. Новая встреча	31
Глава 7. Перчатка	37
Глава 8. Лавка тетушки Лаванды	42
Глава 9. Разговор за чашкой чая и беспокойная ночь	51
Глава 10. На берегу озера	63
Глава 11. Волчья доля	74
Глава 12. Картинная галерея	78
Глава 13. Плащ из алого бархата	84
Глава 14. Люсинда	93
Глава 15. Торнвуд	98
Глава 16. Радужный хозяин	104
Глава 17. Выстрелы в саду	110
Глава 18. Серый волк	115
Глава 19. У ложа короля	121
Глава 20. Тяжесть трона	124
Глава 21. Самайн	129
Глава 22. Волчье проклятие	149

Глава 23. Рябиновая поляна	151
Глава 24. Меж двух кривых сосен	158
Глава 25. Темные замыслы	163
Глава 26. Алые лепестки	169
Глава 27. Романс о сказке	176
Глава 28. Загадочная комната	183
Глава 29. Тревога	195
Глава 30. Дурные настроения	204
Глава 31. Без чести и совести	210
Глава 32. Бабушкина мудрость	219
Глава 33. Обман	224
Глава 34. В капкане	229
Глава 35. Неожиданная помощь	242
Глава 36. Решимость	253
Глава 37. Из огня да в полымя	265
Глава 38. Переезд	272
Глава 39. Откровения Люсинды	278
Глава 40. За забором	288
Глава 41. Гениальный план	299
Глава 42. В клетке со зверем	305
Глава 43. По ту сторону	320
Глава 44. Искушение	330
Глава 45. Сердце	343
Глава 46. На краю бездны	352
Глава 47. Познакомиться заново	358
Глава 48. Давние враги	375

Глава 49. Лавка посреди леса	382
Глава 50. Свести счеты	388
Глава 51. Важное дело	402
Эпилог 1. Розы	410
Эпилог 2. Эрик	414

Соня Марей

Невеста для серого волка

Глава 1. Проклятый лес

На прошлой неделе я отметила свое восемнадцатилетие.

Как всегда – вдвоем с бабушкой, потому что мои родители умерли, а единственный родственник мужчина, считавшийся моим опекуном, не соизволил почтить нас своим присутствием.

Должно быть, забыл.

Что ж, это и к лучшему, потому что по достижении совершеннолетия девицам полагалось распрощаться с куклами, сказками и прочими глупостями и заняться поисками женихов. Я опасалась, что дядюшка может загореться идеей как можно скорее выдать меня замуж, чего мне, конечно же, не хотелось.

Я размышляла над этим, собираясь на прогулку – осень выдалась чудесной. Ласковой, солнечной, многоцветной. Ничего ведь не случится, если я просто схожу полюбоваться на...

Закончить мысль я не успела – из раздумий вырвал ласковый голос бабушки, когда я уже шнуровала второй ботинок. – Роза, милая, постарайся не задерживаться. Возможно,

сегодня к нам заедет Джеймс, чтобы поздравить тебя.

Бабуля сидела в кресле у окна, выходящего в сад, и ветер шевелил выбившиеся из тугого пучка прядки. Колени ее были укрыты клетчатым пледом, в руках – вязание.

И она, конечно же, не знала, что замыслила ее внучка.

– Мог бы обойтись письмом, как в прошлом году, – буркнула я сердито и повесила ивовую корзину на сгиб локтя.

Что нового я могла от него услышать? Что осталась такой же бесполезной, как и раньше?

– Розалин... – пожурила она, а я вздохнула. – Кроме меня и него у тебя больше никого нет, будь терпимей.

Определенно, бабушка слишком добра к этому проходимцу. Она всегда верила в добро, искала в людях только лучшее и учила этому меня.

Склонившись над старушкой, я запечатлела поцелуй на теплой щеке.

– Я хотела с утра напечь твоих любимых яблочных пирожков вместе с миссис Беркинс, но она не смогла прийти, внучка заболела, – в голосе прозвучало сожаление, и я ласково коснулась ее руки.

– Все в порядке, ба. Я уже взрослая и сама могу напечь пирожков.

Несмотря на слепоту, бабуля не любила чувствовать себя беспомощной и старалась хотя бы изредка проявлять свою заботу и любовь вот таким незамысловатым образом. А миссис Беркинс, пожилая и тучная, как дрожжевое тесто, жен-

щина иногда помогала нам по хозяйству. За проведенные бок о бок годы я свыклась с ней и даже ловила себя на мысли, что скучаю и жду встречи.

– Все наладится, Роза. Не теряй веры, – ее лицо озарила улыбка – солнечная, яркая. Наверное, бабушка почувствовала, как изменилось мое настроение, и решила приободрить.

Я вернула ей улыбку, даже несмотря на то, что она ее не увидит, и, попрощавшись, вылетела за порог.

Был порыв завернуть на рынок, чтобы купить много-много спелых яблок, хрустящих, ароматных. Чтобы сок брызгал от каждого укуса, но... в кошельке грустно звякнула мелочь. Я стала слишком экономной, чтобы тратить последнее на ерунду.

– Все наладится, – повторила слова бабушки, и ноги понесли меня в противоположную от рынка сторону.

Лес за городом называли проклятым.

Днем он подозрительно молчал, ошестинившись колючими ветками, а ночью шептался голосами дрожащих осин, шуршал темными еловыми лапами и хлопал совиными крыльями. Даже местные боялись туда ходить, говорили, там обитают ведьмы, оборотни и прочие колдовские твари.

Раз войдешь – назад не воротишься.

Но удивительно то, что никто не мог дать вразумительного ответа, что именно случилось с лесом, ведь раньше, много лет назад, он был совершенно нормальным. Помню, мама

говорила, что в далеком детстве она ходила туда с нянюшкой. А сейчас даже матерые охотники боятся сунуться дальше опушки.

Я сбавила шаг и взгляделась в бурые кроны с карминово-золотыми пятнами, в пестрый подлесок – осень разукрасила его множеством теплых оттенков, рассыпала щедрой рукою ягоды...

Он был совсем близко, и, казалось, я слышала его молчаливый призыв.

Волнение свернулось клубом в животе, и я сглотнула ком в горле. Пустая корзина вдруг превратилась в неподъемную тяжесть, мелькнула трусливая мысль махнуть рукой на опасную затею и убежать.

Так, Розы, хватит! – одернула я себя и уверенно зашагала вперед.

Сколько можно бояться, в конце-то концов? Уже не маленькая девочка, верящая в нечисть и страшные сказки. И вообще, мой отец окончил Академию с отличием, мать – самые прогрессивные женские научные курсы, что в свое время вызвали бурю негодования в обществе. Я же прочитала большинство книг из их библиотеки.

Все страхи идут от незнания, а ведьм не существует.

Подбадривая себя этими мыслями, я перепрыгнула через ручей и пошла к ивовым зарослям, где обычно срезала веточки для корзин, которые плела на продажу. Но на этот раз путь мой лежал дальше – туда, куда я еще не заходила.

В груди трепетало что-то большое и холодное, щекотало легкими крылышками. Страх и предвкушение чего-то опасного, жуткого, но дико... привлекательного? Невольно вспоминалось детство со всеми его глупостями, но я ведь дала слово, что буду беречь себя и не совершу ни одного опрометчивого поступка, чтобы не расстроить бабулю.

Она строго-настрого запретила мне ходить в лес.

Или то страх говорил во мне все эти годы? Я придумала хорошую причину, чтобы оправдать свою трусость. Если я захочу, бабушка даже не узнает, что я там была. Далеко заходить не буду. Так, несколько шажочков... Только наберу ягод.

Чтобы не потерять боевой настрой, я шагала быстро, пружиня по мягкому лиственному настилу. Вот уже и ивы закончились, подлесок стал гуще, ввысь потянулись сизые сосны, дубы развернули мощные ветви.

Налетел ветер, взметнув подол юбки и бросив в лицо несколько дождевых капель. Странно, еще недавно небо было безоблачным. Опустив веки, я принялась – в воздухе остро запахло грибами и сырым мхом.

Пройдя еще несколько шагов, я остановилась. Здесь лес казался совсем дремучим, может, пора повернуть домой?..

И вдруг – какая удача – на глаза попалась россыпь брусники.

Забыв обо всем, я бросилась собирать алые ягоды. Их ведь можно засушить на зиму, чтобы в стужу заваривать аромат-

ный чай, сделать компот или варенье, добавить в пирожки, в конце-то концов.

Мох сам стелился под колени – я не заметила, как начала ползти, все сильнее пачкаясь в соке. И вскоре мой вид даже отдаленно не напоминал о том, что я, вообще-то, девица дворянских кровей. Хоть и нищая.

Когда под корягой показалась целое скопление карминово-красных ягод, я пригнулась и проползла на животе под поваленным стволом. Хотя можно было бы и перешагнуть, но роста я была невысокого, пришлось бы задирать ноги выше головы.

Определенно не зря я вышла сегодня на охоту. И даже хорошо, что местные трусишки не суются в лес, не придется делиться.

Когда спина затекла так, будто я проработала в поле от рассвета до заката, я встала и попыталась разогнуться, но шеи коснулось что-то липкое. Взметнув руки, я зажмурившись от ужаса и стала срывать с себя клочья паутины. Сделала несколько неловких шагов и...

Провалилась в пустоту.

Глава 2. Неожиданная встреча

Я ударилась спиной так, что вышибло дух. Перекувыркнулась несколько раз, едва не вывихнула плечо и со стоном скатилась на самое дно оврага.

Холодный ветерок коснулся щек, пощекотал голые ноги. Подол задрался до середины бедер, один чулок сполз, и на коленке красовалась свежая ссадина. С трудом я пошевелилась, пытаюсь понять, не сломала ли себе чего, а потом села и огляделась: вокруг высились темные полуголые деревья. Кое-где на ветках виднелись ведьмины гнезда, в подлеске рос густой папоротник – уже пожелтевший, но не утративший красоты и пышности.

Где корзина?

Кряхтя, как древняя старуха, я добралась до несчастной корзинки, валявшейся неподалеку, и подняла ее. Не пропадать же добру!

И вдруг что-то осталось на дне. Хоть одна ягодка...

Внезапно руки разжались – я приложила пальцы к губам, чувствуя, как задрожали колени. На дне, меж тонких прутьев, застряло несколько ягод. Не брусники, нет.

Это была волчья ягода.

В корзинке, у меня под ногами, на мшистых кочках, в траве... Весь склон был густо усеян ею.

Внутри заворочался ужас вместе с недоумением. Как, по-

чему? Я бруснику собирала, откуда здесь взялась волчья ягода? Ведь не совсем из ума выжила. И руки, они... не в красных пятнах сока, а темно-синие, почти черные!

Позади раздался звук, словно кто-то наступил на сухую ветку.

Я взвизгнула и медленно обернулась, надеясь, что звук мне почудился. Горло свело от немого ужаса, и я замерла, схваченная по рукам и ногам его путами.

Волк... Огромный волк глядел на меня, не мигая, страшными зелеными глазами и скалил зубы.

А я не могла пошевелиться. Руки и ноги не хотели слушаться, тело стало безвольным, кукольным. Да и что я могла сейчас сделать? Что противопоставить огромному зверю со вздыбленной шерстью и острыми, как бритвы, когтями?

Он скалился, утробно рыча. Картинки из прошлого проносились в голове с невероятной скоростью – верно говорят, за мгновение до смерти вспоминаешь всю свою жизнь. Да и сколько я прожила-то? Всего восемнадцать лет... И я не хотела умирать сегодня, сейчас.

Не была готова.

Словно в подтверждение горьких мыслей, зверь шагнул вперед, не сводя с моего лица сощуренных глаз. Я никогда не видела живого волка так близко, но отчего-то была уверена – он был просто громадным, намного крупнее своих сородичей.

Я судорожно сглотнула и попыталась отползти назад. Глу-

по, да, но я была на грани того, чтобы сорваться и с диким визгом помчаться прочь, позабыв о том, что тогда хищник точно на меня бросится и растерзает в клочья. Простейший инстинкт охотника, заложенный самой природой.

Волк зарычал и наклонил оскаленную морду. Шерсть на загривке встопорщилась, будто перед ним была не хрупкая девушка, а здоровенный мужик с ружьем. Зубы его казались такими огромными, что без труда перекусили бы человеческую руку.

Или оттяпали голову.

– Не ешь меня... – произнесла, нет, запищала мышкой. Голос, как и тело, не хотел повиноваться. – Не надо...

Я казалась себе такой жалкой, слабой, беспомощной. Подогнув колени, сидела на стылой осенней земле. Из-под юбки торчат ноги в дешевых ботинках и штопаных чулках, одежда вывалена в грязи, волосы растрепаны.

Утробный вибрирующий рык отозвался дрожью в животе и вскоре захватил все тело. Волк шагнул снова и оказался так близко, что даже в отсутствие ветра я ощутила звериный запах – влажная шкура, горечь, прелые листья и... кровь.

Я никогда не тряслась так, как сейчас, доживая последние мгновения. Хватая ртом воздух, поползла назад, но рычание стало громче – хищник не собирался меня отпускать. Я была готова взмолиться, чтобы он кинулся на меня прямо сейчас, вцепился в горло и лишил жизни быстро, не растягивая страшную пытку. Это было слишком жестоко, а я слишком

малодушна, чтобы смотреть в глаза смерти без страха.

Вдруг взор затянуло пеленой, и горячая дорожка скользнула по щеке.

Одна, вторая.

Горло сдавил спазм – я судорожно разрыдалась. Просто сидела и плакала, даже не утирая слез, перед оскаленной мордой громадного серого волка. Чувствовала его голодный пробирающий до костей взгляд, чувствовала щекочущий ноздри запах, но сделать ничего не могла.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я поняла, что зверь больше не скалится и не рычит. Чуть наклонив голову, смотрит внимательно, почти осмысленно.

– Не ешь меня, Волчок, – повторила и шмыгнула носом. – Меня бабушка ждет дома. Она слепая и совершенно беспомощная. У нее нет никого, кроме меня.

Он слушал сбивчивую речь так, будто все понимал. Или это были игры моего испуганного сознания? Показалось, что хищник устало вздохнул, а потом сделал то, отчего сердце упало в пятки – подался вперед и ткнулся носом прямо мне в живот.

Глава 3. Новый друг

Я ахнула и упала на локти, а волк, нависая надо мной подобно горе, потянул носом. Принюхивался? Хотел понять, вкусная или нет?

– Я не вкусная, я плохо питаюсь, поэтому во мне кожа да кости, – выговорила я, заикаясь.

Все же страх никуда не делся, хоть и немного ослаб. Но зверь перестал рычать и скалиться – это ли не хороший знак? Быть может, сегодня я не стану обедом?

Он тряхнул крупной головой и отошел в сторону. Мигнул зелеными глазищами, а я перевела дух и мысленно вознесла хвалу небесам.

– Меня зовут Роза... то есть Розалин...

Может, попытаться заболтать его? Показать, что не боюсь больше, и он перестанет видеть во мне жертву? Главное – не кричать и не убегать.

Мысли кружились в голове как стая диких пчел – я пыталась вспомнить все, что знала о волках, но мой опыт в этом вопросе ограничивался только детскими сказками и собственными бредовыми фантазиями.

В детстве я любила играть в Красную Шапочку – ходила с няней по лесной опушке, высматривая, не мелькнет ли за кустами серый хвост. У меня еще маленький алый плащик с капюшоном был и корзинка с пирожками.

Захотелось истерически расхохотаться. Надо же, моя детская мечта иметь друга-волка может сбыться!

А хищник сидел напротив, глядел свысока, и взгляд его был полон достоинства. Этакий царь зверей.

Хозяин.

Налетел ветерок, разворошив сухие листья, один сорвался с дерева и спланировал мне на голову. Проглотив вязкую слюну, я попробовала тихонько пошевелиться – волк никак не отреагировал, будто я не его возможная добыча, а, скажем, неприметная букашка.

– Сейчас я встану и пойду домой, – вернув голосу твердость, я одернула подол и поднялась. Тело после падения болело, особенно досталось многострадальным ребрам.

Волк дернулся и потрусил к валяющейся на земле корзине, обнюхал и скривился. Посмотрел на меня разочарованно.

– Ты голоден?

Он фыркнул и тряхнул лохматой головой. Какие огромные у него уши! И вдруг в голову пришла совершенно глупая мысль – а какие они на ощупь? Наверное, нежные и мягкие.

– Прости, у меня нет с собой пирожков, – я развела руками. Холодные волны страха пробежали по спине, щекотали нервы.

Я сейчас почти как Красная Шапочка.

Посмотрев вверх, я поняла, что овраг не так уж высок, но склон почти отвесный, к тому же земля рыхлая – будет осыпаться. Волк пристально наблюдал за мной, поэтому за-

метил полный тоски взор. Он вальяжно побрел вперед, то и дело оглядываясь, потом остановился – я поняла, что серый куда-то зовет.

Волк. Зовет. Меня.

Это бред? Мне снится? Или я отбила голову при падении?

Зверь, потеряв терпение, негромко рыкнул, а я, подскокив от неожиданности, схватила корзинку и кинулась за ним. Ноги плохо слушались, колено разболелось, но я стоически терпела, не хотела раздражать хищника лишний раз.

Мы шли по дну оврага, а ветер над нами шумел сухими кронами. Я насобираала белых грибов, успела даже заметить заячий хвост, но тот со всех дернул прочь, едва завидев странную процессию. Наконец, дорожка пошла вверх, и я оказалась почти на опушке – невдалеке виднелся ивняк, и звонко бурлил ручей.

Не сводя с меня внимательных глаз, серый подошел ближе, а я, не успев до конца осознать, что творю, протянула руку.

Он ткнулся лбом в ладонь. Шерсть оказалась мягкой и слегка влажной. А еще горячее, будто печка.

– Спасибо, Волчок, – на душе вдруг стало легко, и оковы страха разжались. – Будем дружить?

Зверь глянул исподлобья и фыркнул, мол, чего ты несешь, дурная девчонка! А я улыбнулась.

Что ж, не так страшен оказался лес, как о нем твердили.

Глава 4. Дядя Джеймс

Этой ночью я уснула, едва голова коснулась подушки. Сновидения туманные, путанные, будто комок из разношерстных ниток в корзине бабушки, накинулись скопом и затащили в свою пугающую темноту.

Грезилось, будто я иду по бесконечному лесу, из которого зима выела все краски – серые скелеты деревьев тянули кривые и голые ветви, норовя ухватить за подол. Схваченная морозом дорожка петляла меж потрескавшихся от холода стволов, из расщелин в земле сочилось невесомое кружево тумана, обволакивая ноги до колен, а воронье, сидящее на ветвях, провожало меня внимательными взглядами. Я шла на зов, который ощущала каждой клеточкой кожи, но объяснить его природу не могла, как ни пыталась.

Потом зимний лес сменился длинным коридором – мощный белыми мраморными плитами пол, арочные проемы с позолотой, картины людей в богатых рамах. Я боялась глядеть в их застывшие лица, потому что чувствовала множество взглядов. Сотни глаз следили за мной, точно за невиданным зверем, и от этого по коже бежали мурашки.

Двери. Бесконечное множество дверей, но за каждой из них скрывалась пустота, кроме одной-единственной. Той, за которой меня ждал источник зова.

Когда пространство вокруг начало таять, я не сразу сооб-

разила, что просыпаюсь. Тело дернулось, я распахнула глаза и увидела над собой обеспокоенное лицо миссис Беркинс.

– Девочка, что-то долго ты сегодня спишь, всегда ведь спозаранку вставала. Мы с твоей бабушкой уж волноваться начали. Я зашла – вижу, ты мечешься по кровати, как будто тебя жар мучает.

– Нет, все хорошо... – я села, откашлялась. В горло как песка насыпали, а ноги-руки не хотели повиноваться. – Спасибо, миссис Беркинс.

Она окинула меня внимательным взглядом темных глаз, поправила передник.

– Тогда спускайся вниз, деточка. Твой дядюшка прислал мальчишку-посыльного, передает, сегодня к обеду будет у вас.

Я непроизвольно застонала. Дядю Джеймса видеть не хотелось. В последние годы он редко бывал у нас, предпочитая отправлять крошечные суммы на наше содержание почтой. Одним из веских поводов для визита стал случай два года назад, когда я устроилась на работу в местную аптеку – надоело влачить жалкое существование и надеяться на подачки дяди. К тому же, я считала себя достаточно взрослой и не хотела сидеть дома, сложа руки и ожидая, пока кто-нибудь женится на мне из жалости. Но уже через неделю примчался разъяренный дядюшка, его тонкие светлые усики гневно топорщились, когда он кричал, что я позорю род своими выходками.

Конечно, он считал то, что я пошла искать работу, позором. Его всегда волновала людская молва и разного рода слухи. Мы ведь, ни дать, ни взять, провинциальные аристократы! Стыдно девице из благородного рода трудиться, как простая горожанка или крестьянка. Зато ходить в обносках и жить впроголодь – не стыдно.

Не знаю, как дядя Джеймс это провернул, но после его визита меня не брали нигде – ни помощницей модистки, ни ассистенткой аптекаря, ни даже в бакалейной лавке. Получалось иногда продавать свое рукоделие – и на том спасибо.

Миссис Беркинс помогла накрыть обед в гостиной, и, когда заявился дядюшка, оставив грязные следы от щегольских ботинок на ковре, что я недавно вычистила, на столе уже дымился рыбный пирог по ее особому рецепту. Этот фронт презрительно наморщил нос, разглядывая обстановку и покачивая тростью с полированным янтарным навершием. От него за версту несло снобизмом вместе с мелочной жадной казаться внушительней и богаче, чем он есть на самом деле.

Поцеловав затянутую в кружевные перчатки руку бабушки, он поприветствовал меня:

– Здравствуй, Розалин, детка, – от оценивающего взгляда мутно-голубых глаз захотелось поежиться, но я лишь гордо вздернула подбородок. – А ты повзрослела, вытянулась, стала похожа на девушку. Только эти пухлые щечки с ямочками и деревенский загар портят всю картину.

Кажется, я пошла красными пятнами от обиды.

– Странно, что мои щеки на месте, дядюшка. На те день-ги, что вы нам высылаете, не пошикуешь, – процедила тихо, чтобы не услышала бабуля. Я не хотела устраивать при ней отвратительных сцен.

Он лишь усмехнулся.

– Ну-ну, детка, не преувеличивай. Молодым девушкам вредно есть мясо, говорят, от него могут появиться прыщи, – и поправил кружевное жабо под подбородком.

Захотелось вцепиться в эти накрахмаленные кружева и оттащить за них дядюшку, чтобы не думал задаваться. Он только и делал, что тратил деньги да проматывал мое наследство, не думая ни о семье, ни о приумножении капитала. Интересно, откуда сейчас он берет деньги? Не удивлюсь, если от обеспеченных женщин.

Дядя Джеймс был еще довольно молод и хорош собой, но красота его была холодной и отталкивающей, хотя некоторые дамы находили его привлекательным. Наш городишко наполнился слухами, некоторые долетали и до меня. Например, не так давно болтали, что дядюшка ездил с богатой вдовой отдыхать на воды, после чего успешно ее бросил ради свежей юбки.

– Джеймс, мальчик мой! Розы, детка! – позвала бабушка, оглядывая слепыми глазами комнату. – Вы что там шепчетесь, идите за стол.

– Конечно, ба, извини, сейчас идем, – с показным добродушием отозвалась я.

– Миссис Эвлиш, прошу прощения за задержку! Просто поздравлял нашу Розу с прошедшим днем рождения. Она уже большая девочка, и я намерен серьезно поговорить с вами обеими, – он снова скользнул по мне липким взглядом, и это явно не сулило ничего хорошего. – У меня есть предложение, от которого Розалин просто не сможет отказаться!

Глава 5. Заманчивое предложение

Дядя привез с собой пузатую бутылку южного вина и, разлив его по бокалам, оставшимся от нашей прежней безбедной жизни, плюхнулся на стул. Пригубил напиток, посмаковал терпко-сладкий вкус и посмотрел на меня в упор:

– Как вы уже, наверное, догадались, я хотел поговорить о замужестве нашей Розы, – глаза его загорелись лихорадочным блеском, а я попыталась вжаться в спинку стула.

Если быть до конца откровенной, то в глубине души я мечтала о большой счастливой семье и о любящем муже, вместе с которым встречу старость. Тревожило другое – вряд ли на мне, сироте с худым кошельком, захочет жениться кто-то из потомственных дворян. Зато на мою руку могут претендовать сколотившие состояние торговцы, либо проходимцы, что заработали денег нечистым путем, ведь я могла дать им свою фамилию и право считаться аристократами, а титул передать детям.

И если так, то я бы предпочла лучше выйти за работающего парня из простой семьи, а не за прощелыгу и мота наподобие моего дядюшки.

– Как мило, что заботитесь обо мне, дядя Джеймс, – изогнув брови, я сделала маленький глоток – золотистая жидкость обожгла горло.

– Я всегда знала, что ты не оставишь нашу сиротку, – до-

бавила бабуля. Ох, видела бы она выражение его лица в этот момент...

Он улыбнулся и подкрутил усы.

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы пристроить Розалин в хорошие руки, – говорил так, будто я товар, а с лица не сходила довольная усмешка. – Через неделю нас ждут на прием в дом Глоудов, я привез деньги на платье и прочие мелочи, чтобы у Розы была возможность приодеться и блеснуть в гостях своей красотой и остроумием.

Дядя небрежно швырнул на стол кошель. Завязки ослабли, и я увидела выпавшие серебряные монетки.

– Ты же не подведешь меня, детка? – спросил так, что от сладости его голоса засвербело в желудке.

– Прости, дядюшка, но я никуда не пойду, – встала и, сжав руки в кулаки, зашагала прочь. Потом сорвалась и побежала, стуча каблучками по лестнице.

Слезы набежали на глаза, застилая взор. Страстно захотелось забиться в угол, чтобы никто и никогда меня оттуда не достал.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем на лестнице послышались шаги. Отрывистые и четкие, будто тиканье часов, отмеряющих последние мгновения моей свободной жизни.

Я застыла, сидя в кресле и сжимая похолодевшими пальцами подушку. Дверная ручка шелкнула – на пороге возникла фигура дяди Джеймса.

– Что за фокусы, Рози? – спросил, нахмутив белесые брови. – Я не в игрушки играть приехал, надо решить важное дело. Твое будущее сейчас в моих руках, поэтому, будь добра, прояви хоть каплю уважения к своему дяде.

Где был этот дядя, когда мы с беспомощной бабушкой нуждались в крепком мужском плече, опоре, к которой можно прислониться и закрыть глаза, зная, что она ни за что не пошатнется? Спрашивать без толку. У него своя жизнь, полная развлечений, друзей и женщин.

Поджав губы, я встала. Не хотелось, чтобы он смотрел на меня сверху вниз, как на нашкодившего котенка.

– Для начала и вам неплохо бы проявить хоть каплю уважения ко мне, дядя. Я не старые удобные туфли, про которые можно вспоминать раз в два года. И то потому, что новые натирают.

Глаза его едва не выпали из орбит. Он уставился с таким искренним изумлением и недоумением, будто увидел перед собой привидение. И тут дядя Джеймс закрыл лицо ладонью, плечи задрожали от едва сдерживаемого смеха.

– Ну ты и шутница, Рози! Вся в мамочку, – вдруг смех резко прервался, он шагнул вперед и сомкнул пальцы на моем локте. От родственника несло винным духом, но взгляд был трезв и пугающе холоден.

– А теперь послушай сюда, малышка. Ты должна понравиться Торну Глоуду, он мой давний приятель, и я расхваливал ему тебя, как будто ты золотая ваза с бриллиантами.

Я должен с ним породниться, так что только попробуй, подведи!

Я много слышала об этом человеке. Он не был аристократом, зато его богатству могли позавидовать многие дворянские семьи. Говорили, Глоуд сделал состояние, проворачивая какие-то темные делишки, а обе его жены покинули этот мир в самом расцвете лет.

Внутри поднялась волна протеста, и я хотела вывернуться из захвата стальных клешней, но сил для борьбы со взрослым мужчиной не хватало.

– Такое чувство, что вы хотите продать меня любому, кто больше предложит! Судя по слухам, этот ваш Торн – ужасный человек, и я не горю желанием понравиться ему.

– Ты ведь понимаешь, что я могу выдать тебя за того, за кого посчитаю нужным. Если не будешь слушаться, я отдам тебя самому мерзкому из всех стариков, – зашипел, крепче стискивая локоть.

Было больно, но я терпела, сжав зубы и сверля дядю Джеймса ненавидящим взглядом. Слезы, готовые сорваться с ресниц, высохли. Еще заплакать не хватало! Ведь будет потешаться над моей слабостью.

– Зачем это вам? Что я вам сделала?! – голос все же дрогнул от злости и обиды.

Пальцы на плече разжались, и он отступил, манерно поправляя жабо. На бледной коже щек выступили розовые пятна.

– Ничего, Роза. Ничего... Ты абсолютно бесполезна. Одна от тебя польза – удачно сплавить замуж.

– Я...я... я пожалуюсь!

– Кому? – он усмехнулся и перекинул щегольскую тросточку из одной руки в другую. – Лорду Регенту? Вот ему делать нечего, кроме как решать проблемы жалкой сиротки. С тех пор, как пропал принц, он думает только о сохранении своей власти. На таких, как ты, ему плевать. Если будешь артачиться, пойдешь под венец со стариком. Или с пьяницей из нищего квартала, а твоя бабулька будет коротать дни в доме престарелых.

При упоминании бабушки сердце будто полоснули ножом. Паршивец знает, на чем сыграть! Это же надо так беззащитно пользоваться нашим безвыходным положением. Подло, низко. Но что я могу?

Вдруг дядя подозрительно сощурился и смерил меня пристальным взглядом.

– Или у тебя уже есть ухажер? Какой-нибудь голодранец? Может, ты хотела выйти замуж по любви? – тон стал издевательским.

– Может и так. Но вас это волнует в последнюю очередь. Вы думаете, что, породнившись с этим Глоудом или другим богачом, сможете получить часть его капитала?

– Мерзавка! – выплюнул дядя Джеймс. – Грубиянка! Мало тебя пороли в детстве. Ну ничего, я умею укрощать строптивых девок, – он погрозил тростью и направился к двери. –

Деньги оставил в гостинной. Немедленно отправляйся к модистке, пусть она сошьет приличное платье. В следующую субботу я заеду за тобой, нас ждет вечер в поместье Глоудов.

Я не видела, как он вышел – закрыла глаза. Только слышала, как повернулась бронзовая дверная ручка, покрытая от времени зеленой патиной.

В голове стучали обидные слова. Замуж за пьяницу... Дом престарелых... Бесполезная...

Пошатываясь, я добрела до подоконника и приоткрыла оконную створку – та поддалась со скрипом. В саду буйствовала поздняя осень – горько пахли пушистые хризантемы, клонясь тяжелыми, сбрызнутыми каплями дождя, головками к земле. Вчера удалось продать желтый, как солнце, букет, одному приветливому незнакомцу. Хотя он всем своим видом показывал, что не прочь познакомиться поближе...

Передернув плечами от омерзения, вцепилась пальцами в подоконник. Вдруг послышались шаги на аллее – дядя Джеймс убирался восвояси. Заметив меня, высунувшуюся из окна, сухо кивнул и скрылся за воротами.

Сморгнув выкатившуюся слезинку, я посмотрела в сторону леса – над ним серое небо было совсем хмурым: тучи напоздали, будто огромные неповоротливые великаны. И вдруг мысль – а как там Волк? Что сейчас делает? Подстерегает жертву или сидит на вершине какого-нибудь холма, задумчиво глядя вдаль?

Пережитый страх от встречи со зверем всколыхнулся с

новой силой, и дрожь пронеслась по телу, приподнимая волосы на руках. Я выжила лишь чудом, благодаря тому, что Волк, вероятно, был сыт и не настроен поиграть в жертву и охотника.

Потом вспомнила, как смешно он тыкался лбом в ладонь, как выводил из оврага, будто все понимал.

Он странный. Очень странный для Волка.

Это глупо и нелепо, да. Но почему-то мне захотелось его увидеть.

Глава 6. Новая встреча

Окончательно успокоившись, я спустилась в гостиную. Бабушка сидела в кресле у окна и смотрела невидящими глазами в сад. Сейчас она казалась такой хрупкой, будто каждый прожитый год высушивал ее все сильнее, превращая обратно в маленькую девочку, какой та была много-много лет назад.

– Роза... – позвала она, повернув лицо на звук шагов. – Что с тобой, моя дорогая? Этот мальчишка обидел тебя?

Не говоря ни слова, я села у ее ног и положила голову на коленки – теплая рука принялась гладить меня по волосам. Бабуля тяжело вздохнула.

– Джеймс был таким несносным столько, сколько я его знаю. Еще мой сын не был женат на твоей матери... Даже с тех пор он любил изводить всех.

– Дело не только в нем, – я закрыла глаза и вдохнула аромат бабулиного платья. Оно пахло чем-то сдобным и вкусным, захотелось смежить веки и перенестись мыслями в детство – туда, где единственной горестью был запрет объедаться конфетами.

Бабушка покачала головой, не переставая перебирать мои каштановые локоны.

– Тебя страшит будущее, дитя мое. Я прекрасно понимаю, сама переживала, когда меня отдавали замуж за твоего де-

да. Но он, вопреки моим страхам, оказался очень хорошим человеком. А слухи... люди всегда любили поболтать и при-
врать, что с них взять? Может, тебе понравится этот Торн
Глоуд. А если нет, то у тебя будет возможность познакомиться
с другими респектабельными молодыми людьми. Нельзя
 всю жизнь провести взаперти, дорогая моя Роза.

Я слушала убаюкивающий голос и думала. В чем-то ба
права. Я слишком труслива и, проведя несколько лет в ни-
щете, просто боюсь показаться в обществе, боюсь насмешек
и презрения в глазах надушенных и одетых с иголки бога-
чей. И мой противный дядя Джеймс... он ясно дал понять,
что будет манипулировать моей привязанностью к бабушке.

– Расскажи мне сказку. Пожалуйста.

– Твою любимую? – в голосе прозвучала улыбка.

– Да. Про Красную Шапочку. Только пусть она со счаст-
ливым концом.

В детстве я любила слушать бабушкины истории. Завер-
нувшись в одеяло из теплой овечьей шерсти и выпив круж-
ку парного молока, я падала на медвежью шкуру у камина
и ждала, пока бабушка усядется в подставленное служанкой
кресло, нацепит на нос круглые очки и откроет книгу.

За окном валил снег, наметая сугробы выше человеческого
роста, в камине уютно потрескивал огонь, а бабушкин
голос лился подобно густому сиропу, обволакивая и унося
в далекие дали. Когда я начинала клевать носом, отец под-
нимал меня на руки и относил в спальню, где меня ждала

огромная дубовая кровать с периной. Сквозь сон я чувствовала мамин нежный поцелуй с легким ароматом лаванды.

Эти воспоминания – все, что осталось от горячо любимых родителей.

***

Вечером тучи разбежались, и даже выглянуло солнце – озарило светом наш увядающий сад, а бродячий кот с наслаждением подставил пузо теплым лучам. Набросив на плечи шерстяной плащ и наскоро вскочив в башмаки, я сказала бабуле, что хочу прогуляться по городу перед сном.

Подошвы стучали о мощные булыжником улочки, прохожие не обращали внимания на закутанную в плащ фигуру. Нахмурившись и почти не глядя по сторонам, я вспоминала разговор с дядей. Деньги, которые он так небрежно швырнул, были убраны в комод – мною было принято решение пойти прямо завтра к модистке, чтобы та успела приготовить наряд в срок.

Да. Я все-таки решилась на этот отчаянный шаг. Скорее ради бабушки, а не ради себя. Думая о предстоящем визите, начинало сосать под ложечкой, и требовалось срочно успокоиться, побродить под сенью старых деревьев, спрятаться под густыми кронами. В такие моменты меня всегда тянуло к матери-природе.

Я совсем ненадолго... Всего на чуть-чуть. Просто войду в лес, подышу свежим воздухом, пройду туда-сюда... Надо убедиться, что ничего страшного нет, что в тот раз я со-

бирала бруснику, а не волчью ягоду, а мой новый знакомый давно убежал куда-то в глушь леса и не бродит на опушке, выжидая.

Позади остался ручей, ивы раскачивали длинные тонкие ветви, шептали, словно хотели о чем-то меня предупредить, но я не слушала их. Упрямо шагала вперед, невзирая на страх, что колючим клубочком свернулся в груди. Нужно достать его и выкинуть раз и навсегда, иначе так и останусь трусихой, которая и дядюшке покорится, и перед мужем трястись будет.

Лес распахнул передо мной гостеприимные объятия – окружил тишиной и прохладой. Взвился беспокойный ветерок, взметнув с земли сухие листья, и те закружились, будто стайка бабочек-однодневок. Только коснись рукой – осыпятся прахом.

– Ты меня слышишь? – поинтересовалась с какой-то детской непосредственностью, надеясь, что ветер унесет мои слова. – Я пришла.

Смешно. Глупо. Нелепо.

От воспоминаний о голодном оскале по коже пронесся холодок – я плотнее запахнула плащ. Сделала несколько шагов вперед и замерла. Прислушалась. Внутри нарастало беспокойство, зубы начали приплясывать и стучать друг о друга даже не из-за страха... Это было иное чувство. Необъяснимое. Непонятное.

И вдруг вспомнился сон с бесконечной заледенелой доро-

гой сквозь лес и картинная галерея. И снова шаг, шаг, шаг... Будто кто-то тянет за веревочку.

Короткий рык заставил подскочить на месте и обернуться – из кустов таращились глаза, горящие зеленью во влажных осенних сумерках. Я замерла, приоткрыв губы, но так и не сделав вдох.

Массивная волчья фигура протиснулась сквозь колючие ветки шиповника, зверь остановился в шаге от меня и поглядел так, словно спрашивал: «Ну, и что ты здесь забыла?».

– Здр-равствуй, – произнесла я и отпрянула, потому что хищник потянулся носом с явственным желанием обнюхать и облизнуть.

– Ты же помнишь, что я невкусная? – страх был уже не таким острым, как в первую нашу встречу, но отголоски его еще щекотали нервы гусиным перышком.

Волк вздернул уши и издал звук, похожий на фырканье. Он что, усмехнулся?

– Ты понимаешь меня?

В ответ раздалось тонкое поскуливание, никак не сочетающееся с этой лохматой громадиной. Он снова принялся нюхать меня уже в области карманов плаща, и тут я догадалась:

– Ты думал, я принесла тебе вкусненькое? – и осторожно погладила зверя между ушей, тот даже не думал огрызаться. – Прости, забыла. В следующий раз захвачу с собой... пирожки! Любишь с яблоками?

Волк заворчал и отвернулся, обиженно махнув хвостом.

– Ах, ну прости, с мясом я тебе предложить не могу! – всплеснула руками, удивляясь наглости зверюги. Со стороны эта сцена выглядела донельзя глупо и странно. Девушка, ведущая беседы с серым волком. Обхохочешься просто. А он, вместо того, чтобы пообедать любопытной девчонкой, лишь хмурится и фыркает, как ворчливый старикан.

Внезапно волк затрусил прочь, хрустя листьями. Подобрав юбку, я последовала за ним, отчего-то знала – серый ждет именно этого. Конечно, волнение не оставило до конца, то и дело заставляя кожу покрываться мурашками, но любопытство и ожидание чего-то необычного, волшебного, будоражило кровь и заставляло сердце стучать быстрее.

Лес расступался, давая дорогу. Мы огибали разлапистые елки и колючий кустарник, зверь умело обходил ветровал, а я шла по его следам, пытаюсь не отстать.

Куда он вел меня, мой новый друг? Возможности повернуть назад не было никакой. И никто меня не неволил, нет. Просто я бы потом себя загрызла за то, что малодушно улизнула. Нет уж, совершенно необходимо выяснить, что замыслил мой серый проводник.

Глава 7. Перчатка

Вскоре путь повел нас по склону вверх, петляя между серыми валунами, покрытыми бархатным рыжим мхом. Я цеплялась за жухлые кустики, путалась в длинном подоле и завидовала мальчишкам, которые могут бегать и лазать по горам и деревьям в штанах, не опасаясь споткнуться о платье или рухнуть вверх ногами, продемонстрировав всем кружевные панталоны.

Солнце уверенно двигалось на запад, и я всерьез подумывала о том, что еще чуть-чуть, и пора будет возвращаться в город – а то бабуля места себе не найдет от тревоги за непутевую внучку. Да и ходить одной по темным улицам – не лучшая затея для юной девушки. Но волк уверенно вел меня за собой, даже и не думая останавливаться.

Наконец, когда дыхание начало срываться, и я от усталости поскользнулась на рыхлой влажной земле, пушистый товарищ замедлился, потом нырнул в заросли густого кустарника почти на самой вершине холма, и... исчез.

– Ты куда? – ринулась следом и только подобравшись ближе поняла, что за кустами прятался узкий лаз.

Из темноты на меня зыркнули строгие глаза, волк издал отрывистый звук, похожий на лаянье, а после до слуха донеслась возня.

– Это твой дом? – спросила и, не дождавшись ответа, рух-

нула прямо на склон, поджав под себя гудящие ноги. Нет уж, прости, Волчок, внутрь я не полезу.

Разгладив юбку своего простого темно-коричневого платья и упершись подбородком в ладонь, я огляделась. Сверху лес был виден как на ладони, и от картины этой захватывало дух. Город остался за спиной, с другой стороны холма, а передо мной раскинулось гладкое, как зеркало, озеро с молодыми деревцами на берегу. За ним лежала целая гряда других холмов: мягкий вечерний свет окутал пеленой верхушки вековых елей, лег на плечи кряжистых дубов и вязов, кокетливо заиграл на листьях алых кленов. В эти чудесные мгновения, до краев наполненные тишиной, перемежаемой лишь шелестом листвы, я чувствовала себя счастливой и спокойной. Будто я была частью леса, а он вливал в меня свою животительную силу.

– Гррр... – волк известил о своем появлении хриплым рыком, но на этот раз я даже не вздрогнула. Страх перед лесным хищником притупился, внутреннее чувство подсказывало – он не опасен. Тот, от кого любой нормальный человек должен спастись без оглядки, не сделает мне ничего дурного.

– Ты выбрал красивое место для своей норы, – произнесла умиротворенно, а потом обернулась.

Зверь смотрел на меня, сидящую у его ног, сверху вниз, а в зубах держал какую-то вещь. Обрывок ткани? Мгновение – и он разжал зубы, уронив передо мной обслюнявленную перчатку из темно-рыжей кожи, сшитую явно на руку круп-

ного мужчины. Она была потрепанной, со следами острых зубов, но на тыльной стороне я смогла разглядеть тисненную букву «Э».

Глаза в ужасе расширились:

– Ты что, слопал какого-то молодца, и решил подарить мне его перчатку?! – борясь с брезгливостью, отбросила от себя вещь наверняка мертвого человека, может, даже рыцаря, задранного в этом самом лесу, и строго посмотрела на своего серого друга:

– Пообещай, что больше не будет есть людей!

Волк наклонил голову, рыкнул и отвернулся, задев мою голову лохматым хвостом и встрепав волосы за затылке.

– Эй, аккуратней!

Но тот, кажется, обиделся. Улегся за землю и спрятал накрыл нос двумя лапами. Закатив глаза, я опустилась рядом на колени и потрепала по холке:

– Ладно-ладно, не злись. Я, конечно, тронута, но ты уж оставь перчатку себе, – помимо воли взгляд упал на деталь мужского гардероба, и сердце вдруг кольнула тоска. А что, если хозяина перчатки тоже ждала дома бабушка, как и меня сейчас? Или родители? Или жена с детишками? А он не вернулся, был сожран этим здоровенным серым волком, что сейчас так мило и невинно лежит рядом со мной.

Аккуратно я взяла ее за палец и подтянула к себе. Видно, что работа хорошая. Была. И буква «Э» – что она значит?

Боковым зрением я видела, что зверь не спускает с ме-

ня глаз. Смотрит, подняв уши с маленькими кисточками на концах.

– Может, его звали Эмиль. Или Эдгар, – начала размышлять вслух. – Или Эдвард. Или Эрик...

Внезапно Волчок взвился и протяжно завыл, а потом ткнулся мне носом в грудь, так, что я упала на спину и чуть не ударилась затылком. Да что с ним такое?

– Ты что творишь, морда твоя серая?! – я поднялась, отряхивая платье, а тот завертелся вокруг ужом. Если бы бабушка меня сейчас слышала... и видела... – Хочешь меня покалечить? Да ты размером с лошадь, еще раздавишь ненароком.

Ну, на счет лошади я, конечно, преувеличила.

– Гррр, – зарычал тот и схватил перчатку зубами. В глазах поселилось какое-то загнанное выражение, что никак не вязалось с грозным обликом серого хищника. Он будто извинялся за что-то. Или жалел о содеянном.

Я решила сменить гнев на милость, но все-таки погрозила ему пальцем.

– Не пугай меня так больше. А вообще мне уже домой пора, бабуля будет волноваться. Буду рада, если ты меня проводишь до опушки, а по дороге я расскажу тебе побольше о себе.

Действительно, что-то я совсем загулялась – темнеет сейчас рано, хотелось бы попасть домой до наступления ночи.

Мне показалось, что Волчок печально вздохнул, а потом

поплелся обратно в лаз, чтобы спрятать перчатку. Странно, почему эта вещь так ему дорога? Что он с ней собирается делать?

Буква «Э». Эрик... Почему-то это имя затронуло глубоко внутри какую-то струнку. Я пыталась понять свои ощущения, но мой друг сбил меня своим появлением. Пробежал мимо, задев хвостом, и я, подобрав юбку, зашагала за ним.

– Не так быстро, Волчок! Я не успеваю! – но тот обернулся, посмотрел на меня с презрением, будто обвинял в слабости и хилости тела, а потом громко чихнул.

Глава 8. Лавка тетушки Лаванды

Я проворочалась всю ночь до рассвета, и, когда робкие солнечные лучи постучали в окошко спальни, провалилась в спасительную дрему. Она избавила меня от навязчивых мыслей, терзавших, будто стая мошкар. Слова дядюшки Джеймса раз за разом всплывали в памяти, оживала чуть сгладившаяся обида, и я металась по кровати, то скидывая одеяло, то накрываясь по самые уши, то взбивая подушку, то отшвыривая ее прочь.

Я не питала иллюзий на счет родственника – с него станет отправить бабулю в дом престарелых, а меня силой выдать замуж. Увы, прав я не имела никаких, а дядя был моим единственным опекуном-мужчиной. Как скажет, так и будет, и общество его поддержит, а меня сочтут неблагодарной бунтаркой и хамкой. Что поделать, если мнение молоденьких девушек никого не интересует и считается блажью, глупостью? Старшие лучше знают жизнь, им видней.

Решение принять было непросто. Все внутри сопротивлялось, но перед глазами проносились картины той жизни, которую мог устроить мне и бабуле дядя, если не буду повиноваться. Он и без того сделал так, что меня не брали ни на одну работу. Человек мелочный, себялюбивый, злопамятный, дядюшка Джеймс мстил так же мелко и подло, жая в спину. Мелькнула было мысль сыграть в покорность, подлизаться,

но я быстро отшвырнула ее... Лучше во всем оставаться собой, тем более, лгала я плохо.

Если настаивает на визите в дом Глоудов, пусть так и будет. Пройду это испытание, все вынесу, и бабуля не узнает, как мне на самом деле плохо. Совсем не факт, что вообще понравлюсь этому Торну, он богат, не стар, обычно вокруг таких мужчин выются толпы женщин. Ярких, словно бабочки или стрекозы, и хищных, как мухоловки. А я? Как сказал дядя, загар деревенский, щечки с ямочками, кокетничать не умею... Зато глаза красивые. И волосы. Мама любила их расчесывать, и с тех пор они отросли еще сильнее, густой каштановой копной спускаются до поясницы и выются на концах, словно их крутили щипцами.

Наверное, будь на моем месте более циничная и хваткая молодая особа, она бы обрадовалась перспективе стать женой богача. Но то, что идея эта исходила от дяди Джеймса, отталкивало. Хотелось взбрыкнуть и заупрямиться, как дикой лошади под седлом.

А может, я просто одичала и совсем растеряла уверенность в себе? Вдруг все страхи живут лишь в моем буйном воображении, и я сознательно могу лишиться себя и бабушку шанса устроиться в жизни? Вдруг этот Торн Глоуд окажется, вопреки слухам, хорошим человеком? Или я встречу на приеме кого-то еще...

В мыслях нарисовался образ статного темноволосого красавца – героя девичьих грез, настоящего Прекрасного Принца.

ца. Он будет очарователен и галантен, обязательно пригласит на танец, и я...

Усмехнулась. Фантазерка! Девочка, у которой вместо подружек – огромный страшный зверь.

Неожиданно мысли перекинулись на серого Волка. Я вспомнила вздыбленную шерсть, острые зубы и неожиданно мягкие уши. Конечно, он был не в восторге от того, что какая-то девчонка осмелилась коснуться столь чувствительной части тела, но руку отгрызать не стал. Кажется, мы и впрямь подружились. Он так внимательно слушал мои рассказы из детства, что я и впрямь поверила – тот все понимает, только ответить не может. Лишь хищно щурится, порыкивает да метет хвостом. А как забавно он притащил мне перчатку!

Поход по ало-золотому лесу теперь, когда комнату наполнили черные тени, казался прекрасным сном. Сказочным. Небывалым. Но в жизни всегда должно быть место сказке – так говорила бабушка. И, если в ней нашлось место для доброго волка, то, быть может, найдется и для Прекрасного Принца?

***

Я неспешно брела по городским улицам, давя башмаками сухие листья. Не то, чтобы я любила праздное шатание по городу, просто сейчас меня будто что-то тянуло назад. Страх, робость? Признаться честно, я не представляла, как заявлюсь к одной из тех швей, у которых одеваются все эти модницы. Вдруг прогонят взашей, едва бросив взгляд на ви-

давшее виды платье и скромный плащик, которые никак не вяжутся с именем Эвлиш. Хотя все и так знают, что род наш давно обнищал.

Невольно я поежилась под оценивающим взглядом двух молодых девиц в ярко-желтом и салатовом платьях и кружевных шляпках в тон, что застыли у входа в цветочную лавку. Лопатками чувствовала, как они меня разглядывают, обсуждают, даже не пытаясь говорить тише – неужели их учили только наряжаться, и никто не озаботился научить правилам хорошего тона?

Поджав губы, я прибавила шаг у вдоль аллеи, стараясь не разглядывать цветные витрины. Городок наш буквально пропитался осенью, как хлебный ломоть свежесваренным джемом. Ее медовое дыхание читалось в багряно-золотом убранстве лавочек и домов, чьи ставни и двери украшали венки из сухоцветов и резных кленовых листьев. На рыночной площади громоздились корзины с пахучими яблоками и плетеные коробочки с ягодами облепихи и клюквы, бочки с солеными грибами и гирлянды из засушенной рыбы. Торговцы не жалели глоток, нахваливая товар и стараясь перекричать друг друга. Кто-то даже схватил меня за плащ, норовя затащить к себе, но я вырвалась и ощупала кошель на поясе – цел и хорошо! Воришки не дремлют.

Миновав пекарню, откуда доносился аромат еще горячих пирожков с корицей, я свернула на улочку мастериц. Здесь обитали швеи и ткачихи, вязальщицы и вышивальщицы. В

этом маленьком женском царстве царил особенный дух – утонченный, как самое дорогое кружево, и уютный, точно любимая шаль, в которую кутаешься длинными осенними вечерами. Аккуратные лавочки, подстриженные деревца и кустики, декоративные вазоны, похожие на маленькие клумбы с карликовыми астрами, газовые фонари на столбах, увитых плющом. Осеннюю атмосферу дополняли искусственные тыквы ярко-рыжего цвета – на одну из них взгромоздился упитанный черный кот. Едва увидев меня, животное прыснула в сторону, не забыв перебежать мне дорогу.

Спасибо, котик. И без тебя проблем по горло.

– Мисс Розы, доброго вам дня! – приподняв шапку, поздоровался дворник по имени Пирс – немолодой полноватый мужчина с торчащими щеткой усами, и метла его снова заскребла по мостовой.

Он помнил, как я обходила эти лавки в поисках работы, и с каким отчаяньем возвращалась обратно. Хотя до недавнего времени в одной из них работала старенькая миссис Крокет – я тайком приносила ей на продажу связанные бабушкой носки и свое скромное кружево. Но уже месяц как та переехала к дочери в поселок, и в лавке той обосновалась молодая и не слишком вежливая модистка – она гордилась тем, что одевала самых зажиточных леди города, и не стала даже разговаривать со мной.

Звякнул колокольчик, и из лавки под названием «Ванильные кружева» выскочили, заливисто смеялась, три дочери

местного аристократа. Увидев меня, обходящую их пеструю компанию, сначала умолкли, а потом одна выпалила в спину:

– Оборванка Розы решила принарядиться?

Две другие девушки сдавленно захихикали, а я, не удостоив их и взгляда, уверенно зашагала дальше, стараясь не бежать, хотя в носу защипало, а пальцы сами по себе сжались в кулаки.

С витрин на меня смотрели безглазые манекены в платьях таких дорогих и прекрасных, что от одной мысли о том, чтобы войти в эту обитель роскоши, начинал душить стыд. Куда мне соваться в этих проклятых стоптанных башмаках и позорном плаще? Но кошелек с серебряными монетами оттягивал пояс, напоминая, для чего я сюда пришла.

Ну же, Розы, пытка не может длиться вечно. Еще несколько часов, и все это закончится, ты вернешься под крыло любящей бабушки, которой все равно, что на тебе надето. А может быть, даже удастся снова сбежать в лес...

Погруженная в свои мысли, я не заметила, как дошла до самого конца улицы. Неужели настолько забылась? Но передо мной высилась поросшая мхом и плющом стенка – дальше хода нет. Так быстро пробежала улочку и даже никуда не заглянула. Трусиха... придется возвращаться обратно и идти медленней, высматривая не слишком шикарные лавки. Чтобы не было так стыдно войти...

Внезапно взор выхватил незаметную на первый взгляд мастерскую, притаившуюся под сенью красных кленов. Это

низкое маленькое здание отличалось от остальных, но что-то я не припомню, чтобы видела его раньше.

– «Лавка тетушки Лаванды. Волшебные платья, шляпки, туфли. Почувствуй себя принцессой», – прочитала шепотом, а внутри будто зазвенел колокольчик – вот оно! Вот то, что мне нужно!

Откуда я это знала? Неизвестно. Просто почувствовала. Решительно шагнув вперед, повернула дверную ручку – раздался скрип, и я отважно вошла внутрь.

С порога меня окутал древесно-цветочный аромат, словно я оказалась за городом. Вокруг царил полумрак, мягкий свет сочился сквозь золотистые шторы, что спадали до самого пола мягкими складками. На длинных полках громоздились рулоны самых разнообразных тканей, в ряд выстроились разодетые манекены, точно солдаты на плацу. Стол у окна был завален отрезами кружева, нитками бус, ножницами и прищепками, а из игольницы в виде большого мухомора торчало десятка два швейных игл.

Да и вообще изнутри помещение казалось намного просторней, чем снаружи. Я поймала себя на мысли, что пялюсь по сторонам, разинув рот.

– Ну, здравствуй, милочка, – раздался деловой женский голос, и из-за ширмы вынырнула женщина.

На вид я бы дала ей лет сорок – лицо еще свежее и румяное, но в уголках глаз уже наметились лучики морщин. Глаза смотрели чуть насмешливо, но без злости – она изучала

меня, как что-то дико интересное. Я же прикипела взглядом к необыкновенным кудрям хозяйки – они были цвета лаванды. И глаза ее... тоже были лавандовыми. Так вот откуда название лавки!

– Здравствуйте, – ответила тихо.

А женщина уже шагнула ко мне, обошла кругом. Ее платье ярко-зеленого цвета колыхалось в такт движениям, а серебристые цветы на подоле мерцали игриво и таинственно.

– Как тебя зовут, деточка?

– Розы... То есть Розалин.

– Роза! – всплеснула она пухлыми руками. Нет, хозяйка не выглядела толстой, скорее, полненькой и милой. Как сдобная булочка. – Чудесный цветок, что расцвел в старом неухоженном саду.

Показалось, что она намекает на мой наряд, и щеки сразу запекло румянцем.

– И зачем Роза заглянула в лавку тетушки Лаванды? – поинтересовалась, сощурившись.

– Мне нужно платье для приема.

Интересно, хватит ли денег, которых оставил дядя Джеймс? Здесь все такое красивое, шикарное... Вот будет стыд, если она назовет цену втрое больше того, что лежит в кошельке.

Вдруг женщина ущипнула меня за щеку, заставив отшатнуться, и весело рассмеялась.

– Что вы делаете? – я дотронулась до пылающей кожи и

покосилась на дверь, готовая бежать от этой странной тетушки Лаванды. Она наверняка сумасшедшая! Вон как глаза загорелись.

– Не бойся, маленькая Розочка! Я тебя не обижу. Ты ведь не трусишка, правда?

Да что себе позволяет эта... эта... цветочная тетка! Пусть я и бедная, но гордость у меня осталась. Смеяться над собой я не позволю, зайду в другую лавку!

– Всего доброго! – ответила холодно и устремилась к двери, но слова, полетевшие в спину, заставили замереть на месте.

Усмехнувшись, тетушка Лаванда сказала:

– В лес пойти, значит, не струсил. Волка не испугалась. Так меня чего боишься, Розалин Эвлиш?

Глава 9. Разговор за чашкой чая и беспокойная ночь

– Откуда вы знаете?

Я повернулась медленно, как шарнирная кукла, и, не моргая, уставилась на хозяйку лавки.

– О, милочка, от тебя за версту магией несет, – тетушка Лаванда приподняла большой палец и посмотрела на меня взглядом строгой учительницы. – Я такие вещи сразу вижу.

Потом схватила меня за плечи и повела вперед, к высокому зеркалу в золоченой раме. А мне не оставалось ничего, кроме как повиноваться.

– Но почему? Как вы узнали? Вы за мной следили?!

– Да не дергайся ты так, девочка, – она закатила глаза и ловко избавила меня от плаща, отправив его в полет на спинку стула. – Если хочешь, расскажу все по порядку. Только перестань смотреть на меня такими глазами, будто я людоедка какая. Не съем я тебя, не съем.

Не сказать, что это заверение меня успокоило, но дергаться я перестала. Потом медленно перевела взгляд на холодную зеркальную поверхность.

– Видишь, какая ты красавица? – на полных губах тетушки Лаванды расцвела улыбка.

– Какое странное зеркало, – прошептала замороженно. –

Оно... волшебное?

Я и узнавала себя, и нет. Внешность, вроде бы, похожа, но та девушка статная, с гордо развернутыми плечами, с изящной шеей и точеным подбородком. А в глазах непоколебимая уверенность, будто ей... то есть мне, не страшны ни дядя Джеймс с его друзьями, ни насмешливые шепотки за спиной. И даже в старом платье ни у кого язык бы не повернулся назвать меня нищенкой.

Тетушка Лаванда добродушно рассмеялась и снова потрепала за щеку. Такое себе позволяли только родители и бабуля, и то очень и очень давно. А сейчас я уже далеко не малышка!

– Оно самое что ни на есть обыкновенное. То есть почти. Оно отражает суть вещей и людей. А теперь давай займемся делом, Розочка! Ты ведь пришла за обновками, верно?

Она деловито просеменила к дверце, спрятанной в нише стены:

– Эй, девочки, подайте мне те рулоны с верхней полки! Только аккуратней, не расшибитесь!

Я невольно пробежалась взглядом по множеству цветных свертков в шкафу – неужели среди них нет того, что подошел бы мне? От такого обилия тканей глаза разбегаются! И хочется дотронуться до всей этой роскоши, и боязно.

Я так отвлеклась на разглядывание, что совсем не заметила прихода помощниц мастерицы, или шагали они поистине бесшумно – только шелест ткани выдал их приближение.

– Вот спасибо, дорогие!

Обернувшись на бодрый голос женщины, я распахнула глаза и застыла, бестолково хлопая ресницами. В воздухе парил рулон нежно-розового... нет, не парил. Его несли по воздуху, хлопая полупрозрачными крылышками, четыре феи. Малютки были точь-в-точь такими, какими их рисовали художники в детских книжках!

– Невероятно... – сорвалось с губ, и я приложила руку к груди, словно пытаюсь унять бешеный перестук сердца. Хотелось засыпать хозяйку вопросами, но язык прилип к небу.

Тем временем тетушка Лаванда отдала распоряжения и поспешила ко мне.

– А чему ты удивляешься? – пожала плечами. – Привыкай. Ты осмелилась ступить в лес, теперь магия будет преследовать тебя повсюду.

Я едва не простонала. Только этого не хватало! Но мне не дали поразмышлять над своей суровой долей: Лаванда принялась вертеть меня туда-сюда, прикладывая ткани так и эдак, а маленькие помощницы сновали по лавке, таская отрезки ткани, невесомое кружево и ленты.

– Я почти ничего не понимаю, как такое возможно? Феи прямо в городе! Кто вы, тетушка Лаванда? – я обвела взглядом лавку, замечая, как переливаются всеми цветами радуги крылышки волшебных созданий, и посмотрела прямо ей в глаза.

Женщина хитро усмехнулась, а потом заставила меня рас-

топырить руки в стороны и ловко обхватила лентой под грудью – в нос ударил аромат цветов, которым были пропитаны ее кудри. Пальцы сновали ловко и быстро, на первый взгляд она показалась такой болтушкой, но сейчас я видела, что работа стоит у нее на первом месте.

– Ах, моя девочка, сейчас настали все-ем другие времена, – наконец произнесла Лаванда, вытащив изо рта булавку. – Мы, волшебный народец, больше не можем спокойно жить в лесу. После того, как Некто пронзил Сердце Леса проклятым мечом, нам пришлось покинуть свои дома и брестить по свету в поисках лучшей доли.

Сказанное звучало совсем немыслимо. Но разве передо мной не мелькают прямые доказательства ее слов? Волшебный народ – вот это да! Такое лишь в сказках бывает... или нет?

– Кто такой Некто? Что такое Сердце Леса? Кто вы такая? – вопросы посыпались как из рога изобилия. Узнать ответы на них показалось мне очень важным, но не праздное любопытство было тому виной.

В памяти всплыла морда нового знакомца: его печальные глаза, глядящие осмысленно, мягкие ушки, которые он так забавно топорщил. Что если зверь тоже попал в беду?

– Какая ты любопытная! Подожди, сейчас закончим и тогда поговорим, – с этими словами она отогнула лоскут нежно-розовой ткани будто покрытой снежной пылью, и приложила мне к груди. – Погляди, ты просто светишься!

И правда, этот цвет удивительно мне шел. Я несмело коснулась мягкой материи подушечками пальцев, боялась испортить дивную эту дивную красоту – на ощупь та была прохладной и нежной, как лепесток.

– Цветешь, как роза в саду, – довольно заключила она. – Я справлю тебе самые лучшие наряды, все от зависти лопнут!

– Боюсь, что денег у меня хватит только на одно платье, – неловко было признавать это, но пришлось, потому что хозяйка лавки загорелась идеей одеть меня, как принцессу. Не хочется краснеть, если не хватит выданного дядей Джеймсом серебра.

Но та лишь отмахнулась и продолжила.

Не знаю, сколько прошло времени. Приятные хлопоты захватили, заставив позабыть обо всем. Я следила за маленькими феями, носящимися по лавке, и смеялась, с жадным любопытством разглядывала ткани и фасоны, перебирала каменные и жемчужные бусины в огромной коробке, щупала драгоценные ткани кончиками пальцев. Наконец, тетушка Лаванда попросила маленьких помощниц заварить нам чаю и грациозно опустилась в кресло, едва не утонув в облаке пышных зеленых кружев.

– Так что тебя больше всего интересует, Роза? – серьезно спросила она и сложила руки на коленях.

Я пригубила горячий чай, отдающий луговыми ароматными травами. Даже не знала, с чего начать.

– Кто вы такая и... что не так с этим лесом?

Она на миг прикрыла глаза, а, когда снова подняла взор, в нем не было ни прежнего лукавства, ни веселости.

– Тридцать лет назад Некто пришел в наш лес, чтобы отнять его магию и присвоить себе. Он пронзил мечом Сердце Леса, и с тех пор волшебство по капле начало утекать из этих мест. Все мы, его дети, начали чахнуть и терять силу, поэтому были вынуждены уйти, – женщина поставила чашку на тарелочку и с грустью посмотрела в окно. На несколько мгновений воцарилась тишина, прерываемая стрекотом миниатюрных крылышек.

Одна из фей подлетела совсем близко и уселась мне на плечо.

– Находиться там было опасно, обычные растения и звери начали наполняться тьмой и превращаться в чудовищ – стали гибнуть мои братья и простые люди, жители окрестных городов и деревень. Уходя, я собрала все свои силы и окружила лес магическим барьером, внушающим страх и отпугивающим местных.

– Поэтому все боятся ходить туда?

Тетушка Лаванда кивнула.

– Мало было смельчаков, которые рискнули проникнуть за пределы моего барьера. Ты, Роза, одна из них.

При этих словах я ощутила прилив гордости. Вот, значит, как. И никакая я не трусиха! Но вместе с тем внутри заворочалось беспокойство – а что, если мой Волчок тоже поддастся злу и выжидает момент, чтобы перегрызть мне горло?

Я тряхнула головой. Нет! Не может такого быть. В последнюю нашу встречу в его глазах я видела все, что угодно, но только не звериную злобу.

– Лес может играть с незваными гостями, испытывать, заманивать в ловушки, – звучал негромкий голос. – Обманывать, путать тропы. Но я верю, что когда-нибудь найдется тот, кто освободит его Сердце, избавит от страданий и зла, и все вернется на свои места.

– Но почему никто до сих пор этого не сделал?

– Потому что никто не знает, как ему помочь. Думаешь, я не пыталась? Я пробовала много раз, но мне это оказалось не по силам.

И тут я вновь рискнула повторить свой вопрос. Личность этой женщины не давала мне покоя, хотя в душе я предполагала ответ.

– Ну, ты ведь знаешь, детка, – усмехнулась она.

– Вы фея? Королева фей?

– Странно видеть царственную особу, занимающуюся пошивом платьев, правда? Это ты еще не знаешь, чем Король эльфов сейчас занимается, но он просил не говорить, – она хохотнула и взбила кудри. – Жаль, что ты меня не видела до всех этих печальных событий. Я была такой красавицей, эхх!

Я пробормотала что-то типа «вы и сейчас красавица», а она лишь отмахнулась, мол, не верю.

– Но ты можешь по-прежнему обращаться ко мне «тетушка Лаванда». Кстати, не хочешь пирожных?

Пирожных я хотела. Очень. И эклеров с творожной начинкой, и хрустящих слоек, и почти невесомых тартинок, но не хотела выглядеть оголодавшей девчонкой, бросающейся на еду, поэтому покачала головой и задала последний вопрос:

– Кто такой Некто?

Тетушка едва заметно вздрогнула, а малышки феечки испуганно запищали и спрятались за штору.

– Никто не видел его лица, но говорят, что это человек, который больше всего на свете хотел стать волшебником. Он возжелал богатства и власти, поэтому решил присвоить себе магию леса, пронзив Сердце зачарованным мечом. Также говорят, что помогала ему темная колдунья. Но у них ничего не вышло – тело простого смертного не приняло высвободившуюся из Сердца магию, она изуродовала его, не принеся желанной силы.

Мы замолчали. Каждая думала о своем.

– Тетушка Лаванда, что вы знаете о Волке? – наконец, решилась спросить я. Вдруг ей известно что-то, что может помочь мне разгадать его загадку? А в том, что она существовала, я уже не сомневалась.

– Увы, почти ничего. Мои маленькие помощницы донесли лишь то, что около двух лет назад в этих краях появился огромный зверь, не похожий на остальных. Возможно, именно тебе предстоит ответить на этот вопрос, – она вновь подняла указательный палец, напомнив строгую наставницу. –

Но на сегодня хватит, детка. У меня еще горы работы, модницы уже начали заказывать костюмы к Новому году, – с этими словами она поднялась.

– Когда я должна прийти на примерку? – поинтересовалась, застегивая плащик.

– Ты что, какая примерка! Ты сомневаешься во мне? Платья и без всяких примерок будут сидеть, как влитые. В субботу перед приемом заберешь, а заодно я сооружу тебе прическу. С твоими волосами даже накладных прядей не понадобится!

Разволновавшись, я не сразу поняла, что тетушка Лаванда сказала «платья». Заплатив задаток, – феям ведь тоже надо что-то есть, – я вышла на улицу и сразу попала под мелкий осенний дождик. Хмурые тучи низко нависли над городом, будто желая раздавить его своими неповоротливыми телами.

Накинув капюшон, я побежала по тротуару и вдруг почувствовала взгляд. Нехотя остановилась и покрутила головой, но не заметила никого, кроме большой нахохлившейся вороны – она смотрела на меня в упор, сидя на железной ограде. Глазки-бусинки сверкали недобро, будто я перед ней в чем-то провинилась.

– Карр! – взмахнув крыльями, птица взлетела и исчезла в переплетении ветвей.

А я припустила к дому, перепрыгивая через лужи.

***

К вечеру распогодилось, но о том, чтобы идти в лес, не

было и речи. Придется Волчку поскучать одному. В том, что он ждет меня, я почему-то не сомневалась.

Бабуля переволновалась, когда я явилась домой, промокшая до нитки. Заставила меня переодеться и лечь в постель, словно я по-прежнему была маленьким ребенком. Выбраться из плена подушек удалось лишь тогда, когда тучи расползлись, и в дом пробрались робкие лучи заходящего солнца.

Я вывела бабулю в сад, усадив в плетеное кресло и укутав пледом, а сама перетрясла постельное белье и сгребла палые листья – работа отвлекла от вереницы навязчивых мыслей, но с наступлением ночи они вновь атаковали мой разум. Мне виделась закутанная в черный плащ фигура с мечом наперевес, лесная чаща, ведьмы, танцующие вокруг костра в окружении волосатых козлоногих существ.

Порыв ветра распахнул окно, затушив свечу на прикроватной тумбе, и я поднялась, чтобы закрыть створки. Вдруг напротив окна взгляд выхватил темный силуэт.

Это была большая ворона. И откуда она здесь взялась?

– Кыш! – на всякий случай крикнула я и захлопнула раму.

А ночью мне приснился заснеженный лес, ведущая вглубь чащи тропинка и воронье, с мерзким карканьем кружившее над головой. И снова я шла, повинуюсь неясному призыву, продираясь сквозь колючий кустарник и оставляя на шипах ключья одежды. Мои легкие туфельки совсем промокли, я не чувствовала пальцев от дикого холода. Разве сон может быть таким реальным?

Дорожка пошла под уклон, и я, подхватив юбку, стала спускаться в низину. Белесый туман соткал непроницаемую для глаз завесу, но отчего-то я знала – повернуть назад нельзя.

Что за чувство гонит меня в спину? Кто пытается достучаться через этот странный сон?

Вдруг громкий звон заставил меня вздрогнуть. Звон битого стекла.

Я подскочила на своей постели и уставилась в темноту.
– Кто здесь?!

Я не успела ничего понять, а на меня уже кинулась черная тень. Впилась когтями в волосы, и я едва успела защитить руками глаза.

С криком упала на пол. Поползла, сама не зная куда, пока дикое существо клевало меня и рвало когтями.

Как больно!

– Пошла вон! – я вцепилась в гладкие перья, отдирая мерзкую птицу от себя вместе с клочьями волос и отшвыривая прочь.

– Карр! Карр!!

Я метнулась к тумбе и, схватив тяжелый подсвечник, замахнулась.

Бронза с глухим звуком врезалась в тело вороны, и та заверещала, как кошка. Снова бросилась, целя в глаза.

– Получай! – меня обуяла такая ярость, что от следующего удара птица отлетела к окну. Я кинулась следом. Сейчас она

получит!

– Карр!!! – черной молнией та проскользнула в дыру в стекле и была такова.

Подбежав к окну, я долго всматривалась в молчаливый сад, пока темнота не стала сменяться предрассветной серостью. Босые ноги совсем заледенели, и я поежилась. Меня начало трясти то ли от холода, то ли от страха.

Подсвечник, который я до сих пор сжимала в пальцах, грохнул об пол. Грудь тяжело вздымалась – мне не хватало дыхания.

Что это было? – спросила сама себя в сотый раз.

«Привыкай. Ты осмелилась ступить в лес, теперь магия будет преследовать тебя повсюду».

Ох, нет. Нет-нет-нет. Я не хочу. Верните мне мою спокойную жизнь!

Но чутье подсказывало – пути назад не будет.

Глава 10. На берегу озера

– Мисс Роза, неужели кто-то у ваших женихов столь ретив и невоспитан, что посмел разбить вам окошко?

Мистер Беркинс подтрунивал надо мной, забивая досками дыру в окне. Он балансировал на хлипкой лестнице без малейшего страха, а я что-то лепетала в ответ. Конечно, он не поверил в то, что я случайно разбила стекло, когда мыла окна. Если честно, только последний дурачок поверил бы в мою историю.

Этим утром, едва рассвело, я собрала мерзкие перья и сожгла их во дворе. К счастью, бабуля спала крепко и не слышала ночного происшествия. А я то и дело прокручивала его в голове и чувствовала, как внутри дрожит тонкая струна.

Что понадобилось от меня пернатой твари?

Чутье подсказывало – нападение как-то связано с моим сном, будто птица нарочно разбудила меня, не дав досмотреть его до конца.

Что скрывается в конце пути? Кто так настойчиво тянет меня в лесную чащу? Какая роль мне уготована в отнюдь не доброй сказке?

Я размышляла об этом, гуляя по рынку, замешивая тесто и срезая яблочную кожуру. Сегодня утром я решила, что не случится ничего дурного, если потрачу несколько серебряных монет на продукты – хотелось порадовать бабулю чем-

нибудь вкусненьким, поэтому вскоре наша кухня превратилась в настоящее поле боя. Миссис Беркинс ощипывала куриную тушку, готовясь набить ее рисом и сушеным черносливом, а я, перемазавшись мукой, раскатывала тесто в тонкий пласт – быть пирогам с яблоками! И даже бабушка была при деле: накинув на плечи выцветшую шаль, вязала у окна.

Спицы размеренно постукивали, миссис Беркинс пересказывала городские сплетни, вставляя такие забавные комментарии, что я невольно посмеивалась.

– Говорят, за речкой видели здоровенного волка. Старый Уоттерс за грибами ходил, как едва морду серую приметил, чуть дух не испустил! – она принялась рубить тушку. – Удирал так, что корзину потерял. А мне кажется, что он все выдумал, заболтался с мужиками, забыл про грибы, а жене про волка наплел, чтобы та ему плешь не проедала.

– Отчего же вы так решили, миссис Беркинс? – спросила я, а руки вдруг задрожали. – Думаете, в окрестностях нет волков?

– Может и есть, но на людей они не бросаются. А дурачков, чтобы в лес ходить, у нас и нет.

Хмм... Так уж и нет. Щеки запылали румянцем, и я стала быстро-быстро закладывать в пирожки начинку.

– А мне казалось, что недавно ночью кто-то выл под окнами, – заметила бабуля. – Да так пронзительно, печально, будто оплакивал кого-то.

– Это собака была, миссис Эвлиш. Кто же еще?

– Действительно.

Я слушала их вполуха, витая в собственных мыслях.

После обеда к бабушке в гости пришли престарелые соседки, и я оставила их на попечение миссис Беркинс, а сама сложила в корзину пирожки, сверху закрыла накрахмаленным полотенцем, чтобы не остыли.

– Бабуль, я пойду прогуляюсь! – крикнула бодро, влетая в башмачки и застегивая плащ.

Город готовился к празднованию конца осени и дню поминовения усопших. В это время полагалось собираться за столом всем членам больших родов, жарить уток с яблоками и варить фруктовые взвары на меду. Некоторые верили, что духи умерших тоже пируют за столами, слушая новости из жизни потомков. На меня этот праздник всегда навевал грусть – куда делась моя большая семья? Только мы с бабулей – да и все.

Но я любила смотреть, как отмечают простые горожане – они собирались на лужке за городом и жгли костры, танцевали до упаду и орали хмельные песни. Некоторые вырезали из крупных оранжевых тыкв морды страшных существ, а внутрь вставляли свечи, веря, что это отпугнет злых духов. Вот и теперь пороги домов украшали тыквенные головы – этакое народное творчество, вызывающее смех у аристократии.

Никем не остановленная, я сбежала по каменной лесенке, шурша золотой листвой – деревья почти полностью ого-

лились, растопырив тонкие печальные ветки. Поправила на локте корзинку и, вдохнув тонкий аромат пирожков, поспешила к выходу из города.

***

Он ждал меня на опушке. Притаился в зарослях лещины, сверкая глазами-плошками.

– Привет, Волчок, – я потрепала серую башку между ушей, а он первым делом ткнулся носом в корзинку. – Прости, они без мяса, но с яблоками тоже вкусно получилось.

Я села, подогнув под себя ноги, и достала по пирожку. Зверь проглотил свой, не моргнув и глазом, а я получила очередную возможность полюбоваться на огромные клыки. Не спрашивая разрешения, волк сунул нос в корзину – раздалось чавканье и довольное урчание. Посмеиваясь, я наблюдала, как он уничтожил пирожок за пирожком, а, когда от последнего остался лишь маленький кусочек, волк посмотрел виновато и выронил его мне на колени.

– Спасибо, что поделился, – я вздохнула, понимая, что не буду доедать за ним. Но забота все равно показалась невероятно милой. Подумать только, дикое животное оказалось добрее, чем некоторые люди.

После трапезы мы отправились уже знакомой дорогой, что вела к холму.

– А ты знаешь, я ведь мечтала поступить в Аптекарскую Академию. Ту, что в столице. Хотя откуда ты можешь знать, ты ведь никогда там не был, – болтала я на ходу, но волк

вдруг тряхнул головой и посмотрел укоризненно. – Ладно-ладно, не обижайся. В общем, мечтам моим не суждено было сбыться, туда девушек не берут. Хотя, если бы у нас было достаточно денег, я могла бы отправиться учиться в пансион для благородных девиц, но... – я запнулась. – ...но зачем это нужно? Шить, вязать и вышивать я и так умею. Готовить тоже. Да я даже гвоздь забить могу!

Волчок чихнул и махнул хвостом, а я рассмеялась. Он определенно хороший собеседник!

– У нас дома огромная библиотека, – я развела руки в стороны, будто пыталась объять необъятное. – Книг там столько, что на всю жизнь хватит. Мои бабушка и дед по маминой линии коллекционировали их. Удивлена, что дядя Джеймс не попытался продать такое сокровище! С тех пор, как мы с бабушкой сюда переехали, я часто засиживалась за ними, читала книги по этикету, механике, географии, истории, даже пыталась учить языки. Не слишком успешно, но все же... – губы тронула улыбка.

Воспоминания о вечерах, проведенных в уютном кресле с чашкой горячего чая с пахнущем пылью фолианте на коленях были одними из самых дорогих. Тех, что достаешь из шкатулки памяти и перебираешь, как редкие жемчужины.

– Бабуля ослепла, и я читала ей истории о рыцарях и королях. О пиратах и благородных дамах. А потом мы с ней много разговаривали.

Он шел впереди, больше не поворачиваясь, но я чувство-

вала – волк понимает меня. Что это? Моя потребность выговориться или нечто большее?

– Конечно, все это никогда не заменит настоящих занятий, но хоть так... Я даже как-то раз отправилась искать работу помощницей аптекаря, но дядя постарался, чтобы меня нигде не брали.

Я не выдержала и нажаловалась Волчку на родственника, умолчав только о том, что он загорелся идеей выдать меня замуж. Не хотелось вспоминать неприятное и портить себе настроение. А мой умный друг вдруг остановился и толкнулся влажным носом в бедро и чуть слышно заскулил.

Жалеет.

Сегодня я попросила волка спуститься к озеру, и он послушно затрусил по склону.

– Я знаю, что случилось в твоим лесом. Тетушка Лаванда рассказала мне эту историю, – начала я, поравнявшись со зверем. Он бросил взгляд исподлобья, и глаза засияли особенно ярко. Или мне показалось?

– Ты не знаешь, где может быть Сердце Леса? – завершила я свой рассказ вопросом, а Волчок отрицательно заскулил и подставил голову, выпрашивая ласку.

Мне нравилось гладить его. Наверное, я сошла с ума, но мне хотелось думать, что лесной хищник, убивающий без сожалений, подчиняется моей воле. Ластится как домашний пес, и заглядывает в глаза. Он больше не казался мне страшным чудовищем, звериный запах не вызывал отторжения –

он пах прелой листвой и шерстью. Я зарывалась в нее пальцами, а волк начинал фыркать.

Вот и сейчас издал забавный звук, а потом свалился на спину, подставив лохматое пузо.

– Эээ нет, хватит с тебя! – погрозила я пальцем и, подхватив юбку, побежала к озеру.

Ветер стих, и поверхность его казалась стеклянно-гладкой. Безмятежной. На противоположном берегу алели клены, отражаясь в зеркале вод. Вечернее солнце еще не успело нырнуть за горизонт, поливая верхушки деревьев теплым светом.

Я откинула голову и закрыла глаза. Сердце мое наполнилось предвкушением какой-то отчаянной радости. Из головы выветрились все темные мысли, страхи истаяли.

Волк подошел неслышно и уселся рядом, касаясь ноги горячим боком.

– Ты не будешь против, если я помочу ножки? – спросила и тут же начала стягивать ботинки, а за ними чулки.

Он посмотрел на меня с осуждением, а потом махнул хвостом и отошел за спину. Пожав плечами, я ступила в воду. Пальцы сначала закололо – вода была холодной, но через несколько мгновений кожа привыкла.

Ох, как же давно я не плавала! Сердце сжалось от тоски по прошлому. Мы жили на берегу небольшого пруда, в котором я любила купаться летом, но вот уже семь была лишена этого. Конечно, сумасшедшей я не была и плавать сейчас не

собиралась – не хватало еще простыть. Но все-таки подняла юбку повыше и зашла в воду по колено. Замерла, прислушиваясь к себе и ловя отблески нежного осеннего солнца.

В какой-то миг я ощутила прикосновение, будто холодная рыба чешуя скользнула по лодыжке, а потом...

Ноги потеряли опору, и я, не успев даже взвизгнуть, повалилась спиной в ледяное озеро. Где-то совсем рядом раздался громкий рык, вода плеснула в лицо, и меня поволокло прочь от берега.

От сильного рывка сердце перевернулось в груди. Я не сразу опомнилась и успела глотнуть воды, прежде, чем дернулась вверх и сделала вдох. Мелькнуло небо и вновь погасло – я ушла под воду. Ноги оплетало что-то склизкое и холодное.

Рывок. Еще один.

Я перевернулась в воде и бешено задергала ногами, пытаюсь вырваться. Загребла руками, путаясь в собственных волосах и юбке, что задралась уже выше головы.

Выше, выше, вперед и вверх, пока меня окончательно не затянуло на дно.

Вдох...

И снова меня уволокло вниз, в холодные озерные воды.

Обезумевшая от страха, я не знала, что делать. Бестолково металась, как пойманная в сети рыбешка. Грудь распирало – еще чуть-чуть, и в рот хлынет вода. Я захлебнусь. Утону в этом треклятом озере, а бабушка так и не дождетя непуг

тевую внучку домой.

Когда терпеть удушье стало невыносимо, до огня и белых искр перед глазами, хватка вдруг ослабла. Щупальца отпустили, и я устремилась вверх, к свету и воздуху.

Судорожный вдох. Еще один.

Я закашлялась и быстро вытерла кулаком глаза. Где берег? Куда плыть?

Прямо подо мной вдруг забулькало, заворочалось, а потом над водой показалась морда моего волка. Я вскрикнула, но в тот же миг горло сковало страхом – шею зверя оплетала жирная зеленая водоросль. Она душила его и тянула на дно, но тот рвался, утробно рыча и скаля зубы. Сдаться было равносильно смерти.

Я не думала. Было не до того. Просто кинулась к нему и изо всех сил вцепилась в мерзкое щупальце.

– Ааа!!! – разодрала его и отшвырнула прочь. – Давай, Волчок!

Мы, не сговариваясь, погребли к берегу. Благо, тело вспомнило, что когда-то я хорошо плавала. Под ногами, в мутной глубине, скользили то ли рыбы, то ли конечности ужасного чудища, что едва не сгубило нас. Казалось, я перестала дышать. Сердце билось, как полоумное.

Едва ноги коснулись берега, я подхватила тяжелую юбку и побежала. За мной, поднимая тучи брызг, мчался волк.

Обессиленные, мы рухнули в траву. Меня колотила дрожь, зуб на зуб не попадал. Я обхватила себя за плечи и

рассмеялась. Из глаз потекли слезы, но я даже не думала их вытирать.

Зато горячий шершавый язык мазнул по щеке, собирая соленые капли.

– Ты спас меня, – я обхватила шею, облепленную мокрой шерстью, и зарылась в нее лицом.

Мой друг, мой добрый и хороший Волчок не испугался и бросился на помощь, хотя мог просто убежать, спасая шкуру.

Он дышал шумно, хрипло. Словно бежал без остановки от стаи охотничьих собак, что норвила разорвать его на клочки.

– Спасибо тебе, спасибо, спасибо, – шептала я, обнимая волка.

А он молчал, положив морду мне на плечо. Он не видел, как над поверхностью озера приподнялось... я даже не могла это описать. Какое-то сплетение буро-зеленых водорослей, похожее на башку с широкой пастью и двумя рыжими глазами. Чудище посмотрело на нас, а потом медленно погрузилось в воду. Затаилось в ожидании добычи.

«Лес может играть с незваными гостями, испытывать, заманивать в ловушки».

Голос тетушки Лаванды прозвучал так ясно, будто она стояла у меня за спиной.

Подул пронизывающий ветер, взметнув стайку сухих листков. Я поежилась.

– Знаешь, Волчок, нам лучше уйти отсюда.

Тот молча кивнул. Отряхнулся так, что вся вода полетела на меня, и бодро затрусил к холму. Прежде, чем последовать за ним, я бросила последний взгляд на кажущееся безмятежным озеро.

Озарение было ярким, как вспышка молнии.

Я должна найти Сердце Леса и попытаться его спасти.

Глава 11. Волчья доля

Я долго смотрел ей вслед, а дождь барабанил мне по затылку. Я смотрел, как проворно она бежит по ивняку, смотрел, как перепрыгивает через ручей. Как сверкают подошвы ее башмачков и колышется тяжелый от воды плащ. Я смотрел и снова чувствовал, что живу. Чувствовал, как кровь бежит по венам, как щекочет ноздри пряный запах мокрой листвы, а мысли становятся связными.

За два года, минувшие с того рокового дня, я почти забыл, кто я есть на самом деле. Студеными ночами метался по лесу и кричал от тоски, вскинув морду к луне, рычал, пытаясь выплеснуть накопившуюся боль. Я охотился и с наслаждением рвал зубами сочную плоть пугливых оленей и глупых зайцев, утоляя голод и пачкая морду кровью. А потом, опомнившись, забивался в нору и до одурения вдыхал запах потертой кожаной перчатки, чтобы никогда не забыть место, откуда я пришел, и куда во что бы то ни стало должен вернуться.

И отомстить.

Были дни, когда мне казалось, что звериная сущность берет верх. Потерять разум и память, навсегда оставшись в волчьем обличье – что может быть страшней? Но время шло, и порой забвение казалось мне самым желанным подарком – на что мне эта память, что грузом тянет к земле? Заставляет

мечтать о несбыточном, отравляет ядом ложной надежды. И тогда я хотел окончательно стать волком и волноваться лишь о том, как бы посытней набить брюхо. А после, когда черная тоска ослабляла хватку, я скулил от стыда за свое малодушие.

Прощать нельзя. Забывать нельзя. Надо гнать слабость, как гонят прочь бешеную собаку.

И в этом мне помогла Розалин – прекрасное создание, похожее на фею из сказки. Она ворвалась в мою жизнь внезапно, свалилась как снег на голову. Беззащитная, хрупкая, но такая смелая. Ее доброты хватило, чтобы согреть своим теплом одинокого проклятого волка, хотя любой из людей попытался бы меня убить при первой возможности. А она пирожки мне принесла, смешная...

И ведь почти догадалась о том, что со мной произошло. Да, поверить в это сложно, почти невозможно, но все же я хотел, чтобы она поняла, и одновременно стыдился своего проклятия. И в глубине души боялся, что носить мне волчью шкуру до конца дней, ведь что мое избавление обойдется кому-то слишком дорого.

Ненавижу себя за то, что не удержал ее, позволил зайти в треклятое озеро. Как дурак, засмотрелся на нежные девичьи ступни с маленькими розовыми пальчиками. В жизни не видел ничего очаровательней, хотя меня женскими прелестями не удивить.

И кровь стынет в жилах, едва вспоминаю, как ее утяну-

ло под воду озерное чудище. Не помню, как кинулся за ней, и как мы добрались до берега, но, едва отдышавшись, я поклялся беречь Розы. Самонадеянное обещание, да... Она поведала мне о своих горестях, о жизни и мечтах, не зная даже, что я понимаю каждое слово. И эти слова находят отклик в волчьем сердце.

Смешная девчонка с грустными глазами. Когда она замолкала и задумывалась, я замечал, как темнел ее взгляд. Розалин похожа на соломинку, попавшую в бурю, то и гляди, унесет ветром.

Ее непосредственность подкупала, а улыбка заставляла таять волчье сердце и превращаться в глупого Волчка – домашнего пса, который крутится под ногами в ожидании ласки.

Нет-нет, я больше не позволю ей так рисковать. Если надо, стану ее тенью.

Я лег на брюхо и устроил морду на лапах. Дождь усиливался. Смолкли птицы, попряталось зверье. Сумерки сгушались над лесом, и вместе с тем просыпалось дремлющее в чаще зло.

Я никогда не ходил на другой берег озера и дальше. Шерсть на хребте вставала дыбом от одной только мысли нарушить незримую границу, а лес, будто слыша мои намерения, шумел ветвями и кутался в туман, а по земле тянулись тонкие лозы-нити, усыпанные иглами.

Когда я только попал в этот лес, отчаявшийся, отовсюду

гонимый, граница та была намного дальше, но в последнее время неумолимо продвигалась вперед.

Что ж, остается надеяться, что барьер вокруг леса не пропустит заразу в большой мир, чем бы та ни была.

Глава 12. Картинная галерея

Домой я заявила уже в сумерках. На мое счастье на улице капал дождь, поэтому редкие прохожие, спешащие под крыши домов, ничуть не удивились моему промокшему до нитки платью.

А я шла прямо по лужам, перепрыгивая лишь самые глубокие. И ругала себя, на чем свет стоит. Хватило же ума подойти к этому проклятому озеру! Ведь фея предупреждала, что в лесу может таиться зло. А я, глупая, загордилась, забыла об осторожности. И что в итоге? Чуть не погубила себя и волка за компанию. Думать о том, что стало бы с бабулей, если бы я не вернулась, было страшно.

– Розы! Где же ты была, деточка! – причитала миссис Беркинс, пока я стягивала мокрые ботинки.

– Скорей под одеяло, Розалин! – вторила ей бабушка.

Все ее гости разошлись, осталась лишь одна миссис Беркинс. Но она часто задерживалась у нас допоздна – они с бабулей нашли общий язык, чему я была несказанно рада.

– Ты меня до смерти перепугала, – посетовала ба, когда я склонилась и запечатлела на ее лбу нежный поцелуй.

– Прости, загулялась.

– Ах, родная. Не пристало тебе гулять по городу допоздна.

– Вот-вот, мы уже не только погоду успели обсудить, но и все сплетни, и соседей... – миссис Беркинс засуетилась с

чашками. – Да, слыхала, что на рынке болтают? В столице суматоха. Говорят, если под Новый Год принц так и не объявится, его сочтут погибшим...

– ...это ведь династия сменится, волнений не миновать...

Приглушенные голоса летели в спину, но я их уже не слушала. Нет мне дела до политики. Мысли мои остались в лесу. Волк не хотел сегодня меня отпускать, рычал и тянул за юбку, когда я порывалась уйти. Пришлось даже прикрикнуть, на что тот мгновенно обиделся и, махнув хвостом, залез под куст.

Но шагов через десять догнал и плелся рядом до самой опушки, точно тень.

Сбрасывая мокрое платье, белье и чулки, я улыбалась. Несмотря на то, что сегодня я побывала на пороге смерти и нахлебалась стоячей воды, внутри загорелась искорка отчаянной надежды. Я начинала верить, что не безнадежна. Не бесполезна вопреки жестоким словам дяди Джеймса.

Я не просто так вошла в Лес. Не случайно встретила и подружилась с Волчком, а потом оказалась в «Лавке тетушки Лаванды». Вдруг это значит, что именно мне суждено спасти Сердце Леса?

Руки дрожали, когда я натягивала чистое сухое белье. Рубашка не слушалась, волосы разметались по спине, не желая собираться в косу.

– Деточка, я тебе горячего чая принесла, – в комнату заглянула миссис Беркинс с подносом. Над большой глиняной

чашкой вился ароматный дымок.

Я выудила из дядиного кошелька несколько монет и с чувством глубокой признательности положила в карман размяннившейся женщины.

– Спасибо вам за доброту, я знаю, нам часто нечем было вас отблагодарить...

Она отнекивалась, но я велела купить что-нибудь для внуков, раз именно ей эти деньги не нужны.

– Ах, дорогая, еще мои бабка с дедом служили здесь. От вашей семьи мы видели только хорошее. Я была разбита, когда этот дом опустел на долгие годы, но теперь я счастлива, что под этой крышей снова появилась молодая хозяйка.

Миссис Беркинс хлюпнула носом и с чувством обняла меня, похлопав по спине. А я выпила обжигающий чай и нырнула под одеяло. Метнула настороженный взгляд на забитое окно.

Надеюсь, сегодня ворона не посмеет вломиться, в противном случае останется без перьев. Я сегодня настроена решительно.

Но ворона не пожаловала. Всю ночь я спала, как убитая, и снилось мне, будто иду я по длинному-длинному коридору. Я уже была в этом месте, видела развешанные на стенах картины – глаза их следили за каждым моим шагом. Взгляды давно умерших, но увековеченных рукою мастера людей, вызвали толпы мурашек и заставляли волоски на руках вставать дыбом.

Свет лился сквозь витражные окна, солнечные зайчики прыгали по стенам, но, несмотря на приторную красоту и позолоту, меня не покидало тревожное чувство. Совсем как в замороженном лесу из прошлого сновидения.

Набравшись смелости, – в конце концов, это всего лишь сон, – я стала подходить к старинным полотнам и читать надписи под ними. Кое-где буквы истерлись, а краски съело время. Но, чем дальше я продвигалась, тем четче становились надписи.

Это были имена королей и королев древности, членов династии Сан-Ульф. Они правили нашей страной уже больше тысячи лет. Говорят, сами небеса благословили ее основателя, Эрика Доброхода, на царствование.

Я протянула руку и коснулась пальцами пыльного холста. На меня, как на докучливую мошку, взирала черноволосая женщина с птичьими чертами.

«Брунгильда Сан-Ульф».

Она была по-своему красива, но холодна. И жила эта королева пятьсот лет назад.

– Глупая Роза...

Я отдернула руку. Губы Брунгильды шевелились, а по поверхности холста пошла рябь.

– Глупая малышка... беги! Спасайся!

Ноги помчали меня прочь по коридору. Мимо неслась вереница незнакомых лиц: они кривлялись, дразнились, скалились и шипели вслед проклятья. Вот-вот выскочат из рам

и кинутся, как стая ворон.

Мамочки, как же страшно! Я больше всего на свете сейчас желала проснуться, но с каждым мигом все сильнее увязала в сновидении. Коридор сужался и, чем дальше я забегала, тем темней становилось в нем. Окна пропали, и свет источали только факелы в железных держателях. В углах колыхались никем не убранные лоскуты паутины.

Я остановилась, прижавшись к стене. Дыхание с шумом срывалось с губ, во рту пересохло, а виски и лоб покрылись испариной. Спустя невероятно долгие мгновения, наполненные лишь стуком моего сердца, я смогла оглядеться.

Впереди, стоит сделать лишь шаг, виднелась последняя картина. Золотая рама потускнела, но холст был ярким, будто художник писал его вчера. Не мигая, на меня смотрел молодой мужчина, почти юноша, с умными, но печальными глазами. Рот был сжат в напряженную линию, а рука покоилась на рукояти меча. Такими сейчас не пользуются, если только на парадах и торжествах.

«Эрик. Последний из династии Сан-Ульф. Некоронованный Принц».

Прочитала я и похолодела. Так вон он какой, этот пропавший принц, про которого последние два года только и говорят. Совсем молодой. Красивый. Жив ли он еще? Ведь, если не вернется к Новогодью, королем станет Лорд Регент. А его народ не слишком жалуется.

Не удержавшись, я протянула к Эрику руку – показалось,

что губы дрогнули в попытке улыбнуться.

А потом я проснулась.

Глава 13. Плащ из алого бархата

Утром я не смогла встать с постели.

Лютая простуда накрепко вцепилась в меня и рвала когтями горло, мучила жаром и ознобом. Я здорово замерзла после купания в озере, а стылый осенний ветер и дорога под дождем внесли свою лепту. Несколько дней пролетели незаметно, пока в полудреме я куталась в одеяло, тряслась от влажного кашля и чихала так, что казалось – сейчас с нашего старого дома сорвет крышу.

Бедная бабуля места не находила от беспокойства, причитая и пытаясь хоть чем-то помочь, но я со всей суровостью, на которую только была способна, выпроводила ее из своей комнаты. Болезнь, с которой молодое тело справилось бы без труда и потерь, могла стать для бабули тяжелым испытанием. Я этого не хотела.

Приходил доктор – степенный, аккуратный, отрешенный. Послушал меня деревянной трубочкой, осмотрел горло, выписал микстуру и порошок, велел соблюдать постельный режим. Постельный, так постельный. Все равно я чувствовала себя настолько отвратительно, что походила больше на призрака, чем на человека.

Обидно было чувствовать себя немощной и ни на что не годной, тем более, я полностью признавала свою вину. Глупая, самонадеянная, неосторожная девчонка!

Зато было время подумать над своей жизнью и всем, что происходило в последнее время. Утирая зудящий нос платком, я размышляла о чудесах таинственного леса, о вороне, что едва не заклевала меня, и, конечно о снах.

Не просто так они начали являться ко мне с завидным постоянством. Передо мной мельтешили разрозненные куски мозаики, которые требовалось собрать воедино. Я как будто тянула к ним руки, но они ускользали и таяли в темноте.

Тропинка в заснеженном лесу. Болезненно искривленные деревья. Воронье, что тарасилось на меня во все глаза. Картинная галерея с ожившими портретами. Принц Эрик... Тот самый пропавший принц, которого уже два года не могут разыскать.

Он исчез после смерти старого короля, незадолго до собственной коронации. Тела и никаких следов не нашли, а значит, он вроде бы жив, а вроде бы и нет. Все это время странной управляют Лорд Регент и Высочайший совет, но недавно последний вынес требование признать, наконец, принца Эрика погибшим, и выбрать нового короля.

Правители из династии Сан-Ульф взирали на меня с немым укором, а то и неприкрытой злостью, словно я им что-то задолжала.

Что? Не допустить, чтобы род их прервался и канул в историю?

Смешно. Кто я, в конце концов, такая? Ни влияния, ни средств, ни особого ума.

И вдруг, пребывая на тонкой грани между сном и явью, я подскочила на кровати, как ужаленная.

Перчатка!

Как я могла забыть?! Ведь на ней, несмотря на потрепанность, ясно читалась буква «Э». А волк засуетился, едва услышав имя «Эрик».

Неужели мой меховой дружок что-то знает, но не может рассказать? И вдруг, – от этой мысли в груди стало холодно, – вдруг он слопал наследного принца?! Сожрал будущего монарха, даже не поморщившись?

Я даже закашлялась от перевозбуждения.

Нет. Волчок не мог так поступить. Или мог? Он ведь дикий зверь, а не комнатная собачка. Закрыв глаза, я увидела, как огромный серый волк набрасывается на беззащитного юношу, подминает под себя и вгрызается в горло. Картина была настолько красочной, что по телу пробежала дрожь отвращения.

Снедаемая этими мыслями, я не заметила, как уснула. И чудилось, будто всю ночь под моими окнами то ли деревья стонали, то ли кто-то выл на луну.

***

Плоская шкатулка из темного дерева открылась с негромким щелчком: на бархатной подушечке красовалось серебряное ожерелье с кабошонами розового кварца, пронизанного белыми, будто ледяными, прожилками. Камни были гладкими, как леденцы, они манили прикоснуться, полюбоваться

филигранью, ощутить обнаженной кожей шеи эту изящную роскошь.

– Взял на прокат. Все для моей дорогой племянницы, – похвастал дядюшка и захлопнул шкатулку. – А теперь поехали, нечего время зря терять.

Поцеловав бабулю, я села в экипаж дяди Джеймса, и тот весело покатился по булыжной мостовой. Чувство было таким, словно меня везут на площадь для прилюдного наказания – там привяжут к позорному столбу и будут кидаться помидорами и тухлыми яйцами.

– Что нос повесила, Роза? – дядя закинул ногу на ногу, усаживаясь вольготнее.

Он не изменял себе, выглядел, как бывалый кутила и франт – усики напояжены, кружева накрахмалены, сапоги начищены так, что в них можно разглядеть собственное отражение.

– Я только вчера оправилась после болезни. Нет настроения веселиться, – призналась, умолчав о том, что мне попросту страшно ехать в неизвестное общество.

Что за люди там будут, как меня встретят? Не буду ли я чувствовать себя лишней на этом празднике жизни?

Дядюшка фыркнул.

– Надо внимательней относиться к собственному здоровью. Вот я, например, в прошлом году ездил на воды, – он окинул меня критическим взглядом, словно раздумывая, какой ценник прилепить. – Но, признаться, недомога-

ние пошло тебе на пользу – щеки опали, аристократическая бледность появилась.

– Нормальные у меня были щеки! – вспыхнула я. – Самые обычные. А вот вам бы не помешало вести себя повежливей.

– Нахалка, – он цокнул и, крутанув тросточку, уставился в окно. – Молодежь уже не та, что раньше. Никакого уважения к старшим.

Мне хотелось отпустить язвительное замечание по поводу его воспитания и ввязаться в словесную дуэль, но вовремя поняла – оно того не стоит. Ведь дядюшке как с гуся вода. Он пребывает в своем искаженном мире и всегда считает правым только себя.

Тем временем мы ехали в направлении квартала мастериц. Всю неделю я даже не вспоминала, что для меня готовит прекрасный наряд сама королева фей. Признаться, меня больше занимали мысли о загадках леса и о сером друге, который наверняка скучает и не понимает, куда я делась. Знал бы мой самодовольный дядюшка, с кем водится племянница...

Экипаж притормозил, кучер крикнул: «Прие-ехали!»

– Давай только быстро! – напутствовал родич, когда за мной закрылась дверца.

Внутри лавки царил уютный полумрак, лишь по углам мерцали светильники в виде вытянутых колб с узкими горлышками, наполненными мхом и декоративными ветками. Все это вкупе с приятным цветочно-травяным запахом со-

здавало совершенно сказочную атмосферу. Только маленькие феи, жаль, куда-то попрятались.

Я огляделась, робко кашлянула, а в следующий миг из-за занавески вынырнула тетушка Лаванда.

– Детка, я тебя заждалась! – она взметнула пышными юбками своего темно-золотого платья и, схватив меня за плечи, подвела к стоящему в углу манекену, облаченному в изысканный наряд. – Боялась, что ты не придешь.

Я подняла глаза и непроизвольно ахнула, закрыв рот ладонью. Если ткань сама по себе казалась потрясающей, то платье из нее превзошло мои самые смелые ожидания. Глядя на него, я видела розу, что проклюнулась из-под снежного покрывала и развернула лепестки навстречу солнцу. Оно было нежным, изысканным, без малейшего намека на пошлость или безвкусицу – каждая складка на своем месте, ни единой лишней детали. Как раз то, что подобает юной девушке.

– Оно чудесно, тетушка Лаванда, – облизав пересохшие губы, я несмело пробежала пальцами лиф, укрытый тонким кружевом. – Никогда не видела платья прекрасней. Спасибо огромное!

Та смотрела, добродушно посмеиваясь.

– А то! Я, конечно, самоучка, но нос утру даже наследственным швеям! Теперь, детка, посмотри на эти два, они тоже твои.

И махнула рукой.

Сердце запнулось и понеслось вскачь, прыгая по кочкам.

Где-то глубоко внутри, укрытое толстым покрывалом, спало желание быть красивой, наряжаться и прихорашиваться, перебирать украшения и склянки с духами и прочими женскими радостями. Теперь же, в присутствии самой настоящей феи, в волшебной мастерской, желание это расправило крылья.

– Три розы для Розы – розовая, алая и белая. Оценила мой юмор? – Лаванда засияла, как начищенная монетка.

А я во все глаза смотрела на чудесные наряды. Второе платье было выполнено из парчи насыщенного винного цвета – тяжелое, с закрытыми плечами. Складки юбки мягко стекали на пол, и казалось, будто на материале вспыхивают маюсенькие золотые искорки – как кристаллы винной кислоты на дне кубка.

Третье платье... Щеки вдруг вспыхнули алым, в груди стало горячо.

– Это подвенечное? – спросила глухим шепотом.

Кажущее невесомым, цвета слоновой кости с украшенным жемчужинами лифом, оно притягивало взгляд – не оторвать. Хотелось бесконечно рассматривать причудливую вышивку, длинный шлейф и тончайшую сеточку, закрывающую верхнюю часть груди до самой шеи. Это платье действительно напоминало розу, усеянную каплями утренней росы.

– Они и правда волшебные...

– На тебе, красавица моя, любое платье будет выглядеть волшебно. Открою секрет – они самые что ни на есть обыч-

ные. Без колдовских штучек!

А я все любовалась, впитывая в себя эту красоту. И тем горше было осознавать, что принять их я не могу, о чем и заявила хозяйке лавки.

– Считаю, я сшила их авансом. Жених потом расплатится, – она хитро сверкнула глазами – ну лиса, как пить дать! – Я распорядюсь, чтобы их доставили к тебе домой. А пока беги за ширму, я помогу тебе одеться.

Когда последний крючок нежного розового платья, невинного и чистого, как весенний рассвет, был застегнут, мне на плечи легло что-то тяжелое и мягкое.

Плащ?

– А это – особый подарок, – многозначительно начала тетушка Лаванда. – Черная сторона простая, а вот алая – с секретом. Наденешь алой наружу – и никакие чары тебе не будут страшны.

Подернутое паутиной воспоминание шевельнулось внутри, будто кто-то ненароком задел струны музыкального инструмента – и они завибрировали, наполняя тело дрожью.

Детство. Сказки. Плащик на девочке, которая любила играть на опушке и всматриваться в темноту и тишину леса.

Все повторяется.

Я коснулась тяжелого бархата – плащ был двусторонним с прослойкой чего-то мягкого внутри – и очень теплым. Захотелось зарыться лицом в пахнущую хвоей и отчего-то морозом, ткань.

– Ну-ну, смотри, не разревись, – добродушно заметила фея, потрепав меня по плечу.

А я бросилась ей на шею и крепко-крепко обняла.

– Спасибо, тетушка Лаванда! Огромное вам спасибо!

Она какое-то время гладила меня по спине, бормоча слова поддержки и утешения, а потом в дверь бесцеремонно постучали:

– Розы, ты что там запропастилась? Быстрее давай!!

Дядя Джеймс умел появляться не вовремя. Но я и правда забыла о времени...

Приведя в подарок волосы и застегнув на шее ожерелье, взятое дядюшкой напрокат, я тепло распрощалась с королевой фей и бросилась в холодные объятия улицы.

Что бы не ждало меня сегодня, хотелось верить – я справлюсь.

Открывая дверцу экипажа, я еще не знала, что дядя Джеймс внутри не один...

Глава 14. Люсинда

Я застыла, потеряв дар речи.

На сиденье сплелись в страстных объятьях мой дорогой дядюшка и незнакомая женщина в ярко-красном платье. Судя по тому, с каким пылом те целовались, про мое возвращение они явно забыли. Либо предпочли не замечать, как будто я была пустым местом.

Кстати, кто вообще эта незнакомка и что она здесь забыла?!

Я с шумом забралась в экипаж и как можно громче хлопнула дверью.

– Ой, вот так сюрприз! – первой в себя пришла дама. Она разомкнула руки, обнимавшие шею дяди, точно клещи. – Милый, ты не говорил, что твоя племянница – само очарование!

Голос у нее был слишком звонкий – захотелось потерять уши. Она ошупала меня взглядом сверху донизу, прикусив пухлую губу, обильно смазанную броской красной помадой. При этом правая бровь ее взлетела вверх, к волосам. Черные кудряшки вились мелким бесом, их украшала кокетливая шляпка, к которой при помощи крупной броши было приколото страусиное перо. Оно колыхалось туда-сюда, словно белое облако.

– А, это ты, – дядя Джеймс вытер перемазанное пома-

дой лицо платочком и, небрежно скомкав, сунул в карман. – Неплохое платье, кстати. Глоуду должно понравиться.

Я проигнорировала похвалу, но под ложечкой засосало. Мне не хотелось нравиться никакому Торну Глоуду! Однако, приходится ехать в дом этого незнакомого человека – интуиция шептала, что ничего хорошего меня там не ждет.

– Может, представишь нас? – проворковала дама, а мне захотелось съезжиться или вовсе выскочить из кареты. Неприятная женщина. Слишком вульгарная. Рядом с такими я начинала чувствовать себя маленькой и неуверенной в себе девочкой.

– Ах да, конечно. Розы, это Люсинда. Люси, это моя племянница Розалин. Надеюсь, вы подружитесь.

Люсинда... Просто Люси. Наверняка очередная пассия дядюшки, которых, если верить слухам, у него было несметное множество. И на что они только клевали? Но эта смотрела на дядю масляным взором, полируя от мысков сапог до белобрысой макушки, и едва не облизывалась. Может, это только со мной родственник ведет себя, как невежда и грубиян, а с остальными обходительный и кроткий агнец?

Экипаж выехал из города и покатился по дороге. Имение Глоуда располагалось вдали от городской суматохи, в живописном местечке между рощей и прудом. Я не слушала болтовню Люсинды – сдвинула шторку и смотрела на пробегающее мимо поле, за которым высилась сизая громадина леса. Отсюда он смотрелся пугающе, будто затаившийся дракон –

стоит войти внутрь, как сомкнет свой зев, чтобы никогда не выпустить обратно.

Чары тетушки Лаванды работали на славу, потому что я знала лишь парочку охотников, которые не боятся ходить туда за дичью. И то этих людей в городе почитали за сумасшедших.

– Ты уверен, что нашему другу Торну подойдет именно такая девушка? – услышав вопрос Люсинды, я повернула голову, чтобы встретиться с ее снисходительным взглядом. Она смотрела на меня так, как смотрят на несмышленное дитя. Хотя сама была ненамного старше – лицо без морщин, свежая кожа, но глаза выдавали обширный жизненный опыт.

– Уверен, – кивнул дядя. – Жаль только, что внешнею она пошла в отца. А ведь ее мать была настоящей красавицей с русыми волосами и голубыми глазами.

– Друг мой Джеймс, вы несправедливы. Ведь и в карих глазах можно утонуть, – она метнула в мою сторону томный взгляд из-под ресниц, и я почувствовала, как горят мочки ушей. Она словно касалась моего лица не руками, но взглядом – хитрым и каким-то порочным.

– Не стоит говорить обо мне так, будто меня здесь нет.

Раздражение и обида достигли апогея, и я жалела, что некому было научить меня вести словесные дуэли. У родителей я росла, как роза под стеклянным колпаком, а бабушка сама была мягкой и безобидной. Божий одуванчик, как говорят.

– Хм, я всегда говорил, что ты грубишь старшим, – пожал плечами дядюшка. – Но я надеюсь, что с Торном Глоудом ты будешь покладистой и не разочаруешь меня. Ты помнишь, что случится в противном случае, – взгляд голубых глаз стал совсем холодным, а рот сжался в полоску.

Конечно, помню. Как можно забыть угрозы выдать меня замуж за старика или пьяницу, а бабушку отправить в дом престарелых, где она не протянет и нескольких месяцев? Туда попадали брошенные детьми или совсем одинокие и больные старики.

Я задышала глубже, чтобы успокоиться.

– Не будь таким вредным, милый, – Люсинда погладила пальцами его щеки и потянулась к нему носом.

Наблюдать их нежности и слушать курлыканье было противно. Разве правильно так откровенно показывать свои чувства посторонним? Я вновь вернулась к созерцанию леса и принялась комкать и гладить мягкую ткань плаща – это успокаивало.

Волшебный плащик, подумать только! Могла ли я, будучи малышкой, представить себе, что когда-нибудь стану обладательницей такой вещицы? Тетушка Лаванда подарила мне его неслучайно, не по доброте душевной. И неслучайно рассказала правду о лесе.

Эта мысль тревожила засела в мозгу зудящей занозой.

Сердце Леса – никто его не видел, никто не знает, где оно. Существует ли оно вообще? Одни вопросы и ни одного от-

вета.

Мимо бежала пестрая полоса дороги, и я почувствовала, как начала дремать. Но внезапно какое-то чувство заставило меня вскинуться, по спине мазнул поток холода, и я во все глаза уставилась в темнеющую чашу.

Кто-то следит за нами. Сам лес? Или... Волк? Я сильнее высунулась в окно, пытаюсь хоть что-то разглядеть, как вдруг раздался недовольный голос дяди:

– Розы, ты сейчас выпадешь! Или сбежать решила?

Люсинда подавила смешок, а я резко задернула шторку и упала на сиденье.

– Была бы возможность, уже бы сбежала, – буркнула и только потом поняла, что сказала это вслух.

Дядюшка хотел было разразиться очередной тирадой о моем дурном воспитании, но спутница отвлекла его, чуть было не запрыгнув ему на колени.

Дорога продолжилась в молчании. Я успела расслабиться и очистить голову от сомнительных мыслей, как вдруг экипаж замедлился – слуха достиг скрип железных ворот.

Мы приехали.

Глава 15. Торнвуд

Когда мы шагали по подъездной аллейке, сад внезапно осветился множеством фонарей. Они вспыхнули будто по мановению волшебной палочки, разогнав тусклые осенние сумерки. Торнвуд, старинный трехэтажный особняк, предстал перед нами в своей торжественной красе – колонны и стрельчатые окна оплетали лозы зеленого плюща, горгульи под крышей угрожающе распахнули пасти, а перед входом вырос фонтан с фигурой обнаженной танцовщицы. Камень внизу покрывал слой мха, смотрящийся на ногах девицы причудливыми чулками, а на воде корабликами покачивались сухие листья.

С каждым шагом сердце билось все тревожней. Я видела себя будто со стороны и удивлялась, что эта девочка тут забыла? Гораздо уютней я чувствовала себя в лесу, несмотря на всю его опасность.

Внутри нас встречал вышколенный дворецкий – он принял плащик, и, когда плечи оголились, я сразу почувствовала себя неуютно. Зато дядя Джеймс и Люсинда вели себя так, будто были здесь частыми гостями.

– Не переживай ты так, здесь нет официальных мероприятий с пафосными рожами, – успокоил дядюшка.

Я глубоко вдохнула, расправила плечи и вздернула подбородок. Ладно, сделаю вид, что спокойна.

– Здесь собираются только свои, – Люсинда загадочно замолчала, не забывая следить за моей реакцией.

От меня не укрылось, что дядя стиснул ее локоть сильнее, чем следовало.

– Очень теплое общество, – добавил он, а в следующий миг поддел пальцами мой подбородок:

– Понравься ему, детка. И, когда вы поженитесь, ты еще не раз помянешь своего дядюшку благодарным словом.

Сцепив зубы, потому что хотелось наговорить много нелестных слов, я вывернулась и нервно отряхнула с платья несуществующие пылинки. Беда в том, что я не знала, как быть. Он толкает меня под венец с человеком, которого я даже не видела, шантажируя бабушкой и моим будущим. Где взять сил, чтобы противостоять ему? Разум шептал – веди себя смирно, не высовывайся, может, все сложится гораздо лучше, чем ты себе навоображала? А вот сердце кричало о неправильности происходящего.

– Вы так уверены в успехе, дядюшка. Вам-то какой с этого прок? – как ни старалась, голос выдал мое негодование.

– Сама догадайся, что ты все как маленькая? – он смерил меня раздраженным взглядом, а Люсинда усмехнулась краешком густо накрашенных губ.

– У хозяина дела, но он скоро появится, – дворецкий, похожий на безэмоциональную куклу, чопорно поклонился и распахнул двери.

Меня окружила и подхватила река нестройных голосов.

Я едва не споткнулась, ослепленная богатым, даже, скорее, аляповатым убранством. Цветы, позолота, ковры, люстры с сияющими хрустальными подвесками, зеркала, и снова цветы. Много-много цветов, словно хозяин ограбил оранжерею.

Просторная зала вмещала больше десятка столиков, за которыми собрались как представители дворянства, так и торговцы, и дельцы, разбогатевшие на открытии банков и мануфактур. Дядя Джеймс успел предупредить, что здесь соберутся самые современные люди, презирающие предрассудки и старые традиции. Он мигом нацепил на лицо самую сладкую из улыбок, очаровательно смеялся, шутил и кланялся. Но больше всего меня поразило то, что женщины приветствовали его не протянутыми для поцелуя пальчиками, а... целуя в губы.

Пальцы мои крепко вцепились в подол платья. О, как я мечтала превратиться в невидимку, но, как на зло, чувствовала липкие прикосновения чужих взглядов.

Куда они привели меня? Что здесь творится? Приличные люди себя так не ведут...

– Джеймс, любовь моя! – юная блондинка с декольте, из которого переспелыми плодами вываливались груди, повисла у дяди на шее. Лицо девушки покраснелось от алкоголя, которым был уставлен стол, а язык заплетался. Она присосалась ко рту дядюшки, как голодная рыба.

Я, борясь с тошнотой и потрясением, отвернулась и наткнулась взглядом на Люсинду – она широко улыбалась, за-

то взгляд, устремленный на парочку, резал без ножа. Вдруг широкие ладони какого-то престарелого господина обхватили ее талию, и она натянута рассмеялась.

– О, а кто эта крошка, Люси? – прогудел мужчина, шевеля седыми усами. – Она с тобой?

– Это племянница Джеймса, глупыш. Так что даже не думай тянуть к ней свои липкие ручонки, – осадила его Люсинда. – Здесь и без нее полно молоденьких красоток, с которыми можно развлечься.

– Да, видно, что она скромница. Но ты же не откажешь мне в приятной компании, Люси, пока твой спутник занят Делией?

Щеки запекло от смущения, я не знала, куда деть глаза. Непроизвольно посмотрела в сторону двери, прикидывая, как выскользнуть отсюда незамеченной...

– Позвольте представить мою дорогую племянницу... – дядя Джеймс ухватил меня за локоть и подтянул к гудящему столику, за которым собрались четверо мужчин и трое женщин в богатых, но слишком откровенных нарядах. Все они держали в руках карты, в центре стола небрежно валялись смятые купюры и золотые монеты. – Розалин Эвлиш. Прошу любить и жаловать!

– Можно просто любить? – молодой человек с видом прожженного гуляки потянулся к моей руке с явным намерением запечатлеть на ней поцелуй. При этом смотрел так томно, искушающе... По крайней мере, он так думал.

Ну нет, с меня хватит! Это походило на дурную шутку. Дядюшка осмелился притащить меня в гнездо разврата, как какую-то...

Я поджала губы и спрятала руки за спиной. Сделала шаг назад. Мужчина на мгновение растерялся, а потом откинулся на спинку стула и громко расхохотался. Его соседи переглянулись и присоединились к этому унижительному смеху, а женщины прыснули.

– Стеснительная крошка, – снисходительно проворковала одна из них и замахала веером, будто умирала от жары. – Она не в монастыре воспитывалась?

Дядя Джеймс начал острить, а я уже ничего не слышала. В ушах звенела веселая музыка, наигрываемая музыкантами, перед глазами поплыло – лица, эти разукрашенные маски светских красавиц и роковых соблазнительей, смешались в грязную кляксу.

Только бы не заплакать... только бы не заплакать! Стоит им почуять слабость, как заклюют. Им нужна жертва, страх и беспомощность которой будут питать их чувство собственного превосходства. Позволят ощутить себя лучше и значимей, чем они есть на самом деле.

Я не испугалась войти в лес, я не боюсь большого и страшного волка и тайн, скрытых под кронами вековых деревьев. Я выжила после встречи с озерным чудищем... Так неужели струшу перед этими людьми?

– Я бы хотела подышать, – сообщила дяде и обвела взгля-

дом собравшихся. – Здесь воздух спертый.

Моя реплика достигла цели. Дядя Джеймс недовольно сощурился, но тут воздух наполнил гул взволнованных женских голосов:

– Он идет... Идет... Торн Глоуд...

Губы родственника растянулись в карамельной улыбке, когда он посмотрел поверх моей головы.

– Вот и хозяин явился! Розы, сейчас я вас познакомлю. И без глупостей, – добавил злым шепотом.

Глава 16. Радужный хозяин

Он умел притягивать взгляды. Воображение рисовало мне его именно таким – высоким, темноволосым, с широким разворотом плеч и приветливо-снисходительной улыбкой, которой он одаривал гостей. Торн Глоуд был похож на хищника, грациозного и смертельно опасного зверя, что с обманчивой ленностью обходит свои владения – ничто и никто не укроется от цепкого взгляда.

Я поймала себя на мысли, что стою, приоткрыв рот, и беззастенчиво пялюсь на, без сомнения, привлекательного мужчину. Стало мучительно стыдно – этот человек наверняка невысоких моральных качеств, раз позволяет гостям вести себя так развязно в собственном доме. Такие, как он, похожи на волков, что охотятся на овец – молодых наивных девушек, оставляя их с разбитыми мечтами. Сколько подобных историй я слышала от миссис Беркинс?

Наконец, взор темных глаз нащупал меня, непроизвольно спрятавшуюся за фигурой дяди Джеймса. Он замер, не дойдя каких-то десяти шагов. Медленно и внимательно осмотрел сверху вниз, а потом снизу вверх – лукавая улыбка тронула четко очерченные губы, а мне в этот момент стало душно, будто в зале захлопнули все окна. Захотелось прикрыться руками, потому что на миг показалось, что я осталась без одежды.

Я чувствовала, что десятки взглядом устремлены в нашу сторону, точно прицелы ружей.

– Дружище, рад тебя видеть! – дядя бросился в его сторону, протягивая пятерню для рукопожатия. От меня не укрылись заискивающие интонации в голосе родственника.

– Джеймс, ты говорил, что твоя племянница редкая красавица, но действительность превзошла все твои рассказы. Баронесса Эвлиш, вы прелестны и свежи, как цветок едва распустившейся розы, – в два шага он оказался рядом и, захватив мою ручку в плен горячей ладони, припал к ней с поцелуем. – Безумно рад знакомству с вами.

Голос глубокий, вкрадчивый, с мурлыкающими интонациями.

– Взаимно, мистер Глоуд, – я совсем растерялась и опустила глаза.

«Глупая! Такие, как он, сыплют комплиментами направо и налево. Для них слова ничего не стоят» – одернула себя.

Будь у меня побольше опыта в общении с мужчинами, я бы ни в коем случае не краснела, не бледнела и не мямлила, как сейчас. Торн был демонически красив и беззастенчиво пользовался этим. Вон, как улыбается. Словно видит меня насквозь, читает эмоции, как страницы книги.

– Ты задержался сегодня, на тебя не похоже, – дядя Джеймс схватил со стола бокал и пригубил. Распробовав, одним махом влил в себя содержимое.

– Пустяки! – отмахнулся Глоуд, не сводя с меня взгля-

да, и, понизив голос, продолжил: – Охрана доложила, что на территории видели огромного волка. Но я бы не верил этим увальням, Розалин. Они вполне могли спутать волка с крупной собакой.

Все, кто слышал его реплику, рассмеялись, но у меня кровь отхлынула от лица. Пол качнулся под ногами.

Он сказал, видели волка... Но как? Откуда? Неужели мой Волчок пробрался сюда... за мной?

Опомнись, Роза! Не надо выдумывать невесть что. Это просто вздор, глупости.

Но все равно сердце было не на месте. Мысли унеслись далеко за пределы этой залы, и я не сразу заметила, как Торн Глоуд все с той же белозубой улыбкой подает мне локоть:

– Я спрашиваю, не желаете ли присесть?

Я с опаской положила руку на сгиб локтя и ответила:

– Да, пожалуй... Спасибо, мистер Глоуд. У меня немного кружится голова.

И возблагодарила небо за то, что дядюшка с мигом припорхавшей Люсиндой ни на шаг не отходили от нас. Остаться с этим человек один на один? Ну уж нет. Мы прошли за стол, укрытый белоснежной с золотым узором скатертью – на фарфоровых блюдах лежали сочные отбивные с зеленью, хлебцы с красной икрой, с паштетом, салаты с перепелиными яйцами и другими ингредиентами, которых я раньше не видела. Это все выглядело так соблазнительно, что от вида и запаха захотелось облизнуться, а потом попробовать все...

Мне налили вина – оно играло золотом сквозь тонкие стенки бокала, но я не прикоснулась. Зато родственник вместе с Люсиндой налегали на напитки, ничуть не стесняясь. Звонкий смех женщины резал по ушам, но я старалась не обращать внимания ни на нее, ни на дядю Джеймса, ни на мужчину напротив. Хотя его цепкий взгляд, казалось, потрошит не хуже мясницкого ножа.

– Ты какая-то скучная, дорогуша, – Люсинда наклонилась ко мне. – Любая из этих расфуфыренных куриц много бы дала, чтобы оказаться на твоём месте.

И что-то мне подсказывало, что она имеет в виду не само нахождение за столом, а нечто большее. Но меня это ни капельки не радовало – нутром я чувствовала какой-то подвох. Зачем Глоуду, этому богачу, может понадобиться простушка без наследства, пусть даже аристократка? У меня за душой нет ничего кроме старого дома. Сколько нас таких, не переживших новую эпоху.

Взгляд упал за окно – сумерки окутали Торнвуд плотным коконом, и теперь фонари казались одинокими маяками, затерянными среди бесконечного моря. До ужаса хотелось закрыть глаза и очнуться где-нибудь подальше от громких разговоров и взрывов хохота, визгливой музыки и картин, от которых щеки начинали предательски алеть. Некоторые женщины беззастенчиво усаживались на колени своим спутникам, за столиком напротив юный повеса что-то шептал на ушко морщинистой напудренной даме, а та томно улыбалась

и хихикала. Кто-то громко кричал, что его обыграли в карты нечестно, и требовал вернуть деньги. Господин в камзоле, облитом вином, приставал к бутафорским доспехам у стены. Кажется, те ответили ему что-то обидное, потому что мужчина размахнулся и хотел заехать кулаком по шлему, но промахнулся и растянулся на полу.

Напитки лились рекой, сыпались монеты и карты, гости становились все смелей и раскрепощенней. Неужели это – высшее общество?

– Что ты сидишь, как птица на жердочке? Расслабься, – Люсинда подвинула ко мне бокал с вином, а я метнула опасливый взгляд на Торна, увлеченного беседой с дядюшкой. Хоть перестал смотреть на меня, и на том спасибо.

– Я не хочу, – ответила резко, но Люсинда не унималась.

– Что ты о себе возомнила, дурочка? Используй свой шанс с умом, иначе никогда не выберешься из грязи и нищеты, – горячее дыхание и пары алкоголя обожгли ухо. – Я ведь была такой же, как ты...

– Замолчите! – я отшатнулась, задела рукой вилку – та со звоном упала на пол.

– Что случилось, Розалин? Вас что-то не устраивает? – с беспокойством поинтересовался Торн. – Вы так бледны.

– Нет-нет, уверяю, все хорошо, – ответила скороговоркой и вцепилась в салфетку. – Просто здесь так шумно...

Не знаю, что я еще могла наговорить, если бы положение не спас человек в зеленом мундире охранника. Он отвлек

Глоуда, наклонившись над ним и заговорив так, что слышать его мог только хозяин.

Торн раздраженно поджал губы, потом встал и собрался за охранником на выход.

– Эти упрямыцы настаивают, что под окнами мечется то ли неуловимое чудовище, то ли волк, то ли блохастая собака, – он иронично усмехнулся. – Я скоро вернусь, а вы, дорогие гости, почувствуйте себя как дома.

Последняя фраза была адресована мне, но я почти не слушала. Сердце скакало неровно, часто, а платье сдавило грудь. Казалось, если сейчас встану – непременно упаду!

Волк. Снова волк... Неужели совпадение?

Слишком много в последнее время странных совпадений и пугающих событий. А что, если это и впрямь мой друг? Что, если его поймают?!

Я резко поднялась, благо, дядя и Люсинда на меня не смотрели, так увлеклись болтовней с другими гостями. Стараясь превратиться в незаметную тень, я вдоль стенки направилась к дверям.

Глава 17. Выстрелы в саду

Мне удалось выскользнуть за дверь незамеченной. Озираясь по сторонам, как какой-то воришка, я полетела по коридору, потом по лестнице вниз. Благо память у меня была хорошей – найду выход, не запутаюсь.

Сердце стучало в горле, билось беспокойной птичкой. Я сама не знала, что буду делать, что предприму, у меня не было никакого плана. Но сидеть, сложа руки, пока мой, – а я была в этом почти уверена, – Волчок в опасности? Нет уж, увольте. Я, конечно, трусиха, но не настолько.

– Мисс, на улице может быть опасно... – попытался остановить меня дворецкий, но я ответила, что хочу подышать воздухом, и меня ничто не остановит. Потом накинула на плечи плащик темной стороной наружу – чтобы не бросаться в глаза, и нырнула в осеннюю прохладу.

Сад был пустынен. По крайней мере, так казалось на первый взгляд. Где-то в отдалении слышались голоса, но я направилась в противоположную сторону – в самую неосвященную его часть. Ветер забрался под капюшон, срывая его с головы, запарусил нарядную юбку, но и лишь плотнее запахла полы плаща. Мраморные фигуры сатиров и нимф усмехались, когда я проходила мимо. Они сплетались в страстных объятьях по двое, трое и даже пятеро, притягивая против воли мой неискушенный взгляд. Пару раз даже показав

лось, что каменные головы поворачивались мне в след, а в глазницах зажигался потусторонний огонек.

Я зябко поежилась. Что за странное место? Впрочем, каков хозяин, таков и дом. Приличный человек не будет украшать сад столь бесстыдными скульптурами.

Звук ружейного выстрела заставил подскочить на месте. Колени подогнулись, и я ухватилась за постамент с изогнувшейся в немыслимой позе девой.

Повисла глухая тишина, какая обычно бывает перед грозой.

Нет-нет, даже думать не буду... Они не могли подстрелить моего Волчка! Он не такой глупый, чтобы даться в лапы этим людям. Но тогда где он? Неужели меня не чует?

От следующего залпа я вскрикнула и зажала рот ладонью. Надо было что-то делать, куда-то идти, но ноги приморозило к месту. Ветер утих, но мне было холодно – аж зубы застучали.

Не знаю, сколько времени провела вот так, с бешено колотящимся сердцем, если бы за спиной не послышался тихий скулеж. Я обернулась и встретила взглядом с мохнатым зверем, что стоял в каких-то пяти шагах.

– Волчок, это ты? – шепнула одними губами и бросилась к нему, обняла серую шею.

Он ткнулся мокрым носом в плечо и плюхнулся тяжелым задом на куст розовых хризантем. Заурчал довольно, будто говорил – ну вот, наконец-то я тебя нашел.

– Ты что здесь делаешь? – спросила сурово, когда радость встречи схлынула. – Ты бежал за каретой? Зачем? Это ведь опасно, тебя могут убить!

Но в ответ тот лишь фыркнул презрительно, мол, ничего эти людишки мне не сделают.

Я покачала головой:

– Глупый, я бы сама пришла в лес. А сейчас тебе надо бежать. Я не хочу, чтобы тебя подстрелили.

Волк лишь втянул носом запах моих волос и довольно фыркнул.

– Что, съесть собираешься? – усмехнулась и вдруг вспомнила кое-что важное. То, что не давало покоя почти неделю.

Я сжала огромную морду ладонями и заглянула в глаза. В этот момент послышался гомон – кто-то приближался.

– Волчок, та перчатка принадлежит, часом, не принцу Эрику? Это ты его слопал?

Он вырвался из плена моих рук и, затрусив головой, шагнул назад. Мне показалось, что на морде отчетливо проступили боль, грусть, отчаянье...

– Прости, я не хотела тебя обидеть... – протянула руку, чтобы погладить, но тот отшатнулся, а потом забегал вокруг меня кругами. – Стой, прекрати, что ты делаешь? – я зашипела, пытаюсь схватить за шею и косясь на дорожку – сюда шли с факелами!

Колени затряслись от подступающей паники. Людские голоса шумели все ближе, а у Волчка шерсть встала на загрив-

ке дыбом. Он встал, будто хотел загородить меня своим телом, пригнул голову и тихо зарычал.

– Хватит, перестань! Быстро прячься, – я схватила его за загривок, как обычно хватают дворовых кошек, и потянула в сторону разлапистых кустов. – Ничего они мне не сделают, за меня не бойся. А вот ты можешь получить пулю в бок.

Он был так удивлен моему наглому поведению, что даже не сопротивлялся, лишь обиженно фыркнул.

– Вот так. Сиди смирно и не высовывайся. Я их отсюда уведу, а после ты убежишь. Ну, обещаешь?

Зверь потерял носом о ладонь, а я потрепала его по холке. Потом вернулась на мощеную плитами садовую дорожку, чтобы через несколько мгновений узреть толпу охранников с ружьями и факелами наперевес. Процессию возглавлял сам Торн Глоуд.

– Розалин? – он опустил нацеленное вперед дуло ружья. – Что вы здесь делаете?

– Мне было душно, и я решила подышать воздухом, осмотреть ваш чудесный сад.

Еще никогда в жизни я так старательно не улыбалась. Казалось, мои мысли написаны у меня на лбу и разгадать их – раз плюнуть. Особенно такому человеку, как Глоуд. В его глазах плясали отблески огня, и неясное внутреннее чувство подсказывало – он азартен до ужаса. Он любит игру, деньги, охоту – на зверей и на ... женщин.

Торн криво улыбнулся.

– Вот как?

– Я немного заблудилась... – опустила глаза вниз, на носочки туфель, измазанных землей. А сама думала – лишь бы Волчок сидел тихо и не лез на рожон!

Что ж, была не была! Я закусил нижнюю губу и, сделав слезливый взгляд, полный отчаянной мольбы, с придыханием молвила:

– Мистер Глоуд, не могли бы вы проводить меня обратно? Только с вами я могу чувствовать себя в безопасности.

Плохая из меня артистка... Ох, плохая!

Но Глоуд купился или, по крайней мере, сделал вид. Он отдал ружье стоящему рядом охраннику:

– Признаться, мисс, я сперва подумал, что вы тоже решили поохотиться на таинственную тварь.

– Думаю, если бы она была поблизости, то я бы ее уже поймала. Или она меня, – я нервно хихикнула. – Но, как мы видим, здесь только я да ваши скульптуры.

– И то верно! – он галантно подставил локоть. – Пойдемте со мной, дорогая Розалин. Я вас проведу.

И я пошла, поборов желание обернуться и проверить, как там мой Волчок. Отчего-то мне стало перед ним очень стыдно. Я поняла, что не хочу, чтобы он видел меня под руку с Глоудом.

Глава 18. Серый волк

Он вел меня по дорожке, освещенной лишь неясным светом луны. Огни фонарей затерялись в сумеречной глубине сада, словно пугливые светлячки на болоте, растревоженные случайными путниками. Мы молчали, и казалось, громче моих каблуков стучит только мое собственное сердце. Я давилась страхом за своего лохматого друга, робела перед Глоудом, пальцы мои покоились на сгибе его локтя, и я не смела ими пошевелить.

Ну же, пусть скажет хоть слово, прервет эту гнетущую тишину, и мне перестанет казаться, что я иду под руку не с человеком, а с...

– Розалин, вы так дрожите, будто я серый волк, – низким голосом шепнул он, наклонившись к самому уху. Коснулся дыханием волос, накрыл мои пальцы своими. – Не бойтесь, дорогая, я вас не обижу.

Покоробило фривольное обращение, и я невольно передернула плечами. Хотелось бы верить, что у него слова не расходятся с действиями. Я чувствовала себя наедине с Торном Глоудом куда более беззащитной, чем рядом с моим волком. Торн был учтив и почти мил, но сквозь трещины маски проглядывала таящаяся в нем тьма.

Он и есть тот самый зверь, которого следует остерегаться. Его шутка про серого волка могла показаться забавной, но

на самом деле от шутки там была лишь малая часть.

– Я не боюсь, – солгала я повернувшись к нему, и в этот миг бледная луна выхватила его лицо из темноты.

Он был неправильно красив, порочно. Ради такого мужчины легко забыть все, что угодно. Легко отдать все, что угодно. Я поймала себя на мысли, что не могу отвести от него глаз. Любуюсь, как на драгоценное произведение искусства, а страх, что сковывает колени и заставляет дрожать голос, уходит под напором другого непонятного чувства.

Я тряхнула головой, прогоняя морок. Нельзя поддаваться преступному обаянию, а то закончу, как овечка из песенки.

– Розалин, – мурлыкнул он. – То, что вы сегодня видели...
Прошу вас, не думайте, что я плохой человек. Это все ничего не значит. Люди всегда хотят развлекаться.

– Мне не по душе такие развлечения.

– Людей привлекает все запретное, – продолжил Торн Глоуд, наклоняясь ниже, глядя прямо в глаза. Пытаясь заморозить, как темный чародей.

– Только не меня.

И столько твердости было в моем голосе, столько стали, как будто я сейчас не лгала самой себе.

Привлекает. И еще как! Разве не я бегала в лесную чащу, забыв обо всем?

Торн вздохнул и задумчиво потер висок.

– Я все понимаю, Розалин. Вы считаете меня нехорошим человеком, но это не так. Вы и сами это скоро поймете.

Мне не хотелось ничего понимать. Хотелось только ответить от моего неразумного друга угрозу, да чтобы больше не думал так рисковать. У него острые когти и зубы, но даже им не сравниться по скорости с пулей. Думать о том, что я могу его потерять, было больно, страх превращал кровь в лед, и я начинала дрожать.

Из окон лилось хмельное веселье, смешанное со звуками музыки, а мне все казалось ненастоящим. Поддельным. А я сама – куклой в роскошном платье, которую дергают за веревочки.

Просто надо потерпеть еще немного. Представить, что мне это снится. И мужчина, на чьем локте до сих пор покоится моя рука – тоже.

Мне почти удалось себя успокоить, но когда я поднималась по ступеням рука об руку с Торном Глоудом, показалось – кожу между лопатками обжег чей-то взгляд.

Остаток вечера прошел как в тумане. Я не притронулась ни к еде, ни к вину – сидела в кресле, мечтая превратиться в невидимку и вздрагивая от слишком громких звуков, отворачивалась, замечая на себе липкие мужские взгляды. Дядюшка вместе с Глоудом играли в карточную игру за соседним столом, и до меня доносилось пьяное хвастовство родственника – он болтал без умолку о женщинах, о своих похождениях, о квартире в столице, которую обставил по последней моде. Рядом с ним сидела, едва ли не заглядывая в рот, смешливая блондинка, а Люсинда то и дело склонялась

к нему, шепча на ухо что-то, отчего дядя усмехался, сверкая зубами.

Глоуд не смотрел на меня, но один раз, почувствовав мой взгляд, поднял глаза от карт и улыбнулся краем рта. Почувствовав, как запылали щеки, я быстро опустила глаза и сделала вид, что интересуюсь узором на полу.

О моем волке больше ничего не было слышно, и я отчаянно верила, что ему удалось скрыться незамеченным. А по пути назад, выглянув из окна экипажа, увидела следующую за нами серую тень.

– Куда это ты все смотришь? – дядя был пьян и еле ворочал языком. Не дождавшись моего ответа, он икнул, повозился и захрапел, став похожим на одного из городских пьяниц.

Дядюшка сегодня хорошо развлекся, чего нельзя было сказать о Люсинде. Она сидела, недовольно поджав губы, и мяла пальцами горжетку. На мгновение наши взгляды пересеклись, а потом женщина вздохнула так, будто на плечи ее навалилась смертельная усталость, и склонила голову на плечо.

Когда я вернулась домой, стояла глубокая ночь. Бабушка не ложилась спать, вязала перед очагом, закутавшись в шерстяной плед. Она как чувствовала мое смятение, не стала терзать расспросами, лишь ласково поцеловала в лоб, когда я уложила ее в постель и подала грелку. Из-за промозглой осенней погоды у нее часто болели суставы, и я чувствовала

себя совершенно беспомощной, потому что никак не могла облегчить ее страданий. Я не могла смириться с тем, что она стареет, и каждый день неумолимо приближает нашу разлуку.

– Спи спокойно, Роза. Утро вечера мудренее, – мягкое прикосновение к щеке – она заправила прядь волос мне за ухо, а у меня перехватило горло и от теплого голоса с хрипотцой, и от незамысловатого жеста, хранящего всю нежность этого мира.

В своей комнате я забилась под одеяло, укуталась по самый нос и долго вглядывалась в темные углы. Не таится ли там отвратительная черная ворона? С самого детства меня преследовал страх темноты. Впору бы посмеяться над собой, но после событий последних недель, когда я убедилась в существовании магии, тягу веселиться отбило напрочь.

Уже засыпая, я воскресила в памяти образ принца Эрика. Я вспоминала о нем всю последнюю неделю, пытаюсь понять, как сплетены между собой странные и до жути реалистичные сновидения. Все это неспроста, правда? Кто-то пытается до меня достучаться через сны, жаль, я вижу их не каждую ночь, иначе было бы проще сопоставить части мозаики и, взглянув на полную картину, найти верный ответ.

Надо будет попросить помощи у тетушки Лаванды! Она-то уж точно сможет меня понять.

В своих размышлениях я не заметила, как кровать начала превращаться в пушистое облако – оно несло меня сквозь

звезды по синему небу, высоко-высоко над молчаливым городом. И были внизу реки, кишашие неведомыми чудищами, и драконы, что, с рыком разевая пасти, заглатывали их бьющиеся склизкие тела. И были поля, засеянные костями, с черными побегам мертвой лозы, проросшей в запретный мир. И обнаженные жницы с провалами вместо глаз и серпами, закаленными в огне преисподней. И были огромные люди, поросшие шерстью, с копытами и хвостами – они несли факелы, чтобы поджечь лес, а зверье бежало прочь, почуяв скорую гибель. И все кричали, звали меня по имени.

"Просто позволь нам, Роза..."

А потом было падение с высоты в самое сердце развернувшегося безумия, я чувствовала его дыхание у себя в волосах.

...Но упав, оказалась у портрета Некоронованного Принца с серьезными зелеными глазами. Отчего-то они были знакомыми до боли, родными, близкими – и я потянулась, чтобы коснуться старинного холста. Надеюсь ощутить биение жизни в нарисованном теле. Услышать хоть слово из холодных уст.

Я будто приподнялась над полом – тело стало невесомым, легче перышка. Краски на портрете поплыли, смешались, завертелись воронкой – и меня с неодолимой силой потянуло вовнутрь.

Глава 19. У ложа короля

И был там приглушенный свет, и отблески огня на золотом кубке, плотно задернутые шторы и широкое ложе под балдахинном.

– Я умираю, сын мой, – раздался слабый, как шелест, голос. А я подошла ближе – меня не видят, и бояться нечего.

На белоснежном белье с золотыми вензелями лежал человек с ввалившимися тусклыми глазами.

Король.

Худые пальцы украшали перстни с самоцветами, руки его лежали в ладонях коленопреклонного молодого мужчины, вчерашнего мальчишки. Это был принц Эрик, я безошибочно его узнала.

А в тени алькова, как молчаливый страж, замер человек в синем бархатном плаще, с лицом под капюшоном – видна была только окладистая борода. Массивная золотая цепь, как знак достатка и богатства – на груди. Но ни золото, ни бархат не могли скрыть увечья – одно плечо его было выше другого, одна нога короче второй, а правая рука висела плетью вдоль тела.

– Я не готов, отец. Еще слишком рано, – Эрик коснулся лбом руки отца, а мне захотелось дотронуться напряженных плеч, опустившихся под бременем горя. Я никогда не знала принца, но боль во взгляде Эрика была мне хорошо знакома.

– Мой час пробил, и теперь ты займешь мое место. Но прежде, чем это случится, послушай, что я скажу тебе, любимый мой сын, – король облизал сухие губы и перевел дух – каждое слово давалось ему с трудом.

Я видела, как принц метнул недоверчивый взгляд в сторону застывшего у изголовья человека, но отец поспешил его успокоить.

– У меня нет секретов от Рупперта. Он мой старый друг, правая рука. Слушай его, как слушал бы меня, Эрик.

– Я клянусь, что ничто сказанное не выйдет за пределы этой комнаты, – глухой голос донесся из-под капюшона, а король продолжил:

– Минует век железа и стали, наступает век пороха и науки. Но даже сейчас в мире осталось место для героев и волшебства. Нет-нет, не смотри на меня так, я еще не выжил из ума, я осознаю каждое свое слово. Эрик... ты помнишь, я рассказывал тебе о клинке, который тысячу лет передавался в нашем роду от отца к сыну?

– Он был похищен задолго до моего рождения, еще при моем деде.

– У меня не вышло, но ты должен его вернуть. В достойных руках он станет могучем оружием, но в руках человека с черным сердцем, как инструмент в руках музыканта, начнет играть мелодию тьмы. Верни меч, пока не стало слишком поздно.

Я слушала, затаив дыхание, и глядела во все глаза. Но не

на принца и не на умирающего короля, а на бородача. Он приподнял лицо так, что стали видны глаза – он коршуном смотрел на молодого принца, будто хотел наброситься и растерзать. Предчувствие беды вдруг захлестнуло меня, и я едва удержалась на ногах. Оно хлынуло ледяной волной вниз, проморозило до кончиков пальцев.

– Поклянись, что вернешь его.

Эрик коротко кивнул, и губы его сжались в жесткую линию.

– Я клянусь, отец.

Глава 20. Тяжесть трона

Порыв холодного ветра распахнул окно в кабинет Лорда Регента и по-хозяйски ворвался внутрь, разметал бумаги, опрокинул чернильницу. Человек, склонившийся над столом с пером в левой руке, выругался – брызги веером полетели ему на грудь, пачкая безупречный камзол из синего бархата с золотым шитьем. Но уже через пару мгновений исчезли без следа, будто их и не было.

– Левзея? – он откинулся на спинку кресла, оглядываясь.

Мужчина был некрасив. Неизвестная болезнь изуродовала лицо: правая его половина походила на плотную бугристую маску, уголок рта поплыл вниз, как и бровь, и веко. Правое плечо с безвольно висящей рукой было опущено вниз, тогда как левое казалось вздернутым непропорционально высоко. Лоб его пересекал тонкий золотой венец с крупным сапфиром посередине, будто целью его было показать не столько богатство хозяина, сколько отвлечь от внешнего уродства.

– Ты здесь?

От портьеры отделилась черная тень – тонкая женщина с глазами светлыми и холодными, как мартовское небо, обошла кресло кругом и замерла по ту сторону стола. Статная, высокая, зрелая, как хорошее вино. Ее темные волосы были собраны в высокую прическу и перевиты нитками жемчуга, а

на шею, как капля расплавленного золота, блеснул медальон.

– Уже да.

– Можно и постарательней помогать мужу, а то тебя не дозовешься, когда нужна, – проворчал Регент и раздраженно сдвинул ворох бумаг в сторону. Его второй день мучила мигрень, которую не снимали ни снадобья, ни магия.

– А кто, по-твоему, тебе и так всю жизнь помогает? Если бы не я, где бы ты был? – голос зазвенел обидой, и она гордо вскинула подбородок. Уже не юная, но удивительно красивая, будто время обошло ее стороной.

– Если бы не я, ты бы горела на костре. Впрочем, ведьма из тебя оказалась весьма и весьма посредственная.

– Не смей оскорблять меня, Рупперт. Ты сам во всем виноват, – она сложила руки под грудью и поджала губы. – Я с самого начала тебе говорила, что королевский род не поддастся воздействию магии. Тем не менее, мне удалось внушить королю, что ты его друг, и заставить его тебе верить. И после этого я бездарна?

– Мальчишку надо было тоже подчинить или убить, – отмахнулся он устало, будто этот разговор повторялся уже в сотый раз и надоел донельзя. – Да толку с тобой разговаривать...

– Я много лет искала способ, которым можно было бы поработить его разум. Но кто знал, что проклятье сработает именно так?!

– Кто знал?? Он сбежал и два года прячется в том прокля-

том лесу, а я вынужден все это время жить, как на иголках, – Регент со злостью отодвинул кресло и заковылял к камину. Остановился, вглядываясь в пламя. Тени плясали на лице, делая его еще более отталкивающим.

Ведьма устало вздохнула и закатила глаза.

– Он не вернется, Руп, – тон ведьмы сделался примирительным. – Осталось потерпеть два жалких месяца, и тебя объявят законным королем. Проклятье с Эрика не снять, кто в здравом уме захочет отдать жизнь за блохастого зверя?

– А что на счет девчонки?

Левзея усмехнулась так, будто муж ее сказал несусветную глупость, а потом вдруг разозлилась:

– Эта дрянь избилла мою любимицу подсвечником! Но зато благодаря ей я смогла выследить свою старинную подругу, Лаванду. Заклятую подругу. Подумать только, королева фей пала так низко! – женщина соединила кончики пальцев и коснулась губ, подошла и встала рядом с мужем. – Девчонка – ничтожное и бесполезное создание, нам не о чем волноваться. Если все-таки будет мешать – уберем. Но пока все идет как надо.

– Ты говорила то же самое тридцать лет назад. А теперь посмотри, во что я превратился!.. В уроды... – Регент с ненавистью оглядел свое увечное тело. – Говорила, я стану магом, обрету силу! "Только укради меч, пронзи Сердце", – передразнил Рупперт, зло сверкая глазами.

– Ты просто оказался слишком слабым, твое тело не смог-

ло вместить магию, – невозмутимо парировала ведьма.

– Зато теперь в этот проклятый лес даже не сунешься, там творится что-то невообразимое. Запретный Мир все-таки не сказки, и я повредил дверь, его запирающую.

– На наш век хватит, какая разница, что будет после?

– Просто признай, Левзея, твои планы всегда были провальными, – Регент обличающе ткнул в сторону жены пальцем, будто хотел пригвоздить ее как бабочку, к стене.

– Никто не заставлял тебя на мне жениться и следовать моим планам. Нашел бы себе другую ведьму.

– Пфф... – фыркнул презрительно. – Если б я знал, чем это закончится, никогда бы с тобой не связался. Ты глупая и жалкая. Пустой сосуд.

Она смотрела на него долго, не мигая, а потом начала говорить, и красота ее облетела, как сухая листва:

– Твоя жадность погубила тебя, Рупперт. Ты всегда зарился на чужое. Но подожди, совсем скоро твоя мечта исполнится, ты сядешь на трон. Только не придавит ли тебя его тяжестью? Тебе ведь даже некому его передать, тебя все забудут – совершенно пустая и никчемная жизнь. Народ будет тебя презирать, даже моя магия не заставит их тебя полюбить. До героя и народного спасителя ты не дотягиваешь, а быть негодяем... Для этого нужен талант.

– Какая же ты гадина, Левзея, – Регент скривил губы и ударил кулаком здоровой руки по каминной полке. Глаза горели ненавистью. – Какая же ты гадина! Но мы навеки по-

вязаны, если станет известно, что мы сделали и с принцем, и с Сердцем, то поднимут на вилы прежде, чем ты успеешь произнести заклинание.

– Я сумею спрятаться, а вот ты, любовь моя... – она издевательски приподняла бровь, а потом почти тепло улыбнулась. – Но не переживай, я тебя не брошу. Я поклялась любить тебя до скончания веков.

Глава 21. Самайн

Едва наступило следующее утро, утро Самайна, я помчалась к лавке тетушки Лаванды. А к кому мне еще было обратиться? Я не знала никого, кто был более сведущ в колдовстве, чем королева Фей. Она была добра ко мне и не откажет в помощи, если я выложу ей все, что скопилось на душе. Очень хочется поделиться с кем-то, кто не осудит и не посчитает сумасшедшей. О том, чтобы рассказать обо всем бабушке и речи быть не может – ее сердце не выдержит такого потрясения. Она и так что-то чувствует, словно мое волнение передается ей, и часто хмурится.

Немыслимо! У меня появились от нее тайны...

Я вытерла рукавом набежавшие слезы и свернула на улочку мастериц. Даже если фея не захочет ничего объяснять, я вытяну из нее ответы. Она должна мне помочь! Сегодняшний сон взволновал меня настолько, что я проснулась в холодном поту и долго не могла отдышаться. В углах мерещились драконы и, все они шептали мое имя. А стоило закрыть глаза, как перед мысленным взором всплывали образы старого короля, принца Эрика и незнакомца в синем плаще.

Меч. Сердце Леса. Загадочный Некто, превративший лес в жаждущее крови чудовище.

Все эти загадки не для меня. Я обычная, ничем не примечательная девушка. Рада бы что-то сделать, но как? У меня

не было ориентира, и я даже не знала, с чего можно начать.

А тут еще нежеланное замужество, к которому старательно подталкивает дядюшка. Занятая мыслями о лесе и королевской семье, я почти не думала о Торне Глоуде. Сейчас не он моя главная проблема.

Мимо мелькали цветные витрины, дворник привычно скреб метелкой улицу, толстый рыжий кот умывался, сидя на скамье. Я не заметила, как перешла на бег – кровь гудела в ушах, в боку закололо.

Быстрее, быстрее!

Конец улицы, тупик, где краснолистные клены раскинули ветви. Уже почти голые, унылые.

Я застыла на месте, как зачарованная. Сердце колотилось, гулко бахало о ребра. Сверху на меня смотрело сизое небо, готовое вот-вот разразиться грозой, а мне вдруг захотелось рухнуть на землю и истерически рассмеяться.

От "Лавки тетушки Лаванды" не осталось и следа, будто она мне привиделась.

Тупик, деревья и... пустота.

Обратно я возвращалась оглушенная. Или пьяная... не знаю. Шла, еле волоча ноги и налетая на прохожих. Всего этого слишком много для одной меня, лавка феи – последняя капля. Куда исчезла тетушка Лаванда тогда, когда она мне так нужна? Я, наивная, еще недавно считала, что смогу разгадать тайну зачарованного леса и доказать прежде всего себе, что на что-то гожусь. Что я не бесполезная.

Но теперь так тревожно. И страшно до ужаса.

Лес пометил меня и теперь вряд ли отпустит, да и я не смогу повернуть назад. Ради себя, ради моего серого Волчка, который определенно что-то знает. Ради просьбы почившего короля и пропавшего принца Эрика.

Я не имею права трусливо прятаться.

***

Этим вечером мы с бабулей поминали ушедших родных. Как всегда, одни – сегодня все соседи ужинали со своими семьями. Зато у нас были сладкие пирожки с тыквой и общие воспоминания.

На улице уже стемнело, ветер шумел в печной трубе, и казалось – кто-то тоскливо завывает.

– Как тебе этот... Торн Глоуд? – деликатно осведомилась ба. – Мальчишка Джеймс так его расхваливал.

Мне не хотелось говорить об этом человеке, и я сжала губы. После визита в его дом и после того, что я там увидела, было чувство, что я обвалялась в грязи. Показалось, будто на меня снова посмотрели темные глаза с лукавым прищуром, в глубине которых таилось пламя.

Я коснулась вспыхнувших щек.

– Очень хороший и деликатный человек, – ответила преувеличенно бодро, но внутри стало противно от собственной лжи. Можно ли оправдаться тем, что я думаю о душевном спокойствии бабушки? – Он был добр ко мне.

Ба покачала головой и вздохнула.

– Что-то мне подсказывает, что ты недоговариваешь, милая.

– Не волнуйся, пожалуйста. Все будет хорошо, обещаю. Я знаю, ты желаешь мне счастья, и я постараюсь стать счастливой, тебе не придется обо мне волноваться.

"Даже если для этого придется выйти замуж за нелюбимого? Смогу ли заплатить такую цену?"

– Лучше скажи, бабуль, ты веришь, что сегодня нечисть ходит по земле? – спросила нарочито небрежно, а у самой холодок по спине пробежал. – Ходит и творит зло.

Мне хотелось отвлечь внимание от щекотливой темы, и я не придумала ничего лучше, чем поговорить о байках Самайна. С детства меня увлекали не только сказки, но и народные поверья, хотя папа, помнится, над ними только смеялся.

Бабушка улыбнулась понимающе и закуталась в шаль.

– Многие века люди в это верили, значит, что-то в этом есть.

– Иногда мне кажется, что ты ничего не боишься. Так легко об этом говоришь. Мне бы хоть толику твоей уверенности.

– Позволь сказать тебе кое-что, Роза, – ба вдруг посерьезнела и повернулась ко мне лицом. – Порождения зла носят множество масок, они могут искушать тебя, обещать несметные богатства и наслаждения, но взамен всегда возьмут намного больше. Но нам дана свобода выбора, а зло может тво-

рить свои дела только с разрешения человека. Будешь это знать – перестанешь бояться.

В ее словах было столько уверенности, силы, что я крепко задумалась и спустя некоторое время поймала себя на мысли, что продолжаю дуть на давно остывший чай.

– А ты когда-нибудь слышала о Сердце Леса, бабуль?

– Хм, узнаю свою любопытную Розалин. Столько вопросов... – она наморщила лоб, должно быть, погрузившись в воспоминания. В детстве, когда бабушка рассказывала мне сказки, ее лицо было мечтательным, словно она бродила по волшебным дорожкам и сказочным мирам вместе с героями, но сейчас она выглядела слишком серьезной. – Откуда ты о нем знаешь?

– Да так, слышала краем уха, – туманно ответила я и затаила дыхание.

– Легенды о Сердце Леса рассказывала мне в далеком детстве моя прабабушка. Я всю жизнь считала это красивой выдумкой, но к старости снова начинаешь верить сказкам. Она говорила, что у каждого леса есть свое Сердце, которое прорастает корнями так глубоко, что достает до Запретного Мира. Говорила – его называют Сокровищем, средоточием жизни и светлой магии. Оно может наделить того, кто его отыщет, огромной силой, сделать людским защитником. Но если Сердце осквернит человек с темной душой, то станет оно проводником для зла.

– А если Сердце все же пострадает... как вернуть все на-

зад? – от волнения во рту пересохло, и мысли закружились в диком хороводе.

– Только исцелить, другого пути нет, – пожалала плечами бабуля. – Если опоздать – Лес поглотит тьма, и быть большой беде.

Волоски на руках встали дыбом. Меня бил озноб, несмотря на жарко натопленную кухню.

– Но как отыскать Сердце Леса?

Перед своим исчезновением тетушка Лаванда не успела мне об этом рассказать, а во время нашего прошлого разговора я была так взволнована, что забыла половину вопросов. Только спустя время, обдумывая услышанное, поняла – как непростительно мало мне удалось выведать! А думать о том, что с феей случилась беда, мне не хотелось. Хотя могло статься и так, что Лаванде просто надоело в нашем городе, и она перенесла свою лавку в другое место. Волшебные существа такие загадочные – никогда не знаешь, что у них на уме.

Бабуля подозрительно сощурилась, и слепой взор как будто обрел ясность.

– А почему ты интересуешься, Роза?

– Самобытная легенда, интересная. Ты раньше ее не рассказывало, вот мне и стало любопытно.

Не могла же я признаться в своих намерениях, в конце-то концов!

– Прабабушка говорила, что Лес сам даст подсказку. Проведет запутанными тропами, сквозь болота, мимо волчьего

логова, дугою вдоль озера, над оврагами, меж двух кривых сосен, – она перечисляла по памяти, уютно устроившись в кресле и вспоминая те далекие годы, когда была несмышленным ребенком. – Есть всего две ночи в году, когда это станет возможно. И одна из них сегодня.

***

Прокручивая в голове слова бабушки, я мерила шагами комнату. На трюмо коптила пузатая свеча, и в темной глади зеркала я казалась себе гостьей из Запретного Мира – бледная, с исхудалым лицом и запавшими глазами. С растрепанными волосами. Да, именно так они и выглядят. Наверное...

Эти переживания точно до добра не доведут, ох, не доведут!..

Между тем, дело шло к полуночи, бабуля давно спала – я сама заварил ее любимый успокоительный чай. А ко мне сон не шел. Слишком много всего накопилось.

Значит сегодня одна из тех ночей, когда возможно найти Сердце Леса. Самая темная ночь, самая страшная, окутанная старинными поверьями. Нет-нет, мне определенно нельзя об этом думать, а сумасбродные мысли надо гнать прочь. И все же...

Я на цыпочках подкралась к окну и выглянула на улицу. В какой-то момент показалось, что ветер снаружи стих, а вместо него раздался негромкий и грустный вой.

Это он! Мой пушистый друг, я узнала его. Сердце забило, а грудь сдавило от страха – вот глупый! Зачем пришел

в город? Это же верная гибель...

Я схватила плащик, накинула его черной стороной наружу – так буду незаметней. Бесплотной тенью заскользила к выходу.

Вой повторился на этот раз совсем близко. Под окнами? В саду?

И, позабыв о том, что это не простая ночь, а ночь Самайна, я выскочила на крыльцо и нырнула в темноту.

Ветер швырнул в лицо волосы, и я убрала их под капюшон.

– Где ты? – зашептала, еле двигая губами.

Луну заслонили ленивые тучи, звезды потерялись на неприветливом небосклоне, и я подумала, что зря не взяла фонарь.

Волк завыл где-то за забором, на той стороне улицы.

Мысленно ругая неосторожного зверя, поспешила на зов. Кто его надоумил? Неужели не думает, что горожане могут его убить? И понимала – это моя вина, я его приручила. Волчок захотел немного человеческого тепла, которое могу дать ему только я.

Станный он все-таки. Но какой бы ни был, если с ним что-то случится – никогда себе не прощу.

И я бежала мимо спящих домов – редко где теплился огонек свечи – все быстрее и быстрее. Звериный вой вел меня на окраину города в сторону леса.

Торопись, Роза!

Я не чувствовала усталости, ловко перескакивала через кочки, удивляясь, как до сих пор не подвернула ногу в темноте. Полы плаща хлопали за спиной, точно вороны крылья.

С неба сыпалась крупа.

Похолодало. Щупальца первого морозца пробирались под юбку и щипали за ноги, румянили щеки. Из рта вырывались облачка пара.

Показалось, что под сенью нахохлившихся деревьев мелькнула огромная черная тень. Вскинула морду к небу и завывала.

– Стой! – крикнула, подхватывая подол. – Подожди, куда ты?

И я последовала за ним, зная каким-то внутренним чувством, куда надо бежать. Темнота не смущала, страха не было – я захмелела от сладости и прохлады этой ночи. Я летела как на крыльях, а кряжистые стволы и колючий кустарник расступались передо мной.

– Волчок! Я уже иду! – крикнула и рассмеялась.

Так хорошо! Сейчас я свободна. Город с его душными улочками позади, дядя Джемс и Торн Глоуд остались в прошлом, там же, где и все горести, где мой старый неуютный дом с хранящей тоскливые воспоминания комнатой, где моя старая...

Бабушка.

Отрезвление укололо разум, и я запнулась. Полетела на землю, ударилась коленом – аж искры из глаз посыпали. И

следом горло сковало от подступающего ужаса – что я делаю в лесу ночью Самайна?

Как я здесь оказалась?! Неужели это Лес решил меня про-вести?..

А в голове настоящий сумбур, из памяти будто кусок выхватили. Ох, что же я наделала...

– Волчок? – шепнула в темноту и испугалась собственно-го голоса. Земля под пальцами, разбуженная, пошевелилась лениво и сонно – на меня надвигались темные ветви, тяну-лись голыми пальцами к лицу, целили в глаза.

Сначала я оторопела, а потом...

– Мамочки! – подскочила и бросилась наутек, разрывая колючий кустарник в надежде, что выберусь к опушке.

Куда я вляпалась? Зачарованный лес, тайны, проклятья, Сердце – с меня хватит! Нет-нет, это все слишком страшно для одной маленькой пугливой Розы. Дернула меня нечистая сила выйти из дому в ночь, когда по земле бродят неупоко-енные души и нечисть правит бал. Может, это они, а не Лес, вскружили мне голову?

Я лопатками чувствовала взгляды – кожа горела даже под тканью, шейей ощущала дыхание. Леса ли? Жемчужно-серого тумана, стелющегося из лощины? На несколько мгновений показалось, что кто-то приближается со спины – я вздрогну-ла и повернулась рывком.

Никого. Только стена деревьев.

Пальцы нащупали мягкую ткань плаща, я вцепилась в нее,

ища защиты. И тут как обухом по голове – глупая! Как могла забыть?! Хорошо же меня закружили духи Самайна, опьянила ночь.

Дрожащая от нетерпения, скованная страхом, я стала развязывать ленты, а по земле шуршало, скреблось по схваченной морозцем листве – тонкие серые побеги змеями ползли в мою сторону.

Быстрее!

Руки одеревенели, я едва не уронила плащик. Раз... Два... Три удара сердца, и тяжелый бархат покрыл плечи алой стороной наружу.

Выдохнула и едва не упала – коленки вконец ослабели. И вместе с тем облегчение – тетушка Лаванда обещала, что плащ защитит от всякого колдовства.

– Не подходи ко мне, кто бы ты ни был... – шепнула в темноту, а откликнулся треск сучьев где-то впереди.

Я зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть ненароком, но звук "оох" сам просочился сквозь пальцы. Разгоняя мрак, вдалеке замаячил колеблющийся свет фонаря.

Я присела и затаила дыхание.

Кто это такой? Или... что это?

Затерянный среди неприветливого леса огонек плыл в мою сторону, и уже вскоре я различила три человеческие фигуры. Ветер доносил обрывки разговоров, но, сколько бы не прислушивалась, смогла уловить лишь приблизительный смысл фраз.

«Сокровище...»

«...Богатства...»

«...Сила...»

Эти трое, кажется, тоже наслушались старых сказок и решили отыскать Сердце Леса.

Я нервно усмехнулась.

Конечно, никто не должен верить в эти байки, кроме впечатлительных детишек. Да и пойти сюда ночью – неслыханное дело! Повезло же мне наткнуться на эту веселую компанию. Даже не знаю, что хуже – они или резвящаяся нечисть.

Эти трое были пьяны – еле шли, качаясь при каждом шаге. Точно, безобразно пьяны! Просто чудовищно. И как до сих пор ноги не переломали? Трезвого в этот лес и калачами не заманишь, кроме, пожалуй, самых рискованных охотников – но и те никогда не заходили так далеко.

Я попыталась отползти подальше, но то ли двигалась слишком шумно, то ли алый плащик слишком бросался в глаза, поэтому уже через несколько мгновений по нервам ударил хриплый окрик:

– А кто это тут у нас? А ну стой!

Поздно. Меня заметили. Яркий свет резанул по глазам, и я заморгала.

– Это же Розалин Эвлиш! – хрюкнул один из них, внук городского управляющего по имени Робби. Совершенно отвратительный юноша, лишенный всех понятий о приличиях. Когда мне только исполнилось шестнадцать, он очень на-

стойчиво за мной ухаживал и предлагал пойти в содержанки. С тех пор я его терпеть не могу и обхожу десятой дорогой.

Так что мне теперь делать, бежать?

– Гордячка Розы, что ты делаешь одна в лесу?

– Ищешь сокровища? – его приятель, долговязый детина, имени которого я не помнила, шагнул в мою сторону. – Или на шабаш собралась? И-ик!

– Признайся Розы, ты ведьма?

Они гнусно захихикали и переглянулись с таким выражением лиц, что мне стало по-настоящему страшно. В такие моменты я всегда теряла дар речи и не могла сдвинуться с места.

Трусиха, трусиха, глупая трусиха! Надо бежать!

Я заметалась из стороны в сторону, но дорогу преградил самый крупный из них, а путь к отступлению внезапно отрезал другой. Они оказались не настолько пьяны, насколько я думала.

– Цып-цып-цып! Иди сюда, курочка, не бойся! – Робби гостеприимно распахнул объятия, и ощерился пьяной улыбкой. Даже в неровном свете фонаря я смогла разглядеть паволоку в мутных болотных глазах.

– Мы тебя не оби-идим...

– Не оби-идим...

"Оби-идим" – отозвался лес.

– Тебе мама не говорила, не гуляй по ночам. Иначе придет серенький волчок и укусит за бочок, – продолжал глумиться

он.

– Оставьте меня в покое и дайте пройти!

Ответом мне стал издевательский хохот. Эти трое совсем позабыли про цель похода и переключились на меня. Правильно, ведь в существовании сокровищ никто не уверен, а я – вот она, живая, беззащитная и близкая – только руку протяни.

– Не оставим, если не скажешь, что делала в проклятом лесу.

– Да по ней видно, что к любовнику бегала! Ик! – долговязый поставил фонарь на землю и размял пальцы. – Все вы, бабы, одинаковые!

– Это ты только со мной ломалась, Роза? Я для тебя недостаточно богат и знатен?

Происходящее напоминало мне дурной сон, нереальность. Казалось, стоит открыть глаза – и я очнусь в своей постели, в тепле и безопасности, а не среди темного леса один на один с пьяными мужчинами.

Я судорожно прикидывала, в какую сторону броситься, чтобы они не смогли меня перехватить, когда потерявший терпение Робби с гиканьем метнулся ко мне. Я чудом вывернулась, его грубые лапы только мазнули по ткани плаща, но не вовремя подвернувшийся то ли корень, то ли кочка свалили на землю.

– Ты куда, красотка? Сбежать надумала? – Робби с шипением дернул меня за ноги на себя, и я проскребла ногтями

по заледенелой земле, царапая ладони чем-то острым.

– Отпусти! – я лягнулась наобум, но внезапно затрещал подлесок, и воздух сотряс свирепый рык.

"Волчок!"

Хватка на лодыжках мигом ослабла, я перевернулась на спину.

Огромная тень нависала над мигом сдвух парнем, распластанным по земле, будто тряпичная кукла. На меня пахнуло влажной шкурой, землей и сыростью.

Зверь наклонился к самому лицу Робби, втягивая его запах, щеря острые зубы, а тот выглядел так, будто сейчас испустит дух.

– Ааа! – тоненько заголосил его приятель, тот самый здоровяк. – Аааай!

Фонарь покачнулся, упал на бок и погас. Пламя полыхнуло и как по волшебству впиталось в мерзлую землю.

Пользуясь тем, что волк увлечен их другом, двое трусливо попятнулись, а потом дали стрекача. Драли, как зайцы, едва ли не падая – мигом хмель из головы выветрился.

– Грррр... – Волчок клацнул зубами перед лицом Робби.

– Не трогай его, не надо, – я нашла в себе силы подняться.

Отряхнула колени.

Зверь поглядел исподлобья, мол, чего лезешь? Моя добыча. А внук управляющего, с которого мигом осыпалась бравада, жалобно захныкал.

– Рроззи... ппомоги ммнее...

Я вздохнула. Ну что мне делать с этим дураком? Нельзя позволить волку загрызть его, но что, если Робби начнет трепать языком о том, что случилось?

Волчок смотрел на меня выжидающе. На морде было написано, что его эта ситуация злит.

"Его надо убить... так будет проще" – шепнул ветер над ухом. Или то была моя мысль?

Парень завозился, но Волчок уперся лапой ему в грудь, пригвождая к земле.

– Роза!.. П-пожалуйста!

Зло творится с разрешения человека.

Я знала, что не смогу приказать Волчку разорвать Робби, каким негодяем бы он ни был. Знала, но почему-то медлила.

– Обещай, что никому не расскажешь о том, что случилось в лесу, – я вздохнула и успокаивающе погладила густую волчью шерсть.

Зверь вздрогнул.

– Обещаяю... – проскулил тот, и, когда волк разрешил ему подняться, ринулся прочь, дрожа и оскальзываясь.

Когда парень скрылся скрылась за деревьями, я осела на землю.

Как я устала... Голова кружилась от нахлынувших чувств – я тонула в них, захлебывалась.

Волк горячодохнул мне в шею и толкнул носом между лопаток, мол, вставай, чего расселась!

– Спасибо тебе, Волчок. Если бы не ты, не знаю, что бы

со мной сейчас было.

Каким-то внутренним чутьем он ощутил, что мне грозит беда, что мне нужна его помощь.

– Говорят, что у дикого зверя не может быть души, – со-брав волю в кулак, я обернулась и зарылась пальцами в гу-стой мех, приблизила волчью морду к своему лицу.

Он смотрел на меня внимательно, будто ждал, что я ска-жу следом, и от его осмысленного печального взгляда стало вдруг так больно. Краешек луны выглянул из-за туч, и свет осел на шерсть серебряной пылью.

Так красиво...

– Но это ложь, – я помотала головой. – У тебя есть душа, мой добрый друг. Я вижу в тебе что-то, чего никак не могу объяснить. Ты pomoжешь мне, Волчок?

И я принялась рассказывать ему все, что скопилось на ду-ше, поведала обо всех своих страхах, о сновидениях, о Серд-це Леса. А он слушал, только один раз отвел глаза, когда я заговорила о прежнем короле и принце Эрике.

– Ты живешь в этом лесу, ты должен хотя бы догадывать-ся о том, что здесь происходит. Ты ведь знаешь, что творит-ся что-то неладное, злая воля превращает Лес в чудовище. Волшебный плащ может защитить меня от темного колдов-ства, поэтому, пожалуйста, помоги. В старых легендах гово-рится, что этой ночью Лес сам укажет путь к Сердцу. Может быть, ты его дух? Хранитель? Если так, то проводи меня к нему, – я погладила морду ладонью и коснулась своим лбом

его. Закрыла глаза.

Мы молчали долго, слушая дыхание друг друга. Если когда-то я и боялась Волчка, то теперь чувство это ушло без следа. Казалось, он понимает меня лучше, чем многие люди.

А ночь, тем временем, жила собственной жизнью: наполнялась шорохами, совиными криками, журчанием ледяного ручья за сизыми камнями. Из низины поднимался туман, стелились тонкие лозы со смертоносными шипами, а где-то далеко стучало раненое Сердце.

Наконец, Волчок встрепенулся, махнул хвостом и потрусил прочь. Подобрал юбки, я бросилась следом. Приходилось прорываться через бурелом, высоко задирать ноги, чтобы перешагнуть упавшие стволы, напрягать глаза, чтобы хоть что-то разглядеть в этой темноте. Зверь вел меня резво и уверенно, порой оборачивался, чтобы проверить, как там его медленная человеческая спутница, не потерялась ли, не угодила в болото или в лапы какого-нибудь паука-людоеда?

Я не знала, что буду делать, когда увижу Сердце Леса. Надеялась на подсказку, сейчас главное – дойти.

В тот момент, когда левый бок уже горел огнем и дыхание стало сбиваться, я заметила – плотный сумрак чащи начал сереть. И вот там – знакомый взгорок, а тут – кривая береза, которую я уже видела.

Ночь пошла на исход, а волк привел меня...

– Ты что, все это время вел меня обратно в город?! – напустилась я на него. – А как же Сердце Леса? Я думала, ты

собирался мне помочь!

Волчок окинул меня невозмутимым взглядом, а я всплеснула руками от бессилья. Вот как это понимать? Все зря!

– Ты сделал это нарочно! – погрозила ему пальцем, но зверь махнул головой в сторону опушки, мол, иди, откуда пришла.

Со стоном я села на землю и обхватила голову руками, спрятала лицо за алым капюшоном. Хотелось разрыдаться. Какая же я дура, напридумывала себе невесть что!

Сердце Леса... кто-то должен его спасти! Вот только не факт, что этот кто-то – растяпа и размазня Розы. Даже мой друг так думает. Единственное, на что гожусь – плакаться на судьбу и плыть по течению, как дохлая рыба.

Но тогда зачем эти сны, знаки, слова феи? Получается, все было зря? Или я просто медленно схожу с ума?

Я осторожно выглянула из укрытия – волк настоящий. Я его не придумала – хоть какая-то радость. Вот он, сидит и в ус не дует.

– Зачем ты обманул меня? Ночь закончилась. Волшебная ночь, между прочим! Я все тебе рассказала, все объяснила, а ты все равно сделал по-своему. Решил за меня. Как и все.

Бросив на него сердитый взгляд, я зашагала прочь.

В голове было пусто. В душе тоже. И нет ни зацепки, ни подсказки – что делать дальше?

Через несколько десятков шагов я все-таки остановилась и обернулась. Волчка уже не было, он исчез, будто лесной

дух – растворился среди сухой листвы и пушистых еловых ветвей.

Мой нечаянный друг, проводник и спаситель. Хранитель какой-то наверняка страшной тайны.

Я стояла, как вкопанная, пока с неба не повалили комья снега. Ветер взревел и сорвал с головы капюшон, запарусил полы алого плащика. Стремительно надвигался рассвет, и бабушка могла проснуться с минуты на минуту.

– Я все равно не сдамся, – пообещала сама себе. – И разгадаю эту тайну.

Глава 22. Волчье проклятие

Я снова смотрел, как она уходила, хотя сердце рвалось от боли. Человеческое сердце... и совсем немного волчье. Я спрятался за деревьями и глядел, как она стояла в вихре белого снега – маковый цветок среди внезапно разыгравшейся вьюги. Глядел, как трепетал на ветру плащ из алого бархата – как крылья бабочки на ветру.

О, как хотелось набросить ей на плечи теплую шубку из черного меха и укутать, согреть, чтобы не дрожала. Моя отчаянная и безрассудная подруга. Зачем понесло ее в лес в ночь Самайна, в колдовскую ночь? Неужели надеялась что-то изменить?

Простой хрупкий человек без капли волшебной силы.

И ей не место здесь, увы. Я и так позволил всему зайти слишком далеко, и вот уже маленькая девчонка возомнила себя спасительницей проклятого леса. Я не могу защитить ее от всего – сначала чудовище из озера, потом пьяные гаденыши и колдовство, затмевающее разум, сны из прошлого... а что дальше?

Я понуро поплелся обратно в чашу, стараясь не обернуться. Яркая фигурка Розы уже растаяла в предрассветном сумраке, а я все надеялся хоть одним глазком посмотреть... Или прийти ночью к ней под окно, подглядеть ее сны, подышать запахом домашнего уюта и тепла и представить, что там

и для меня найдется место.

Нет-нет, я не должен быть эгоистичным, не должен позволить зверю одержать над собой верх. Даже если я никогда не верну свое истинное обличье – пускай. Я могу постараться защитить ее хотя бы от себя, потому что в памяти живы слова ведьмы.

«Его можно снять только кровью. Если найдется человек, готовый пожертвовать ради тебя жизнью, ты станешь свободен».

В тот момент надежда разбилась с оглушительным звуком. Никто и никогда не согласится отдать жизнь ради чудовища, ради ужасного серого волка. Напротив, будут травить собаками, гнать, стрелять и жечь. Что ж, если такова моя участь, надо хотя бы отомстить тем, кто разрушил мою жизнь.

Я вынырнул из воспоминаний, и реальность швырнула в морду горсть острой ледяной крошки. Ветер завыл насмешливо.

У каждого решения есть цена. Я не дам Розе рисковать из-за меня, хотя она вряд ли согласится обменять свою жизнь на мою, но все-таки не стоит ходить по тонкому льду. Это моя ошибка – не распознал у себя под носом предателей.

Мне и расплачиваться.

Глава 23. Рябиновая поляна

Следующие дни стояла непогода: безостановочно сыпал снег, почерневшее небо, казалось, хотело улечься прямо на город и раздавить его своим весом. Бабушке нездоровилось, и я все время находилась возле нее, даже не помышляя снова выбраться в лес. Вместо этого занялась хозяйственными хлопотами – хоть и на время, но спаслась от навязчивых раздумий и страхов. А их было много. Очень много.

Но вместо того, чтобы раз за разом перебирать мысли, я чинила зимние вещи, оставшиеся с прошлых лет, плела по заказу знакомого лавочника посуду из ивовой лозы, заготовленной про запас еще с начала осени. Вязала рядом с бабулей, развлекая себя и ее выдуманными волшебными историями, убирала дом, вычищая грязь из всех, даже самых дальних уголков.

Иногда ловила себя на мысли, что хочу продать его и переехать в домишко поменьше, но ни я, ни бабушка не могли распоряжаться этим имуществом, пока был жив дядя Джеймс – единственный мужчина в моей семье. Больше всего я боялась, что, продав дом, дядюшка очень быстро спустит все деньги на развлечения. Я знала – так и будет. Он живет одним днем и не думает ни о чем и ни о ком. Вот поэтому в голову нет-нет да и закрадывалась мысль – а что, если бы его вдруг... не стало? И, к стыду своему, этот расклад меня

бы устроил гораздо больше.

Накануне посыльный принес от дяди письмо, которое я распечатала с неохотой. Буквы прыгали и норовили разбежаться, будто послание писалось в спешке – почерк как отражение его характера.

"Ты понравилась Торну, племянница, он интересовался тобой. Молодец, хоть на что-то ты годишься. Мы на верном пути, Роза, я чувствую, скоро он снова пригласит тебя в гости. Торну нужна тихая, покорная жена с хорошей родословной, которая не будет везде совать свое мнение и мешать ему вести дела. Ты идеально подходишь. Надеюсь, ты взялась за ум, ты ведь хочешь, чтобы у твоей бабульки была тихая и спокойная старость?"

Думай, дорогая. А мне пока надо уехать. В столице начинается сезон предновогодних гуляний".

Дочитав, я с яростью скомкала письмо и бросила его в жаровню.

Гуляния у него!

Ненавижу...

Пергамент скукожился и почернел, и, пока клочок бумаги горел, я видела в огне усмехающееся лицо дяди Джеймса.

Руки дрожали мелкой дрожью, а в висках стучала кровь – так сильна была злость. Обычно это чувство было мне не свойственно, но в тот раз... Будто что-то новое и пугающее разрасталось во мне. И мне не нравилось это чувство.

Спустя еще несколько дней, наконец, разошлись тучи – выглянуло солнце, а город повеселел, отряхнулся от снега. Осень шла на исход, и зима, как проголодавшийся пес, все уверенней клала зубы. В доме я не снимала теплой одежды, а если вдруг бабушка начинала мерзнуть, я кутала ее в свой алый плащ – зачарованный, он оберегал от холода. И бабуля, надежно защищенная, мирно посапывала у огня с вязанием на коленях.

Сегодня с утра я, налепив ароматных пирожков с луком и грибами, бережно уложила несколько штук на дно корзинки и укрыла полотенцем для тепла. Зашла миссис Беркинс – они с бабушкой чинно беседовали, а я, налив им по кружке ароматного травяного чая, поцеловала старушку в щеку и, предупредив, что пошла прогуляться, наскоро оделась и выбежала на улицу.

Ох, как отрадно было снова увидеть солнце! Оно рассыпало золотые искры по сугробам, играло на тонких корочках льда, сковавших лужи. А по ним, визжа от восторга, скользила детвора. Я не могла надышаться свежим морозным запахом и, окрыленная надеждой, побежала в сторону леса.

Каждый раз приходилось быть осторожной – яркий плащ мог меня выдать, но сегодня повезло. Никто не встретился на моем пути, и уже совсем скоро я шагала в сторону опушки. Свежие следы – должно быть, охотничьи – еще не успело припорошить снежной пылью. Охотники слыли в городе отчаянными смельчаками – надо же, не бояться заходить в про-

клятый лес! Я улыбнулась своим мыслям, когда представила, что сказали бы люди обо мне, если бы узнали, что я первая за много лет зашла так далеко в чащу. Мое столкновение с Робби и его дружками вспоминалось все реже и реже и казалось чуть ли не сном.

– Волчок, где ты? – позвала негромко, но лес будто подхватил мой вопрос и разнес его шепотом эха.

Вдруг ледяные щупальца страха поползли по ногам, скользя лодыжки, добираясь до колен. Сделав глубокий вдох, я мысленно стряхнула их и пошла, все ускоряя шаг. На мне ведь алый волшебный плащик, чего я боюсь? Не впервой красться, озираясь по сторонам, как забравшаяся в чужой дом незваная гостья.

Испуганно вспорхнула птица над головой – ветка качнулась упруго, осыпая меня белоснежной крупой.

– Ты где, Волчок? – спросила с надеждой, что тот по обыкновению ходит где-то поблизости, а наша странная связь поможет ему меня услышать. – Я пирожков принесла!

Да уж, еще недавно я и помыслить не могла о том, что буду подкармливать в лесу дикого зверя. Но старая сказка ожила, и я, сама того не ожидая, оказалась главной ее героиней. Пирожки... подумать только! Можно, конечно, посмеяться над собой, но только отчего-то не смешно. Тем более, с каждым моим шагом лес как будто замирает, прислушивается, пытается прочесть мои намерения. Если так – то вот я, вся как на ладони, читай на здоровье! Я ведь помочь хочу...

Хлопанье крыльев в вышине, и я, стиснув холодными пальцами ручку корзины, вскинула голову. Недобро сощурив черные глазки, на меня смотрела ворона. И, хоть все они были на одно... один клюв, показалось, что именно эта птица пробралась в мою комнату в ту ночь!

– Ты следишь за мной?! – обратилась к пернатой твари. – Убирайся!

Но ворона только сильнее нахохлилась и посмотрела так злобно, что я невольно отшатнулась. А потом сжала зубы и, молниеносно зачерпнув пригоршню снега и слепив его в тугой ком, с силой запустила в птицу.

– Карр! – она успела взлететь за мгновение до того, как снежок врезался бы в упитанное тело. Захлопала крыльями, набирая высоту, и затерялась в переплетении ветвей.

Я еще некоторое время высматривала шпионку, приложив ладонь ко лбу козырьком, но та сгнула – как будто растаяла в воздухе!

Ладно. Теперь мне предстоит понять еще и то, что вороне от меня понадобилось. Как будто и без того забот мало...

С окончательно испортившимся настроением я побрела вперед, стараясь запомнить ориентиры. Пирожки в корзинке совсем остыли – ну где же ты, дружок?

Должно быть, мысли настолько меня захватили, что на некоторое время я потеряла связь с явью, а когда опомнилась... Это было совсем другое место. Передо мной расстилась поляна, окруженная множеством рябиновых деревьев

– ветви тяжело накренились под тяжестью снега и плодов, покрытых белыми пушистыми иглами. Грозди свисали так низко, что можно было протянуть руку, набрать полную корзину... А под ногами виднелась россыпь ягод.

Алое на белом.

«Как брызги крови» – пришло на ум невольное сравнение.

Я, замороженная этой хрупкой красотой, дотронулась кончиками пальцев до ягод-бусинок – и будто нежный перезвон прокатился по поляне.

Динь-дилинь, динь-дилинь...

– Гррр! – громкое рычание оборвало музыку, а я отдернула руку.

– Волчок! – бросила укоризненно, но не смогла скрыть радости от встречи.

Мой серый друг смотрел исподлобья, а потом будто бы нехотя направился ко мне. Обнюхал мою ношу, посмотрел вопросительно.

– Ты что же, прятался от меня? – я потрепала его за ухом, а тот то ли заворчал, то ли заурчал. – Не хотел выходить? Думал, я сержусь на тебя за прошлый раз?

Конечно, мне было до сих пор обидно за его обман, но ведь осталась еще одна волшебная ночь, когда можно добраться до Сердца. Думаю, на этот раз мы с волком договоримся. Он умный, должен понять и просто поверить мне. И в меня.

Зверь махнул хвостом и с явным намеком ткнулся мор-

дой в корзину. Ясно, проголодался. Он вообще меня вышел встречать или пирожки?

Я поставила корзину на снег, и Волчок в считанные минуты уничтожил гостинец – оставил мне один, самый маленький. Ладно уж, пусть доедает...

Мы неспешно шагали бок о бок, когда я решила обернуться и запечатлеть в памяти волшебную ало-белую поляну, но вместо тонких рябин из-под седых бровей на меня глядели накупившиеся ели да щерился переломанный валежник.

Лес снова заигрывал со мной. И неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не подарок феи и мой пушистый друг. Осталась бы тут навеки, превратившись в еще одну рябину, и даже плащик не помог. По спине между лопаток прокатилась волна мурашек – и пробрало меня вовсе не холодом.

Лесу едва не удалось меня зачаровать... Но почему?

Глава 24. Меж двух кривых сосен

Я не хотел подходить к ней, но эта настойчивая девчонка заходила все дальше и дальше в лес, звала меня, и приходилось красться за ней неслышной тенью. Охранять. За ней тянулся шлейф умопомрачительного аромата, и дело было вовсе не в свежей домашней выпечке, хотя и от нее слюни наворачивались. В тот момент я слабо различал, где заканчивается человечье и начинается волчье. А потом она вышла прямо к рябиновой поляне – от той веяло волшебством за версту, и взгляд у Розы стал такой потерянный, стеклянный, неотмирный. Она рассказывала, что плащ – подарок феи, защищает ее от колдовства, но на этот раз, похоже, она сама была готова *позволить* себя околдовать.

Пришлось вмешаться.

– Если легенда не врет, то путь к Сердцу Леса лежит запутанными тропами, сквозь болота, мимо волчьего логова, дугою вдоль озера, над оврагами, меж двух кривых сосен. Ты наверняка знаешь, где это.

Мне решительно не нравилась эта затея, более того, я несколько раз ходил той дорогой, и всегда моя волчья сущность сжималась от потустороннего ужаса – звери более чутко ощущают присутствие магии. Особенно темной. Каждый волос на шкуре приподнимался дыбом, и я выл, и рычал, отгоняя неведомое, но такое пугающее Нечто.

Я не хотел пускать туда Розы, но эта упрямая девчонка вбила в голову, что ей обязательно надо туда попасть.

– Быть может, волчье логово – это твоя нора на холме? А озеро... то самое, в которое нас чуть не утащило чудовище. Но в этот раз у меня есть красный плащ, и никакая магия мне не страшна. Если ты не хочешь мне помогать, то я пойду туда одна.

И уверенно зашагала вперед, высоко поднимая ноги, потому что увязала в снегу едва ли не по колено. Вот глупая! С рыком я вцепился в край плаща и потянул назад.

Не пущу!

***

Волк не хотел отпускать меня.

Утробно рыча, тащил в противоположную сторону. Да что бы ты понимал, серый!

– Пусти! – я упала в снег, пачкая лицо и руки, капюшон свалился с головы – волосы рассыпались по плечам, и на них осели хлопья белого снега, мягкого, как лебяжий пух.

Волчок внимательно смотрел на меня, не мигая, долго-долго, а потом фыркнул и отвернулся. Я обняла его за шею сначала осторожно, боясь разозлить, а потом прижалась и окунулась лицом в шкуру, пахнущую морозцем.

Я уговаривала его долго, а он слушал и время от времени передергивал ушами. Да вздыхал, как будто я ему порядочно надоела со своей болтовней.

– Ты ведь дух леса, правда? Добрый дух. Давай хотя бы

попытаемся.

Кажется, мне удалось сломить его сопротивление – коротко рыкнув, зверь потрусил вперед, а я подхватила юбку и бросилась за ним.

Ходить по дикому лесу и так было непростой задачей, а зимой тем более. Снег стелился поземкой – поднялся ветер и, будто музыкант, заиграл смерзшимися листьями, каким-то чудом державшимися на деревьях, затренькал обледенелыми ветками у нас над головами. В боку начало колоть от быстрого шага, но я упрямо продиралась вперед, не упуская из вида моего серого друга.

Что было у меня на душе в этот момент? Наверно, надежда и любопытство – как желание расковырять корочку на царапине и посмотреть, что под ней.

А еще тревога. Но только не страх, нет.

Волк вел меня вокруг болота, по хрусткому мху, мимо замерзшей рябины, уронившей ягоды на землю. Тут были проталыны, а над болотными водами вился дымок, словно под землей нагревалась огромная печь. Я видела прогнившие изломанные доски – остатки гати, проложенной много лет назад, в те времена, когда Сердце Леса не было больным. Видела сброшенные олени рога, затянутые обрывками паутины, и следы от копыт.

Мы долго обходили холм, а я твердила мысленно как песню, как заклинание:

...мимо волчьего логова, дугою вдоль озера, над оврагами,

меж двух кривых сосен...

Озерное чудовище дремало в глубине темных вод, но я чувствовала его присутствие, будто одним глазом оно все-таки наблюдало за нами. Небо, что прежде было приветливым и по-весеннему голубым, налилось свинцовой тяжестью – вот-вот лопнет.

А мы все шли и шли. Озеро осталось позади, ветви над нашими головами сплетались тесным шатром, и Волчок то и дело останавливался, прислушиваясь и крутя головой. Ему не хотелось идти дальше, но я уговаривала его, и он, опустив голову к земле, покорно вел меня вперед.

И вот, когда зверь вдруг замер на месте и оскалился, я увидела две сосны. Они были похожи, как сестры-близнецы, скрученные неведомой болезнью, развернутые макушками друг к другу.

– Тебе тоже кажется, что это напоминает врата?

Завороженная открывшейся картиной, я сделала шаг вперед. Кора этих сосен растрескалась, и застывшая смола оплыла, как свечной воск. Показалось – янтарь сияет тихим внутренним светом.

Потянулась рукой – молчаливый доселе лес отозвался глухим стоном, зашумели птицы. Я зажмурилась. Волк бросился за мной – только снег захрустел. А потом я сама не поняла, как оказалась по ту сторону ворот, и...

Ничего не изменилось.

Я покрутилась на месте, переглянулась с волком... Он,

кстати, очень недовольно на меня зыркал и все время принюхивался, а уши прижимал к голове. Будто все время ожидал нападения.

И в этом я была с ним согласна – жуткое место!

– Знаешь, мне почему-то кажется, что именно здесь проход к Сердцу, – я наклонилась к зверю и погладила его по шее. – Но он нас не пускает. Осталась еще одна ночь, когда можно попытаться.

А пока я должна подготовиться. Несмотря на напускную браваду, в душе я все равно трусиха. Маленькая Роза, которая плывет по течению и боится всю жизнь прожить бесполезной.

Что ж, завеса тайны немного приоткрылась. Откуда такая уверенность, я не знала. Но было внутри чувство глубокой убежденности – Лес ждет, чтобы его спасли, и я все сделаю правильно.

А пока пора возвращаться домой.

Глава 25. Темные замыслы

По возвращении меня ожидал неприятный сюрприз – на пороге я столкнулась с любимым дядюшкой.

– И где тебя носило? – он налетел на меня, как коршун на цыпленка. – Посмотри на себя, Розалин. Чем ты занималась? Каталась с горок вместе со сбродом? – поморщился презрительно, так, что его холеное лицо стало вдвойне неприятным.

Дядя Джеймс так кичился своими корнями, так трясся над титулом, от которого по сути остался один пшик, что мне становилось смешно. И те, кого он называл сбродом, ничем не заслужили такого пренебрежения.

– Доброго вам дня, дядюшка, – я прошла мимо него, снимая на ходу плащ. – Если вам угодно, я сначала переоденусь в сухое и выпью горячего чая, а потом мы продолжим разговор. И пожалуйста, не кричите так громко, а то бабушка может услышать.

Он возмущенно пыхтел у меня за спиной, удивленный равнодушием, которым я его окатила. Ну и пусть злится...

Мы прошли в гостиную, и я закрыла дверь. Повернулась к родственнику.

– И в кого ты такая? Никакого уважения к старшим. А я, между прочим, твой опекун, – погрозил он пальцем. Руки его были затянuty в перчатки, которые дядя Джеймс даже не потрудился снять.

– Вы вспоминаете об этом, только когда вам это выгодно.

Дядюшка смерил меня раздраженным взглядом, наверняка придумывая очередную гадость.

– У тебя, я смотрю, голосок прорезался? – он наклонился ко мне, и я ощутила приторный запах его духов и едкий – табака. – Давай поговорим серьезно.

Я замерла перед ним, держа в руках плащ и неосознанно пытаюсь им заслониться. Опять будет манипулировать моей любовью к бабушке? Угрозы отправить ее в дом престарелых, а меня выдать за какого-нибудь пропойцу были вполне в его духе. Он даже дом наш мог продать без моего ведома и согласия. О, как же я ненавидела свое зависимое положение! Оно вынуждало раз за разом терпеть любую обиду, балансируя над пропастью, чтобы не сорваться и не разругаться с дядей в пух и прах.

А он, тем временем, развалился в кресле и уложил на коленях щегольскую тросточку.

– Ты выйдешь за Торна замуж, может, даже родишь парочку наследников, а потом... – дядя Джеймс задумался, подбирая слова. Склонил голову к плечу, совсем как сова, и заговорщически посмотрел на меня. – ...потом, мало ли что может случиться? Жизнь – непредсказуемая штука, да, Рози? Твой возлюбленный муж может даже скоростижно скончаться. Скажем, упадет с лестницы. Или умрет от дизентерии. А убитой горем вдове подставит надежное плечо добрый дядюшка Джеймс...

Я открыла рот, да так и не смогла его закрыть. Смотрела на дядю, пытаюсь понять, не шутит ли он? А потом внутри у меня похолодело, и я еле устояла на ослабевших ногах.

– Как вы можете? Торн Глоуд ведь ваш друг...

– Дружбы нет, как и любви, – он пожал плечами. – Всегда нужно думать только о себе.

– А что вам помешает через время расправиться со мной и самому стать опекуном маленьких наследников, чтобы распоряжаться состоянием? У Глоуда ведь больше не осталось родственников.

Дядя закатил глаза и испустил протяжный выдох:

– Дорогая, как ты могла даже мысль такую допустить? Я, конечно, человек не самой высокой морали, но чтобы родную племянницу...

– Хватит, – я выставила вперед ладонь, обрывая словесный поток. – Не желаю больше вас слушать. Уходите, дядя Джеймс.

Его мигом сдуло с кресла, как лист бумаги под порывом ветра:

– Не будь идиоткой, Роза. На твоём месте я бы молился на Глоуда, ты ведь даже мечтать не смела о хорошей партии, тут надо зубами цепляться и не отпускать, а ты артачишься, как ослица.

– То, что вы предлагаете...

Дядя Джеймс бесцеремонно зажал мне губы пальцами и прошипел:

– Или ты слушаешься меня во всем, или я сделаю так, что твоя жизнь станет невыносимой.

– Вы обещали обо мне заботиться, – я отбросила его руку и отступила на шаг назад. Внутри все горело от негодования, а руки так и чесались отвесить родственнику пощечину. Даже мой тихий и миролюбивый характер дал трещину. – Хотя бы ради памяти вашей сестры – моей мамы.

– А я что делаю, глупая девчонка? – он схватил небрежно брошенное на спинку кресла пальто и натянул на плечи. – Глупая и совсем недалёковидная. Я такого жениха тебе нашёл... – он порылся в карманах и сунул мне в руки белый конверт с золотистой ленточкой. – Это приглашение на ужин. Завтра я заеду за тобой, попробуй только выкинуть какой-нибудь фортель.

Я поймала себя на мысли, что не дышу. Глотнула воздуха лишь тогда, когда в груди начало гореть огнем. И тут послышался голос бабушки:

– Розы, деточка!

Мы одновременно повернули головы к двери. Надо заканчивать этот спор, пока ба ничего не успела понять.

– Бедная старушка, – дядя с сожалением покачал головой. – Она заслужила спокойную старость в богатом поместье, в тепле и довольстве, рядом со счастливой внучкой. Заслужила подержать на руках правнуков, зная, что кровинушка надёжно устроена в жизни и не пойдет торговать собой, лишь бы не умереть с голода.

– Вы говорите отвратительные вещи, – я поморщилась. – Вы знаете, что я на такое не способна.

– О, бедность и нищета и не на это толкают.

– Так же, как власть и вседозволенность. Вы не дали мне устроиться на хорошую работу, а я ведь хотела помогать в аптекарской лавке и учиться...

– Даже думать забудь об этих глупостях, – он отмахнулся, как от мухи. – Не надо меня позорить, мы ведь не простолюдины. Тем более, твое жалованье все равно бы приходило на мой счет. Женщины не имеют права распоряжаться деньгами и наследством, забыла? Могут лишь передавать титул мужу, если он, конечно, достаточно богат.

Дядя Джеймс усмехнулся, стряхнул со шляпы пылинку и водрузил на голову.

– Подумай над моими словами, Роза, – и скрылся за дверью, оставив меня трястись от еле сдерживаемого бешенства.

А через некоторое время из коридора донеслись обрывки разговора – дядюшка соловьем разливался перед бабулей, интересовался ее здоровьем и желал доброго дня. С таким виртуозным талантом менять маски ему нужно было в уличные артисты идти.

Я опустилась в кресло – ноги грозили вот-вот подломиться. Этот день даже не закончился, а я уже выпита до дна.

Что же делать?

Пальцы до сих пор сжимали конверт из дорогой бумаги, мягкой, как бархат, но плотной. Поверхность украшал

выпуклый узор – так и манил прикоснуться. Чем дольше я смотрела на конверт, тем сильнее вскипала злость – не выдержав, я порвала его на куски и только тогда почувствовала нечто сродни удовлетворению.

Что ж, сейчас я сделаю то, что от меня хотят. Но кто сказал, что так будет всегда?..

Глава 26. Алые лепестки

Сегодня это платье казалось мне не лепестком алой розы, а кровавой кляксой на белом снегу. Второе платье, сшитое тетушкой Лавандой – она сдержала слово и отправила покупки в наш дом с посыльным еще до своего исчезновения. Все дни они висели, укрытые чехлами, и я боялась даже одним глазком на них полюбоваться, будто те могли исчезнуть от такого святотатства.

Я чувствовала, как тяжелый бархат лег на плечи, сковал руки, как потянула к земле пышная юбка. В любом другом случае меня бы восхитило отражение в зеркале, но сегодня во взгляде не было огня. А дядя Джеймс отметил, что в этом платье я дивно хороша, и даже такой ловелас, как Торн, отбросит последние сомнения и будет на коленях просить моей руки.

Жаль, что я об этом не мечтала, но пришлось наступить самой себе на горло и делать то, чего от меня ждали.

Накануне я с бодростью доложила бабушке о приглашении на ужин, а она слушала со снисходительной улыбкой, а потом вдруг произнесла:

"Деточка, мне кажется, ты от меня что-то скрываешь".

Ложь была противна, но я пошла и на этот шаг, ругая себя последними словами, а в голове с пугающим постоянством рисовались картины другой жизни – что было бы, если бы

моего опекуна вдруг не стало.

А еще внутри упрямо теплился огонек надежды, не давая окончательно захлебнуться в меланхолии – когда спасу Сердце Леса, что-то в моей жизни изменится. Непременно изменится. Нужно лишь еще немного потерпеть.

Но сегодня мы ехали в Торнвуд, и снова дядя с Люсиндой ворковали, как голубки, делая меня вынужденной свидетельницей их объятий. Я приоткрыла тяжелую штору – шкодный ветер тут же бросил в лицо пригоршню снежинок, укусил за нос, зарумянил щеки. В голову полезли мысли о лесе и моем волке. Я уже давно называла его своим, как будто знала много лет, как будто между нами существовала незримая связь. Все равно, что он в шкуре зверя, а я – человека.

– И снова она чем-то недовольна, – послышался желчный голос дядюшки. – От твоего вида, Розы, даже цветы вянут. Постарайся побольше улыбаться рядом с Торном. Он не любит бук. Люси, дай ей свою красную помаду и покажи, как надо ее использовать. Моя племяшка, похоже, понятия не имеет о существовании косметики.

– Приличные девушки не красятся красной помадой, – буркнула я, не поворачивая головы.

Дядя начал было спорить, но Люсинда саркастически фыркнула:

– Не нужна ей эта помада.

Что? Поддержка? Неожиданно.

– Ну и провалитесь обе... – родственник нахохлился и на-

тянул шляпу едва ли не до самого носа.

А я представила вдруг, как появляюсь в поместье в этом алом платье с алой помадой на губах, как Торн Глоуд окидывает меня взглядом с головы до носков туфельек. Оценивает.

Меня пугал этот человек, я чувствовала исходящую от него опасность. И в то же время понимала, почему многие женщины мечтают оказаться в его объятиях. Этот ореол порока и темной тайны манил, как огонь манит мотыльков – и каждая надеялась, что именно ее пламя не сожжет, лишь слегка опалит крылышки.

Интересно, какого быть его женой? Постоянно умирать от ревности и надеяться, что он будет верно сидеть у твоей юбки? Наверняка обе его супруги были несчастны – тут к гадалке не ходи.

Я мысленно примерила роль жены Глоуда, а в следующий миг наругала себя за глупость. Всему виной те старые любовные романы, которые я нашла вчера вечером в библиотеке. Потрепанные и невзрачные, они прятались за томами словарей.

Поместье встречало нас открытыми воротами, будто хозяин ждал с самого утра. Вверху, где смыкались голые ветви деревьев, была натянута металлическая решетка с новогодними гирляндами – они сияли, как маленькие звезды. Только руку протяни и коснись осколка сказки. На несколько минут я позволила себе расслабиться, но вскоре снова ушла в оборону, будто была в окружении врагов.

Сегодня мы были единственными гостями – уже легче. Не хотелось встречаться ни с кем, кто был в этом доме в прошлый раз.

Нас пригласили в просторную гостиную со столом, накрытым на четыре персоны, и роялем цвета слоновой кости. При взгляде на него, у меня так некстати екнуло сердце – инструмент был так похож на тот, на котором играла моя мама, а я училась брать первые аккорды. Как давно это было, как будто в прошлой жизни!

Десятки фигурных жирандолей с хрустальными подвесками распространяли мягкий золотистый свет. Казалось, нити с гранеными бусинами качаются сами по себе, даже без ветра, и мелодично позвякивают.

Динь-дилинь, динь-дилинь...

Так некстати вспомнился лес, рябиновая поляна и то магическое очарование, которое едва не поймало меня в сети. Здесь тоже было легко поддаться пышности и великолепию, на минуту представить себя хозяйкой этого богатого теплого дома, предать себя ради удобства и призрачного благополучия.

Когда явился Торн Глоуд, одетый, как и в прошлый раз, с иголки, флер спал с моих глаз.

Он вел себя доброжелательно, пожалуй, даже слишком, но от прикосновения его губ к руке меня окатило волной озноба.

– И снова вы великолепны, Розалин. От вас невозможно

отвести глаз.

И улыбка – острая, как лезвие бритвы. Опасная, как волчий оскал. Безжалостная, как капкан охотника. Ироничная, как насмешка бога над теми, кто стоит много ниже него.

– Если она станет твоей женой, друг мой, то сможет уладить твой взор дни напролет, – с медовой улыбкой встрял дядюшка, когда я уже открывала рот для ответа.

Торн запрокинул голову и рассмеялся. Надо отметить, смех у него оказался даже приятным – глубоким, бархатистым.

– О, Джеймс, я поставлю ее на пьедестал, как золотую статуэтку, накрою стеклянным колпаком и больше никому не позволю на нее посягнуть.

Не надо быть семь пядей во лбу, чтобы понять – я для них всех что карта в игре, картонка без права на мысли и чувства. Приятное дополнение к образу успешного человека, который построил свое королевство сам, без громких титулов и именитых родственников.

– Тогда уж сразу под замок меня посадите, господин Глоуд, – произнесла негромко, еле размыкая губы и пытаюсь справиться с обуявшей меня злостью.

Ответом стал снисходительный взгляд темных глаз. Посмотрел на меня, как на несмышленного ребенка, и улыбнулся.

– Вы очаровательно сердитесь, Роза.

– Моя племянница чрезвычайно скромна и комплименты

ее смущают, – снова вставил свое слово неугомонный дядя. – Она воспитывалась в строгости, как и подобает настоящей девушке. Ее бабушка – тот еще зверь, женщина старой закалки.

– Моя бабушка – добрейшей души человек.

Меня, конечно, не услышали, ну я и сделала вид, что происходящее меня ничуть не трогает, и принялась орудовать приборами, хотя с большим удовольствием бы вонзила вилку совсем не в рыбное филе. Если бы хоть кто-нибудь внимательно присмотрелся к моим рукам, то заметил бы, как те дрожат.

Но мужчины уже увлеклись разговорами об охоте и новогодних гуляньях, а Люсинда томно потягивала вино, время от времени прислоняясь к плечу дядюшки Джеймса. Интересно, долго ли они пробудут вместе? Или скоро мой ветреный родственник найдет себе богатую вдову старше его лет на пятнадцать-двадцать?

Люсинда будто послушала мои мысли и уставилась с интересом. Я перехватила ее взгляд – что-то в нем неуловимо изменилось. Или просто я сама посмотрела на нее другими глазами, без предубеждений? В первую нашу встречу та показалась мне слишком самолюбивой, заносчивой и пустой, а сейчас Люсинда будто приподняла маску, и я увидела скучающую женщину с выгоревшим взглядом, как будто она устала от всего на свете и живет просто по привычке.

Будто испугавшись, что я узнаю лишнее, она отвела глаза

и сделала большой глоток, разом осушив бокал.

– Розалин, вам нравится жить с бабушкой? – обратился ко мне Торн Глоуд, и я невольно вздрогнула.

"Трусиха! Вот поэтому тебя никто не воспринимает всерьез, потому что ты всего боишься, Роза" – внутренний голос был, как всегда, безжалостен.

– Бабуля воспитывает меня с одиннадцати лет, с тех пор, как не стало родителей. У меня нет человека ближе, конечно, мне нравится с ней жить.

– Я понимаю, что значит потерять мать и отца. Это роднит нас с вами, – Торн тягуче-медленно поднес бокал к губам, отпил вина и облизнулся кончиком языка. – Джеймс говорил, вы умеете играть на рояле.

Я слушала его, не отрывая взгляда, а по рукам начинали ползти мурашки. Я предчувствовала его просьбу, но все же оказалась к ней не готова.

– Сыграйте для меня, Роза, – произнес он и небрежно откинулся на спинку стула.

Глава 27. Романс о сказке

– Я давно не касалась клавиш, – попыталась оправдаться я, но воздух будто бы сгустился, а кожу запекло под прицелом внимательных взглядов.

– Уверен, вы просто скромничаете, Роза. Ваши пальцы созданы для того, чтобы дарить наслаждение... слуху. Ну же, мы просим.

Я метнула бездумный взгляд на собственные руки, до побеления костяшек сжимающие ткань платья. Когда-то в детстве преподаватель музыки говорил, что у меня музыкальные пальчики, и со временем я сумею сыграть любую, даже самую сложную, мелодию. Но с тех пор прошло семь лет...

– Да брось, Торн, она же ни нотки от смущения не вспомнит! – прозвучал насмешливый голос дядюшки. – Пылает, как маков цвет. Даже уши покраснели от такого внимания.

Несколько мгновений я будто не дышала и совсем ничего не видела, а, когда очнулась, поняла, что успела подняться на ноги и теперь стою, глядя на них всех растерянным взглядом. В глазах Торна читалось любопытство – должно быть, так смотрят на интересный экземпляр коллекции статуэток.

– Хорошо, я сыграю, – голос был удивительно спокоен, хотя внутри меня бушевал настоящий ураган, срывая крыши и распахивая двери, за которыми прятался здравый смысл.

На негнущихся ногах я прошла к роялю, и с каждым ша-

гом подол моего роскошного бордового платья, кажущегося в приглушенном свете почти черным, колыхался подобно тяжелому колоколу.

"Просто представь, что ты здесь одна..."

Гладкость и прохлада клавиш цвета слоновой кости – я провела по ним ладонями, не извлекая звука, словно исполняя ритуал, значение которого мне самой было не известно. Касаться такого дорогого и роскошного инструмента казалось настоящим кощунством, сидеть за ним заслуживают лишь талантливые композиторы или артисты, на выступления которых сходятся посмотреть сотни зрителей.

Говорят, сколько бы лет не прошло, тело будет помнить. Когда-то мы с мамой играли в четыре руки, разучивали гаммы, сонаты и менуэты, а строгий учитель с закрученными седыми усами приходил три раза в неделю, чтобы погонять меня и проверить подготовку домашнего задания. И сейчас – этот отполированный рояль, эти мягкие чарующие звуки – как мостик в прошлое, к жизни, которая у меня когда-то была, и которой я лишилась одной снежной зимой. К мамину голосу, ее улыбке, руке отца, которая ободряюще опускается на плечо, к хитросплетению аккордов, знакомых до щемящей тоски в груди.

Я не пыталась представить перед собой страницу, усыпанную нотами, но представляла тихий вечер, свечи, мамины руки, порхающие по клавишам, белый снег и алые лепестки на нем. Я забыла о том, где и с кем нахожусь, я брела дорож-

ками старых сказок по затертым от времени страницам. Там жили знакомые с детства герои – добрые волшебники и феи, рыцари и принцессы, говорящие звери, прекрасные принцы, девочка в красном плащике и мой добрый волк. Когда-нибудь я напишу свою историю: в ней девочка и ее мохнатый друг спасут Сердце Леса, и все закончится хорошо.

Пальцы застыли на последнем, решающем, аккорде – даже сердце в этот миг замерло, а потом пустилось в галоп, стоило опустить слегка подрагивающие руки на колени. Я как будто долго бежала без остановки по усыпанному цветами лугу, а потом выдохнула и остановилась. Меня переполнял восторг и одновременно сожаление о том, что волшебные мгновения ускользают, и сейчас придется спускаться на землю. Было удивительно – я ни разу не ошиблась и не сбилась, я просто следовала за музыкой, отпустив контроль разума над телом.

– "Романс о сказке"? – голос Глоуда раздался откуда-то из-за спины, и я вздрогнула. – Хорошо сыграно. С душой.

– Благодарю. Я с детства люблю эту мелодию, – я медленно выдохнула, надеясь, что сердце все-таки перестанет колотиться так нервно, и поднялась с банкетки медленно, как будто пытаюсь оттянуть момент прощания с инструментом.

В этот миг разум снова посетила назойливая, как мошка, мысль – если я выйду за этого человека замуж, то смогу играть сколько угодно, и никто мне не запретит.

– Какие у вас еще есть таланты, Роза? – мужчина подошел

ближе, и нас разделяло лишь несколько шагов. Я могла чувствовать горький запах табака, смешанный с чем-то сладким.

Я хотела было сказать, что никаких, но напряженная тишина встревожила – я огляделась в поисках дяди Джеймса, который не преминул бы ввернуть едкое замечание или напомнить о себе любым другим способом, но его не было в гостиной. Ни его, ни Люсинды. Они испарились как по мановению волшебной палочки, оставив меня здесь одну, и от такого предательства я позабыла, как дышать.

Неужели они уехали без меня? Неужели... решили оставить здесь на ночь?

Наверное, все эмоции отразились на моем лице, потому что Глоуд снисходительно улыбнулся, и глаза его насмешливо заблестели.

– У вас взгляд загнанного зверька, Розалин.

– А разве это не так? – я насупилась и скрестила на груди руки, всем своим видом давая понять, что происходящее мне очень не нравится. – Где мой дядя?

– Ах, Джеймс? – кривая улыбка-оскал, и он приблизился еще на шаг, протягивая мне руку. – Отправился подышать воздухом. Ну же, дорогая, не бойтесь.

Я с опаской вложила самые кончики пальцев в его ладонь, будто опасаясь, что в любой момент увижу длинные звериные когти, и Торн провел меня к окну.

– Вы знаете, почему это поместье носит имя Торнвуд? – любопытствовал мужчина, когда я выглянула наружу.

Сумерки окутали уже знакомый мне сад плотным темно-синим покрывалом. Там, затерянные среди аккуратных деревьев и дорожек, извивались каменные девушки и сатиры в самых немислимых позах, а их безумства освещали яркие новогодние огоньки.

– До того, как я выкупил это место у старого хозяина, этот сад, эти статуи и колонны были увиты терновником, – продолжил Торн, так и не дождавшись моего ответа. – Он был таким густым и необузданным, а острые шипы ранили так сильно, что некоторые садовники, наводившие здесь порядок, долго не могли залечить полученные раны. А один из них лишился глаза, случайно напорвшись на шип, – мне показалось, что Глоуд усмехнулся почти с наслаждением, словно случившееся с бедным садовником было забавным.

Страх, отвращение, жалость – все это сменяло друг друга по мере того, как мужчина говорил. И вдруг пришло отчетливое понимание – этот человек, Торн, сам похож на шип – опасный, жестокий, отравленный. И лучше мне к нему не приближаться.

Но сам он думал по-другому, потому что уже в следующее мгновение я ощутила, как на плечо легла его тяжелая ладонь – она обжигала даже сквозь ткань.

– Розалин, я не привык ходить вокруг да около, – Глоуд наклонился почти к самому уху. – Я человек нового поколения, ненавижу пышные фразы и больше всего на свете ценю откровенность.

Я сделала робкую попытку сбросить его руку, но он будто нарочно сжал ее сильнее. Я стояла, испуганная и пойманная в ловушку, а запах табака и какой-то неведомой сладости забивал ноздри.

– Мне нужна жена из старой аристократии, кроткая и добродетельная. С вашим титулом я смогу сделать еще больше, войти в новый круг и заработать больше. Вы мне симпатичны, и я не вижу причин, по которым нам не следует заключить взаимовыгодный союз.

– Почему именно я? Мало ли найдется подходящих... невест? – мне, наконец, удалось избавиться от его хватки и повернуться.

Легче от этого не стало, потому что пришлось столкнуться со взглядом этого человека. На лице его лежала тень, но в глазах отражались огоньки гирлянд, и оттого взгляд казался ну просто демоническим.

– Вы племянница моего давнего и надежного друга, мы многое прошли бок о бок. К тому же, приданое жены меня совсем не волнует, я достаточно богат, чтобы об этом не думать. И ... – он таинственно понизил голос и скользнул взглядом ниже шеи. – ...вы очаровательны. Свежи, как роза. Юны, неопытны и совершенно не испорчены. Знали бы вы, как мне приелись...

– Мне кажется, вы слишком торопитесь, – я вспыхнула от его слов, чувствуя, как сбивается дыхание. Попыталась улизнуть, но Торн поймал меня в ловушку, уперев руки в под-

оконник по обе стороны от моих бедер.

– Не убегайте, Роза. Я не злодей какой-нибудь, принуждать девушку не в моих правилах, – зашептал жарко, наклоняясь все ниже. – Хотя мы с Джеймсом могли бы устроить брак и без вашего согласия...

В этот момент подвыпивший Робби с друзьями, с которыми я столкнулась в лесу, показались мне просто глупыми детьми. Я тряслась как осиновый листок, во рту сделалось сухо – я облизала губы кончиком языка. Этот проклятый запах табака – теперь он будет снится мне...

Я медленно-медленно, словно преодолевая сопротивление, подняла руки и коснулась шероховатой ткани черного сюртука. Торн, должно быть, неправильно истолковал мой жест – он подумал... а кто его знает, что он там подумал?.. Глоуд мазнул губами мне по виску, потому что я успела отклониться, а в следующий миг тишину за окном вспорол душераздирающий вой.

Я, недолго думая, с силой толкнула Торна в грудь и побежала прочь.

Глава 28. Загадочная комната

Выбегая из гостиной, я на мгновение обернулась – Глоуд высунулся в окно по пояс и пытался что-то высмотреть в вечерней мгле. Сердце подскочило до самого горла и, больше не раздумывая, я вылетела за дверь. Каблуки звонко цокали по мраморному полу, мимо пронеслись запертые двери, скудный свет играл со мной в кошки-мышки – рисовал на стенах сотканые из теней длинные ломаные фигуры, которые, казалось, могли в любой момент сорваться и броситься в погоню.

В ушах стоял этот вой. Протяжный, полный боли, злости и безнадежности. И я даже не сомневалась в том, кому он принадлежит.

Глупый милый Волчок. Зачем он опять увязался за экипажем, будто думая, что сможет меня защитить? И что теперь делать? Отвлечь Глоуда, как и в прошлый раз?

Тут по правой стороне коридора из двери вышла служанка в строгом сером платье и горой подушек в руках. Не заметив меня, она проследовала в противоположную сторону, а я на цыпочках прокралась к незапертой двери и, нырнув внутрь, прислонилась к стенке, чтобы перевести дух. Надо срочно обдумать, что делать дальше, ведь теперь мой спонтанный побег казался одной большой глупостью, но я просто растерялась от наглого поведения Торна. Следовало осадить

его прежде, чем он приблизился ко мне, заставить устыдиться своего поведения, но мой мягкий характер, как обычно, подвел. Если бы я была суровой холодной гордячкой, он бы не посмел себя так со мной вести, и Волчок бы не разозлился, увидев нас в окне. А в том, что он непостижимым образом почувствовал, где именно я нахожусь, сомнений почти не осталось.

Лесное волшебство нас связало покрепче веревки.

Кстати, а куда я попала? Бегать по чужому незнакомому дому – не самая лучшая затея, можно попасть в неприятности. Тем более, воспитанные люди так не поступают, а я ведь воспитанная?

Но через несколько долгих-предолгих мгновений, в течение которых робость и любопытство боролись в неравной схватке, последнее, наконец, взяло верх, и я осмотрелась. Чем дальше взгляд скользил по стенам, выхватывая детали из таинственного полумрака, тем тревожней начинало биться сердце. Комната была просторной: стены обиты панелями темного дерева с изображениями танцующих женских фигур, чью наготу прикрывали лишь набедренные повязки. Там, где заканчивались панели, стены были затянуты красной тканью, которая сейчас казалась темно-бордовой, как вино. Под ногами – ковер. Белый. Белоснежный. С рассыпанными по нему увядшими лепестками. Он выглядел таким мягким и пушистым, что захотелось немедленно сбросить туфли и утонуть в длинном ворсе.

Наверное, на нем и полежать приятно...

Подумав об этом, я поняла, как вымотал меня этот длинный день – накануне я почти не спала, ворочаясь с боку на бок и лелея в голове самые разные мысли. И теперь глаза начали как будто смыкаться...

Я силой заставила себя оторваться от стены и заморгала. Не раскисай, Роза! Ты еще даже не все осмотрела. Вот, даже не заметила в самом дальнем углу огромную кровать под тяжелым балдахином. Служанка недавно меняла на ней белье и перетряхивала подушки, поэтому сейчас она была похожа, скорее, на поле боя.

Волна необъяснимого смущения ударила в грудь, и я почувствовала, как начинает гореть кожа. Мне вдруг вспомнился прошлый визит в этот дом, раскрепощенные гости Торна Глоуда, и я явственно представила, чем можно на этой кровати заниматься. И атмосфера комнаты... кхм... Наверное, определенные мысли даже у такой, как я.

Следом внимание привлёк массивный комод красного дерева с натертыми до блеска бронзовыми ручками в виде цветочных бутонов. На нем стояла массивная ваза с увядшими розами – цветы печально склонили головки, утратив свою пышную красоту. И отчего-то на краю сознания пронеслась мысль – а что, если меня ждет их судьба? Я точно так же увяну в золотой клетке, если куплюсь на богатство и обещание роскошной жизни в этом таинственном особняке.

Колючий терновник и роза... Мужчина в черном и де-

вушка в алом. Картина была такой яркой, что я разозлилась и даже зажмурилась на несколько мгновений, а, когда снова открыла глаза, заметила, что служанка оставила один из ящиков комода открытым. Повинуясь преступному любопытству, я на цыпочках приблизилась и заглянула внутрь.

То, что я там увидела, заставило отпрянуть в ужасе...

Внутри ящика лежали самые настоящие кандалы. Железные, с толстыми коваными звеньями – наверняка безумно тяжелые. И очень старые.

Раньше я никогда не видела их вблизи и считала, что даже в королевских тюрьмах ими больше не пользуются. Но зачем они Торну Глоуду?

Я коснулась кончиками пальцев груди и задержала дыхание. Показалось, что меня со всего маху окатили холодной водой, а ноги вмерзли в лед, и я не могу пошевелиться.

А что, если прямо в этой комнате истязают людей? Держат в цепях, морят голодом и бог знает, что еще творят?

Стараясь не дать фантазии окончательно разгуляться, я бесшумно задвинула ящик, больше в него не заглядывая. Надо покинуть эту обманчиво роскошную комнату, пока никто меня не заметил, да уходить подобру-поздорову, пока Глоуд не запер меня здесь, но...

Пока разум прокручивал варианты дальнейшего развития событий, рука уже потянулась к следующему ящику. Легкие болели от того, что я задерживала дыхание, сердце беспокойно колотилось о ребра, и, ругая себя разными нехорошими

словами, я все-таки осмелилась заглянуть внутрь.

Признаться, я ожидала увидеть пыточные инструменты из арсенала заправского палача, поэтому выдохнула с облегчением, когда ничего подобного там не обнаружилось. Вместо этого – ворох кружевной материи, какие-то маленькие кусочки ткани, предназначения которых я не могла угадать, и несколько кокетливых масок, которые обычно надевают на маскарады.

– Мисс?... – тонкий девичий голосок заставил меня вздрогнуть. В дверях стояла молоденькая служанка в белом чепце и щеткой для пыли, таращась на меня огромными от ужаса глазами. – В-вас ищет хоз-зяин.

Опомнившись, я отпрянула от комода и нервно поправила волосы. Откашлялась.

– Я просто заблудилась! – прозвучало, как оправдание. Лишь бы она не подумала, что я копалась в чужих вещах! Впрочем, разве это не так?

– Идемте, мисс. Я вас пров-веду, – девушка еще раз пугливо взглянула на меня, будто я была привидением, и мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ней.

Поначалу терзало желание спросить у служанки, что творится в этом доме, но она выглядела такой запуганной, держалась от каждого шороха, и я не решилась. Мало ли, еще попадет несчастной от Торна из-за моего любопытства.

Она вела меня по коридору, а потом вниз по лестнице, и снова казалось – тени на стенах следят за мной. Да уж, тяже-

ло иметь богатое воображение. Может, друга-волка я тоже себе придумала, как придумала и походы в лес, и события ночи Самайна, и пугающие, но такие реалистичные сновидения? А на самом деле уже давно сошла с ума.

В комнате я выпала из реальности и совсем забыла о времени, будто околдованная. Забыла даже о том, что где-то под окнами мечется в бессильной злости мой дорогой друг, и ему грозит опасность. Единственный способ помочь ему, никак не привлекая внимания – поскорее уехать прочь, а он последует за каретой бесслышной тенью. В том, что Волчок умеет двигаться бесшумно и незаметно я не раз могла убедиться. Словно он был не простым зверем, а порождением магии, духом леса.

Снова встречаться с хозяином поместья мне не хотелось, и, глядя в его глаза, будто бы подернутые дымкой, я для себя решила, что не хочу иметь с ним ничего общего. Дядя Джеймс, поджав губы, мерил меня неодобрительным взглядом, и пальцы его с силой сжимали набалдашник трости, будто он хотел меня как следует стукнуть.

– Розалин, я так переживал, что вы заблудились, – мурлыкнул Глоуд так мягко, словно это не он еще недавно повел себя совершенно недостойно по отношению ко мне. – Право, не стоило так пугаться, я бы сумел защитить вас.

Отлично, он решил повернуть все так, будто я бросилась наутек, испугавшись волчьего воя. Мне хотелось сказать, что это Волчок сумел бы защитить меня от Торна, но здравый

смысл перевесил, и я ограничилась лишь разочарованным взглядом. Покоя не давали мысли о содержимом комода, но не спрашивать же у него напрямую? А он еще и смотрел так, будто видел насквозь, знал, что я успела побывать в той комнате, хотя я не видела, чтобы служанка докладывала ему о том, где именно я находилась и что там делала.

– Друг мой, твои люди до сих пор не поймали эту тварь? – нервно стряхивая пылинки с плаща, поинтересовался дядюшка. Мы уже собирались уходить, но на его лице было написано явное нежелание это делать.

– Пока нет, этот пес или волк поистине неуловим. Но тем интереснее станет охота, – Глоуд усмехнулся, почему-то не сводя с меня взгляда.

– Быть может, это оборотень? – заметила Люсинда, поправляя перед зеркалом игривые кудряшки. – Совсем рядом проклятый лес. Тогда вам понадобятся серебряные пули, мистер Глоуд.

От их холодного циничного тона мне стало дурно. Как спокойно они обсуждают убийство живого существа, моего друга!

Нет уж – я призвала себя к спокойствию – не бывать этому.

– Вы можете остаться ночевать здесь, чтобы не рисковать и не ехать в ночь, – Торн любезно держал мой плащ на сгибе локтя, желая помочь мне одеться, в то время, как дворецкий набрасывал пальто с меховой опушкой на плечи Люсинды.

Но после этих слов показалось – он не желает отдавать волшебную вещь.

– Вы очень любезны, мистер Глоуд, но меня дома ждет бабушка, – ответила я поспешно и полностью проигнорировав злой взгляд дяди, протянула руку за плащом. – Мы никак не можем остаться.

Люсинда прошла мимо дядюшки, даже не обернувшись, и небрежно бросила:

– Более того, молодым девушкам неприлично оставаться на ночь в чужих домах, только если это не дом родственника, не так ли?

Я была готова расцеловать женщину в обе щеки за то, что та встала на мою сторону, в то время, как дядя Джеймс сверлил ее недовольным взглядом. Даже если они поссорились, и сказано это было ему на зло, все равно спасибо ей большое. Потому что я не была уверена, что смогу сопротивляться в одиночку – правила приличия здесь особо никого не волновали, и мне не терпелось покинуть этот дом. И Волчка за собой увести, пока этот безрассудный зверь не натворил глупостей. Он еще на меня сердился за то, что просила отвести к Сердцу Леса, а сам ничуть не лучше!

– Как скажете, дорогая Розалин. Как скажете... – Торн Глоуд опустил мне на плечи плащ, как будто невзначай коснувшись пальцем кожи на шее, и в глазах его плясало дьявольское пламя.

На обратном пути я несколько раз выглядывала в окно, чтобы удостовериться – большая серая тень, сверкая зелеными глазами, скользнула следом за каретой, а потом исчезла, растворилась в шумящей громадине леса. И будто убрали камень, давящий на грудную клетку – я решила, что завтра непременно надо навестить друга и устроить ему взбучку, чтобы больше не смел меня так пугать.

– Розы, ты должна улыбаться Глоуду, потому что твое кислое и высокомерное лицо вызывает только одно желание – дать тебе хорошую затрещину, – дядя похрустел пальцами, словно хотел осуществить сказанное.

– Я не выйду за него, – как можно равнодушной отозвалась я, хотя внутри все тряслось от мысли – я перечу человеку, в чьих руках находится мое будущее и будущее моей бабушки.

Его холеное лицо исказила презрительная усмешка:

– Ну-ну, курица тоже махала крыльями, когда ее готовили на суп. Помогло ли это ей? – он наставительно поднял указательный палец. – Нет, не думаю.

Дядюшка замолчал и больше не говорил со мной. Не разговаривала со мной и Люсинда, даже не смотрела в мою сторону, только недовольно ворчала, когда дядя Джеймс принимался возиться и задевал ее локтем. А он, в свою очередь, шипел что-то нелicenseприятное о глупых птицах. Между ними пролегла трещина – это было видно даже слепцу, но найти этому объяснение я не могла. С чего ей перечить дядюш-

ке, ведь до этого казалась такой влюбленной, буквально в рот заглядывала? Наверное, дядя Джеймс довел ее своими похождениями, и бурлящая внутри женщины, как внутри котла, ревность, наконец сорвала крышку.

А еще я чувствовала ее взгляд, каждый раз отворачиваясь к окну. Она наверняка знает о Торне Глоуде куда больше, чем я, знает, как он разбогател, и для чего предназначена эта таинственная комната. Ведь если в ней истязают людей, стоит сообщить об этом в городское управление. Только отчего-то казалось, что Люсинда не станет со мной откровенничать.

Я настолько погрузилась в свои мысли, что не заметила воцарившейся в экипаже тишины – мерное покачивание усыпило дядю, и он дремал, откинув голову и приоткрыв рот. Его горло с торчащим кадыком белело в полутьме и казалось странно беззащитным.

– Люси... – позвала я тихонько, и женщина оторвалась от созерцания своих сложенных на коленях рук. – Торн Глоуд – нехороший человек, да? – Я задавала вопросы скороговоркой, не давая себе шанса передумать. – Ты хорошо его знаешь? Он... – в горле вдруг стало сухо, и я сглотнула. –... он мучает людей?

Она смотрела на меня несколько мгновений, не мигая, а потом вдруг прикрыла рот ладонью и сдавленно рассмеялась, но глаза ее, темные и влажные, как два озера, оставались холодными.

– Мучает людей? – шепотом повторила она. – С чего ты взяла?

Я мгновенно смутилась.

– Ну... Я кое-что видела.

– Он делает с людьми не больше того, чего они сами желают. А вообще, мой тебе совет – не суй свой хорошенький носик не в свои дела, если не хочешь нажить себе неприятностей.

На этом она замолчала и уставилась в сторону, демонстрируя желая скорей покончить с этой темой. Но интерес во мне не угас, наоборот, начал разгораться с новой силой – что не так с Торном Глоудом? Всю оставшуюся дорогу я думала о нем, вспоминая его взгляд, прикосновение к шее чуть пониже затылка и запах сладкого табака.

А ночью мне приснился Торнвуд, освещенный лишь мертвым светом убывающей луны, и заросший буйным терновником сад. Снилось, как я перебираю вещи в старом комоде, и куски ткани оказываются рубашками, но такими маленькими, что даже я со своей природной худобой не смогла бы их натянуть. Будто их шили на совсем молоденькую девушку.

А потом я брела по бесконечным коридорам в платье из алого бархата, и на ноги мои были надеты кандалы, а губы густо накрашены алой помадой, как у падшей женщины – свое отражение я видела в расколотых зеркалах.

В этом сне я встретила Глоуда. У него были равнодушные глаза человека, который больше ничего не хочет от жизни.

Пустые. Выгоревшие. И грубые руки с длинными ногтями. Я вырывалась, а он с настойчивостью дикого зверя пытался меня поймать, и когти, как остро заточенные крючья, оставляли кровоточащие царапины, рвали алую ткань на клоки. Те сползали как лоскуты кожи, обнажая мышцы и сухожилия, оставляя совершенно нагой и беззащитной.

Я не слышала своего крика, бежала без оглядки, оставляя отпечатки крови на стывших камнях. Прорывалась сквозь заросли терна, и те оплетали мне ноги, целили шипами в глаза...

А потом, когда смерть от ран, казалось, была неизбежной, я упала в руки молодому мужчине, который подозрительно напоминал принца Эрика из моего сна. У него были зеленые глаза и сильные надежные руки.

– Все будет хорошо, Роза. Только не бойся, – сказал он мне на ухо, а потом я проснулась.

Глава 29. Тревога

Проснулась я рано и, движимая каким-то беспокойным чувством, спустилась в библиотеку. Села за стол у окна, разложив перед собой принадлежности для письма – тусклое зимнее утро поприветствовало меня морозным дыханием на стекле, над полом потянуло сквозняком. Завернувшись в бабушкину вязаную шаль, я поджала под себя ноги и удобнее устроилась в кресле.

Писать я умела с детства, хоть девочкам и не обязательно было учиться этому делу. Более того, на женщин, которые кичились своими знаниями или читали что-то кроме романов о любви, смотрели с подозрением, мол, с ней точно все в порядке? Может, она больна и ее никто не берет замуж? Или просто слишком глупа для того, чтобы быть хорошей хозяйкой, которая и шить умеет и танцевать, и музицировать, вот и занимается всякой ерундой?

Я тщательно выписала в столбики все, что удалось узнать о таинственном лесе, о Волчке, о Глоуде, что я почерпнула из своих сновидений, а потом долго размышляла, перегруппировывала, зачеркивала строчки. Так было легче понять и осмыслить происходящее, но все равно не хватало кого-то более сведущего, чем я.

Время пролетело незаметно, после завтрака я, переделав домашние дела, сложила в корзинку наше с бабушкой руко-

делие, чтобы после заглянуть с ним на рынок, чмокнула старушку в щеку и побежала в лес.

Конечно, я не сказала ей о том, что собираюсь проверить кое-какую мысль – бедная моя бабуля за сердце бы схватилась. Поэтому времени было не так много – не хотелось оставлять ее одну надолго и заставлять волноваться.

– Волчок! – позвала я негромко и плотнее запахнула полы плаща. – Дружище, где ты?

Странное чувство одолевало меня – будто лес стал неприступней. Насупился, притих настороженно, ожидая подвоха. Хруст снега под ногами звучал слишком громко в этой напряженной тишине и казалось, что если бы на мне не было волшебного плаща, лес и его чудовища набросились бы на меня. И от этого вдвойне обидно – я ведь помочь хочу.

– Где ты? Не хочешь поздороваться? – я старалась говорить спокойно, но в голосе вопреки всему зазвенели нотки обиды.

Снежная шапка сорвалась с разлапистой еловой ветки, когда я случайно зацепила ее, и снег рухнул мне на голову, а в следующий миг я подвернула ногу и захромала.

Нет, так дело не пойдет. Сегодня явно не мой день. И все же не хотелось уходить несолоно хлебавши. Я прождала так долго, как только могла – он так и не явился. Конечно, мой друг мог быть занят своими волчьими делами, но в груди неприятно кольнуло, словно меня... бросили.

Метнув последний взгляд туда, где переплетались заин-

девелые стволы и торчали обломанные верхушки сосен, и побрела к опушке. Голова была полна мыслей, и от невозможности выговориться меня буквально разрывало на части. Так я и прошла бы дальше, если бы внимание не привлекли цепочки человеческих следов – крупных, как если бы здесь топталось несколько взрослых мужчин.

Охотники? – мелькнула догадка, и почти сразу, повернувшись, я заметила в отдалении рослые фигуры с ружьями наперевес. Они шагали в сторону города.

Холод прошиб меня с головы до ног, растекаясь под кожей ледяной водой.

Они ведь не могли ничего сделать с моим Волчком?

Я стояла, и ноги мои будто вросли в землю, как корни дерева – не сдвинуться. Сама не знаю, сколько прошло времени, прежде, чем клешни страха начали отпускать, и я шумно выдохнула. Снова осмотрела все следы – они бродила по опушке, не заходя далеко. Наверное, сомневались, раздумывали, трусили заходить в самое сердце проклятого леса, в котором живет огромное чудовище. Наверняка волка кто-то видел! Да и Торн Глоуд не смог бы отказаться от такой занимательной охоты.

При мыслях об этом человеке пальцы сами сжались в кулаки, но я велела себе успокоиться. Мой друг недаром не вышел сегодня – он знал, что ему грозит опасность, поэтому затаился. И мне тоже стоит быть аккуратней – не ровен час, пойдут совсем ненужные мне расспросы.

Я крепче вцепилась в ручку корзинки и попыталась дышать ровно и спокойно. Шагая обратно в город, я убедилась в том, что все нормально.

Почти.

Потому что в душе успело поселиться нехорошее, тревожное чувство.

***

В нашем городке рынок был тем местом, где можно было купить не только самую свежую пищу на стол, но и узнать самые свежие сплетни. В тот день я, пробиваясь через торговый ряд, на минутку остановилась отдышаться, как вдруг услышала то, от чего сердце ухнуло вниз с огромной высоты и разлетелось на осколки. Я застыла, как вкопанная, не в силах не только пошевелиться, но и сделать вдох.

Женщины у сырной лавки переговаривались так громко, что их невозможно было не услышать. Они причитали, ахали и охали, то всплескивая руками, то прижимая их ко рту, и были похожи на стаю говорливых сорок.

– Милочки, вы слышали, огромный волк бродит по окрестностям?

– Ой, да внука нашего управляющего едва не задрал, скотина серая! Робби, говорят, после ночи Самайна вернулся домой с шалыми глазами, нес что-то бессвязное, потом долго валялся в лихорадке. С тех пор вот умом тронулся...

– Да этот малый пьяница, каких поискать! – махнула рукой дородная тетушка, что торговала колбасой. – Глаза за-

лил, вот и померещилось.

– Нет-нет, он уже не первый. Охотники видели на опушке и в ивняке волчьи следы. Огромные такие! – ее собеседница развела руками, будто желая показать ступню великана. – Капканы на него будут ставить, да ловушки всякие.

Капканы на моего Волчка? Осознание страшной опасности обрушилось и придавило своей тяжестью. Наверное, у меня с лица сошла вся краска – я пошатнулась, но устояла на ногах. А женщины, тем временем, продолжали:

– Скорее бы поймали эту тварь и шкуру спустили... Эй, а ты что тут стоишь? – женщина уставилась на меня, и взгляд ее сделался хмурым и неприветливым. – Интересное что услышала? И про тебя говорят всякое...

– И что же про меня говорят? – ее нелюбезный настрой передался мне и придавал безрассудной отваги – я сделала шаг вперед. Пальцы начали дрожать, поэтому я как можно крепче вцепилась в ручку корзины.

– Видели, что ты в проклятый лес шастаешь, волчьей подружкой называют. Да и Робби в лихорадке бредил, что видел тебя в ночь Самайна верхом на огромном волке...

– Голую и с глазами, горящими, как уголья! – подхватила ее товарка, ткнув в мою сторону пальцем.

Люди начали останавливаться, услышав интересный разговор. Кому-то он казался забавным – я услышала сдавленное хихиканье за спиной. По мне скользили десятки любопытных взглядов, осматривая, ощупывая, оценивая. Я нико-

гда не любила быть в центре внимания, и ужасно захотелось скрыться от этих глаз, да хоть сквозь землю провалиться!

– Какая глупость... – я развернулась, чтобы уйти – горожане расступились, пропуская меня.

Было обидно и стыдно, а горло перехватило от страха и желания позорно разрыдаться. Женщины еще что-то говорили, бросали нелестные замечания мне в след, но я могла думать лишь о том, что Робби проговорился, и на моего волка хотят поставить ловушки.

Что же теперь делать, кто мне подскажет?

***

С каждым днем мне становилось все хуже. Человеческое, что еще оставалось во мне, отмирало все быстрее и быстрее, и я порой не понимал, почему до сих продолжаю бороться? Почему не могу позволить зверю полностью захватить мой разум, проникнуть в каждый его уголок? Я останавливался посреди леса и мучительно думал, вспоминал, как я здесь оказался, куда спешил, увязая глубоко в снегу. А потом осознание пробирало морозом до самых костей, до кончика заиндевшего хвоста, и я выл, вскинув морду к небу.

В один из таких вечеров я почувствовал непреодолимое желание кинуться, очертя голову, прочь из леса. К дороге, к людям – хоть это и было опасно. Меня влекло к старому поместью, где я однажды уже был. Самый дальний уголок сада зарос так, что ограду скрывали заснеженные ветки, изнутри не было видно отогнутого прута, и я протиснулся в дыру.

Как призрак, стал красться, ведомый остро-тревожным чувством. Казалось, что статуи дев, ужасных и прекрасных в своей наготе, следили за мной незрячими глазами, а каменные сатиры корчили страшные рожи мне в след. Но я шел, скользил, прокладывая дорожку из следов под окнами, и чуткий волчий слух безошибочно вел туда, откуда доносились звуки смутно знакомой мелодии. Да, я слышал ее когда-то в прошлой жизни, когда спал не на мерзлой земле, а на шелковых простынях.

Шестое чувство кричало – она здесь. Снова здесь, рядом с тем ужасным человеком, накрепко пропахшем грехами и подлостью. В тот осенний вечер, когда она взяла его под руку и ушла прочь, слегка склонив голову в обрамлении каштановых кудрей, я остро почувствовал свою беспомощность. Ущербность. Хотя в той, другой жизни, эти чувства были мне незнакомы. Я мог выскочить из своего укрытия, одним мощным прыжком повалить этого человека на землю и, пока его прихвостни не успели опомниться, перегрызть ему хребет. Голодный и жестокий зверь внутри меня требовал сделать это, сделать немедленно, и меня остановило лишь присутствие Розы. Я боялся напугать ее.

И сейчас, слыша, как стихают последние аккорды, как звучат приглушенные голоса, видя ее силуэт в провале окна и то, как этот отвратительный человек тянется к ней, я сошел с ума. Боль остро заточенным кинжалом вспорола грудную клетку, и я бы закричал, но из горла вырвался пронзитель-

ный вой. Звезды посыпались мне на голову, но, опомнившись, я увидел – это всего лишь огни новогодних гирлянд.

Они снова хотели убить меня, наивные глупцы. Я умел прятаться, умел петлять и замечать следы, и этим неповоротливым созданиям с ружьями ни за что меня не поймать. Волчья сущность требовала насытиться кровью, почувствовать, как хрустят позвонки и рвутся слабые жилы, и лишь чудовищным усилием воли я заставил себя перетерпеть. Ради нее. Она верит в меня, и я не должен ее разочаровать, превратившись в озлобленное чудовище.

И сейчас я в который раз напоминал себе, что ради нее я должен совладать с волком внутри себя. Твердил себе это каждый день, но волчья шкура неумолимо вращалась в самую мою суть.

Я обещал себе не приближаться к ней. Не смотреть на ее дом издали, не пытаться заглянуть в окна, не бегать в поместье того человека, когда она там. Я боялся однажды не удержаться и совершить непоправимую ошибку. Воскрешал в памяти слова проклятья, гнал от себя искушающие мысли и картины.

Проклятье можно снять лишь кровью...

Если найдется человек...

И в этот день я снова боролся с искушением подойти и потереться о ее ноги, как домашний кот, выпрашивающий миску молока.

Но не мог. Не хотел больше подвергать ее опасности. Не

хотел чувствовать ее присутствие, которое оживляло в душе самые трепетные воспоминания.

Я слышал ее зов, но не вышел на него. Я не мог ее прогнать, но мог прикинуться, будто меня нет. И только глазком, только одним глазком наблюдать, как мелькает за деревьями ее алый плащ.

Она не единственная гостья проклятого леса. Сегодня утром здесь были охотники. Я понимал, что они пришли за мной, но вот досада – страх не дал им войти поглубже в лес. О, страх имеет совершенно особенный запах, тот, что заставляет зверя терять голову и преследовать добычу до самого конца. Даже если кто-то из них успеет вскинуть ружье и пробить мне сердце, я, наверное, испытаю лишь облегчение.

А пока остается лишь терпеть, отсчитывая безрадостные дни. Дни, пока я еще способен думать и чувствовать.

Но зверь все набирает силу. Боюсь, что однажды я не смогу сдержаться.

Глава 30. Дурные настроения

За прошлую неделю я еще несколько раз сбегала в лес, но безрезультатно – Волчок пропал. Усидеть на месте, под крышей нашего безопасного дома было слишком тяжело – страх и тревога разливались под кожей, и я то и дело вздрагивала. Думая о моем друге, представляла, что где-то там ему готовят ловушки, и хотела предупредить его, сделать хоть что-то, чтобы не чувствовать себя бессильной.

Бесполезной.

А еще жизненно важным казалось спросить у него одну вещь. Может глупую, безрассудную, но она будто занозой застряла у меня в мыслях, не желая покидать их.

После того случая на рынке мне казалось, что горожане стали косо на меня поглядывать и стараются перейти на другую сторону улицы – слухи у нас расползались быстро. А вчера стайка мальчишек закидала меня снежками с криками: "Волчья невеста! Волчья невеста!"

И то, как быстро сплетни дойдут до бабушки – лишь вопрос времени. Меня совершенно не беспокоило, что подумает об этом дядя Джеймс или Торн Глоуд, но бабуля – совсем другое дело. Иногда я порывалась рассказать ей все-все, как было когда-то в детстве. Я могла положить голову ей на колени и под убаюкивающий треск дров в камине делиться девичьими переживаниями, в то время, как она гладила меня

по волосам и приговаривала:

"Ничего-ничего, детка. Все обязательно будет хорошо".

Мне остро не хватало таких моментов, но умом я понимала, что теперь не она должна заботиться обо мне, а я о ней. И я старалась, правда, старалась, всеми силами избегая разговоров о своем будущем.

И когда я накрывала на стол незамысловатый обед для нас с бабулей, в дом буквально ворвалась миссис Беркинс – без головного убора, запыхавшаяся и раскрасневшаяся с мороза. Я встретила ее у дверей, уже почти не сомневаясь, какие вести она принесет.

– Розы, детка... – начала она громогласно, но я приложила палец к губам, и та зашептала: -... что за глупости про тебя болтают? Говорят, ты бегаешь в проклятый лес и с волками якшаешься, – уголки ее пухлых губ съехали вниз, а подбородок затрясся. Она выглядела донельзя потерянной и расстроенной. – Я не верю этим глупым сплетникам, ты не думай, – она коснулась моего локтя, а я стояла неподвижно, как изваяние, таращась на нее бессмысленным взглядом.

Воздуха не хватало, а к глазам вдруг подкатила влага – мне стоило огромных усилий загнать ее обратно, чтобы не расплакаться прямо здесь.

– Проходите, миссис Беркинс. Отобедайте с нами, – отмерев, я посторонилась, пропуская ее. Голос мой сел, и я не узнавала его. Эти новости стали последней капле в чаше моего и без того хилого самообладания. Вот-вот плеснет через

край.

– Ты только не расстраивайся, ладно? – добрая женщина заглянула мне в глаза и ободряюще погладила по плечу. – Это ведь дурачок Робби начал слухи распускать, все знают, что у него не язык, а помело, – на последних словах она скривилась, будто съела что-то кислое.

Ах, миссис Беркинс, если бы вы только знали!

– И ведь кого выбрал-то, негодник! Самую честную и безобидную девочку, – шипела она гневно, на ходу разматывая колючий шарф.

– Давайте не будем об этом, прошу, – взмолилась я. – Не хочу, чтобы бабулю тревожили эти сплетни. Вы же знаете, как близко к сердцу она воспринимает все, связанное со мной.

Проходя мимо окна, я бросила взгляд на занесенный сад, и на мгновение замерла. Накренившись под тяжестью снега, ветка старой вишни почти касалась земли – на ней сидела ворона, таращась в мою сторону черными глазами-бусинками. Она несколько раз отрывисто и хрипло каркнула, и мне показалось, что это прозвучало как обвинение.

"Лгунья! Лгунья!"

Да, Розы. Ты совсем завралась.

Миссис Беркинс сдержала обещание и не стала рассказывать бабушке о слухах, которыми полнился город. Но каждый раз, слыша шум за окном или чей-то громкий крик,

я тревожно замирала и поводила плечами, будто стряхивая набежавшие мурашки. Будто ждала, что вот-вот к нам начнут ломиться бородатые мужики с бешено горящими глазами или женщины наподобие тех, с которыми я столкнулась на рынке, чтобы наказать "волчью невесту". Народ у нас был суеверный, и я всерьез боялась, что могу получить не только снежков за пазуху, но и кое-что похуже. Может, я слишком сильно накручивала себя, но желание выходить на улицу пропало совсем.

Иной раз, замирая и возвращаясь мыслями в ночь Самайна, я невольно думала о том, что было бы, если бы я позволила Волчку закусить Робби и его пьяными друзьями? И ужасалась собственным мыслям. Неужели в глубине моей души есть место этой жестокости? Как будто в ту ночь меня коснулось дыхание Запретного Мира, отравив своей злобой.

И волк... Что с ним? Увижу ли я его еще когда-нибудь? Если мой друг решил больше никогда не попадаться мне на глаза, придется спасать Сердце Леса самой. Дорогу я помню... примерно. И даже плакать не буду. Если только совсем чуть-чуть.

– Деточка, ты плачешь?

Должно быть, бабуля услышала мои всхлипы. Она стояла в дверях, сжимая в руке палочку и глядя в мою сторону бледно-голубыми незрячими глазами.

– Нет, бабуль, тебе показалось, – я взяла ее под руку и поцеловала в щеку. За прошедшие годы она уменьшилась в ро-

сте и превратилась в очаровательную миниатюрную старушку, хрупкую, как статуэтка.

Она цокнула и покачала головой.

– Я ведь чувствую, с тобой что-то происходит, милая. Но ты не хочешь со мной делиться, и мне от этого больно.

– Мне просто иногда бывает грустно, ба. Только и всего.

Я врала так самозабвенно, что сама едва в это не поверила. Прости меня, милая бабушка, когда-нибудь я смогу рассказать тебе всю правду. Когда-нибудь, но не сейчас.

– Я надеюсь, что, если у тебя случится что-то по-настоящему плохое... – она сжала мою кисть пальцами и посмотрела – будто в душу проникла, –... ты обязательно мне сообщишь. Не очень-то приятно чувствовать себя бесполезной для собственной внучки.

– Ну что ты, родная, ты вовсе не бесполезная, – душа заныла, будто кто-то разворошил ее грубой рукой. – Я люблю тебя, ба. Так сильно люблю, что хочу защитить от всего на свете.

Бабуля просияла, и эта ее улыбка, потерявшаяся в уголках выцветших губ, показалась мне ярче солнца.

– А давай выйдем на крыльцо? Ветер стих, и солнце выглянуло, – предложила я.

– Отличная идея, Розы. Нам обеим не помешает подышать воздухом.

На крыльце, входящем в сад, стояла старая дубовая скамейка, которую я застрелила толстым покрывалом. И только

мы сели рядом друг с другом, чтобы насладиться этим светлым и тихим днем, как я услышала скрежет ворот.

По дорожке к дому деловито шагал дядя Джеймс – самоуверенный и надутый, как павлин. За ним следовал незнакомый низенький человек в плаще с бобровой опушкой и таким большим животом, что полы плаща на нем не сходились.

Я медленно поднялась со скамьи, сжимая холодные пальцы в кулаки и уже зная, что ничего хорошего этот визит не принесет.

Глава 31. Без чести и совести

– Этому дому требуется капитальный ремонт, – визитер, которого я мысленно окрестила Кротом за его внешний вид, с хозяйским видом разгуливал по нашим комнатам, щурясь в пенсне и пытаясь произвести впечатление делового и серьезного человека. Тягучий акцент выдавал в нем жителя северных провинций, недавнего переселенца – в последнее время многие начали покидать холодные негостеприимные края. – Мне придется хорошо вложиться еще и в это.

– Уверяю вас, этот дом стоял больше ста лет и простоит еще столько же, – дядя разливался соловьем, давая угодливую улыбку и нетерпеливо закатывая глаза к потолку, стоило тому отвернуться.

Когда эти двое совершенно бесцеремонно вошли домой и принялись тут все осматривать, пачкая недавно вытертые полы талым снегом со своих сапог, мне пришлось буквально оттащить дядю в угол комнаты и, задыхаясь от возмущения, сказать, что я не хочу продавать этот дом, на что дядюшка с поразительно самоуверенностью ответил:

– Тебе он без надобности, дорогуша. Все равно скоро ты выйдешь замуж и вместе с бабулей уедешь жить к мужу.

Земля начала уплывать из-под ног, и я на несколько мгновений задохнулась словами, которые словно застряли в горле.

– Я не выйду...

– Слышать ничего не желаю, – он оборвал меня взмахом руки. Заткнул, как будто я была назойливой мошкой. – О свадьбе уже условились.

– Как?.. – выдохнула только, а пальцы сжались так крепко, что короткие ногти вонзились в ладони до боли. Но дядя Джеймс уже вернулся к гостю, а я осталась стоять, как столб, и смотреть в пространство перед собой.

Старые напольные часы, которые видели еще детство моей мамы, тикали слишком громко. Оглушительно. Будто отсчитывая последние мгновения моей свободной жизни. На лестнице звучали шаги и медлительные, даже немного ленивые, вопросы Крота и жизнерадостное щебетанье дяди. Я представляла, что сейчас они направятся осматривать мою комнату – там стоит моя кровать с расшитым мной покрывалом, мое кресло, на котором я, укрывшись теплым пледом, любила читать книги. Там на полке в выцветших от времени платьях расселись мои детские куклы. А эти двое будут топтаться там своими грязными ногами и рассуждать, сколько будет стоить выкинуть на улицу несчастную сироту и ее старую беспомощную бабушку. Вариант, что мне придется все-таки выйти за этого отвратительного Глоуда, я даже не рассматривала.

В реальность меня вернул стук палочки в коридоре – я бросилась бабушке навстречу. Я специально усадила ее в кухне, чтобы ей не приходилось слушать эти отвратительные

разговоры, но она сразу догадалась, зачем прибыли дядя и Крот.

– Розы, дорогая, они уже ушли? – на обычно умиротворенном лице бабули читалась тревога, и с болью я отметила, что рука, сжимающая палочку, дрожит. Она едва держалась на ногах.

– Нет, они еще здесь, – я подхватила ее под локоть и помогла сесть в кресло. Меня раздирала на части злость на дядю Джеймса, но я старалась говорить спокойно. Только вот бабушка чувствовала мое состояние.

– Я хочу с ним поговорить. Я не ожидала, что Джеймс решит продать дом так внезапно.

– Не нужно, ба... – я видела, как решительно она сжимает губы и хмурит брови. – Он может наговорить тебе гадостей. Я сама с ним разберусь.

Бабуля покачала головой и пожала мне руку своей теплой сухой ладонью, желая ободрить.

– Ты еще совсем девочка, он не воспримет твои слова всерьез. Но к старости ведь у него должно быть уважение? Я просто хочу узнать, что он планирует дальше.

Я совсем скисла и отвернулась, чтобы не смотреть бабуле в лицо. Нет у дядюшки ни к кому уважения, он любит и лелеет только себя самого. Да и не хотелось мне, чтобы он озвучивал план выдать меня за Глоуда при бабушке.

– Просто передай ему, чтобы зашел ко мне перед уходом. Я что-то пробубнила себе под нос и, услышав шаги и при-

ближающиеся голоса, вылетела из комнаты, оставив бабулю в кресле. Дядя с Кротом были уже возле дверей, причем первый светился, как начищенный медный таз, а второй вальяжно поправлял меховую опушку. Как по команде они повернулись в мою сторону – брови визитера взлетели вверх, и он скользнул по мне взглядом сверху вниз, а потом снизу вверх. Наверное, я выглядела не так, как приличествует юной девушке – вместо глазок в пол и смущенной улыбки на моем лице застыло выражение, с которым, должно быть, люди идут драться. Я так нервничала, что прикусила внутреннюю поверхность губы, и рот наполнил соленый вкус крови.

– Это и есть ваша племянница? – поинтересовался Крот у дяди Джеймса.

– Не обращайтесь внимания, уважаемый. Она немного диковата, – с этими словами он посмотрел на меня, вытаращив глаза и намекая, чтобы я убиралась.

– Я не позволю продать этот дом, – четко, но твердо произнесла я, глядя то на одного, то на второго, и стараясь, чтобы голос не дребезжал от раздражения и злости. – Моя бабушка заслужила спокойную старость, и я не позволю выгнать ее на улицу.

Лицо дяди побагровело, как будто он вдруг оказался в нагретой бане, а челюсть Крота отвисла. Он растерянно поглядел на дядю, потом на меня, потом снова на дядю.

– Э-э... я лучше пойду, а вы тут сами разбирайтесь, – он торопливо кивнул и, отеснив родственника массивным жи-

вотом, выкатился на улицу.

– Я скоро закончу, и тогда мы сможем обсудить детали! – медовым голосом пропел ему вслед дядя, а после повернулся ко мне с перекошенным от злости лицом. – Ты что, решила мне сделку сорвать? – прошипел змеей, которую ухватили за хвост.

– Я не верю, что вы собираетесь так со мной поступить, – упавшим голосом произнесла я, наступая на него. Вы же мой дядя!

Он, закатил глаза и, демонстративно схватившись руками за голову, простонал.

– Вот именно, я твой любящий дядюшка Джеймс, который заботится о несчастной сиротке и ее бабушке, а ты этого не ценишь, глупая Роза...

– Вы заботитесь только о себе и о деньгах, – перебила я.

Наверное, со стороны могло показаться, что мое лицо стало по-настоящему страшным от гнева, а кожа на щеках пульсировала, наливаясь багрянцем. Я ненавидела своего родственника за его лицемерие, жадность, эгоизм.

Дядя немного растерялся от моего напора, невольно шагнув назад. А мне захотелось занести руку и отхлестать его по щекам. Я бы, наверное, так и сделала, если бы за спиной не послышался стук палочки – бабушка не вытерпела и отправилась за мной.

– Джеймс? – послышался ее взволнованный голос. – Что здесь происходит?

– Совершенно ничего интересного, бабуль, – он нервно поправил кружева под горлом, чуть не оторвав их, а потом подхватил трость. – Я делаю то, что должен был сделать уже давно – пытаюсь продать этот ветхий домишко, потому что через несколько лет он развалится окончательно и не будет иметь никакой ценности.

– Джеймс, я не считаю это хорошей идеей, – если она и была уязвлена грубым тоном дяди, то никак этого не показала. – Этот дом должен стать приданым для Розы...

– Именно! Вот именно, деньги с продажи дома и станут приданым для вашей разлюбленной внученьки, ибо очень скоро она выходит замуж.

Я метнула испуганный взгляд на бабушку – та немного побледнела, но не растерялась.

– Джеймс, памятуя о том, как нерационально ты распоряжаешься деньгами, как ты потерял доверенное тебе имущество...

– Не забывайтесь, бабуля, – оборвал дядя, раздраженно застегивая пуговицы пальто. Он был до невозможности горд и сразу начинал злиться, стоило намекнуть о его неудачах. – Этот дом вам никогда не принадлежал. Вы здесь просто приживалка. Скажите спасибо, что я позволил вам жить с любимой внучкой в доме моих родителей, а не отправил коротать свой век в дом престарелых.

Каждое слово камнем падало на меня, придавливая в земле, не давая вздохнуть. Я видела, как вытянулось бабушки-

но лицо – она не ожидала этих злых мерзких слов от мальчишки, которого знала с детства. Мы обе будто бы онемели, и, пользуясь нашим ступором, он вылетел наружу, громко хлопнув дверью.

Сердце болело за бабушку, на нее, униженную и раздавленную, с поникшими плечами и опущенными уголками губ, страшно было смотреть. Я втянула воздух сквозь сжатые зубы и стиснула пальцы в кулаки.

Да кто он такой, что позволяет себе так отвратительно себя вести!?

Как можно быть таким бесчувственным негодяем?

Больше не раздумывая ни секунды, я бросилась следом прямо в тонком платье и домашних туфлях – за порогом провалилась в снег по щиколотки, а ветер опалил шею морозным дыханием.

– Стойте!

Дядя Джеймс еще не успел выйти за калитку, зато Крота и след простыл.

– Чего тебе? – грубо буркнул он, а я, забыв о том, что я всего лишь скромная забитая девчонка и, не давая себе ни шанса передумать, размахнулась и со всей силы залепила дяде пощечину.

Звон резанул по ушам, а ладонь будто бы огнем опалило. Голова его мотнулась в сторону – на аристократически бледной коже мгновенно расцвел отпечаток моей пятерни. Охнув, дядя схватился за лицо, которое перекосилось от боли.

Ярость клокотала во мне, выжигая остатки здравого смысла, поэтому я молниеносно занесла другую руку и наградила родственника второй пощечиной. Для симметрии.

Два алых клейма у него на лице и тяжелое, душное удовлетворение у меня на душе.

– Дрянь!.. – он вцепился мне в плечи пальцами-клешнями и стиснул так, что я застонала. Встряхнул, как куклу.

Ноздри дяди трепетали от гневного дыхания, губы побелели, а глаза... в них плескалась самая настоящая ярость. На какое-то мгновения я подумала, что он сейчас ударит меня, даже непроизвольно втянула голову в плечи.

– Ненавижу вас, – произнесла на выдохе, но он прекрасно расслышал.

Боролся с собой несколько долгих-предолгих мгновений, а потом разжал хватку, одновременно отталкивая от себя так, что я едва удержалась на ногах.

– Твоя свадьба состоится в первый день Нового Года, – сказал, как выплюнул. – К этому времени я продам дом, поэтому позаботься собрать свое барахло заранее, Роза. И помни, что ты никому, кроме меня, не нужна, поэтому не вздумай выкинуть какой-нибудь фортель.

Потом развернулся и зашагал вон, оставив меня позади дрожать от холода и собственного бессилия. Я обняла себя за плечи и прикусила губу, чтобы позорно не разрыдаться.

Сколько еще это будет продолжаться? Может, пора смириться и принять свою судьбу, не пытаться сопротивляться

– ведь больше будет.

Я подняла взгляд на окна нашего дома – серые, мрачные. Перед глазами все расплывалось, и я украдкой промокнула их рукавом.

Меня прохватил озноб, и только сейчас я поняла, что стою в совершенно промокших туфельках. Наш сад был укрыт пушистыми сугробами, но я не замечала этой белоснежной красоты. Скоро кто-то другой завладеет этим домом, может, тот же Крот, и уничтожит то, что стало мне дорого.

Может быть, поехать к Торну Глоуду и поговорить с ним – мелькнула мысль. Убедить, что жениться на мне не нужно.

Я усмехнулась. Как глупо и наивно. И если я заявлюсь в Торнвуд, то... у меня было такое чувство, что тогда я останусь там навечно и больше не увижу света. Попаду в ловушку без выхода.

Нет, нужно что-то другое...

Я повернулась лицом к лесу, и смогла разглядеть темнеющие верхушки деревьев – небо над ними висело низко, тучи касались их своими рыхлыми животами.

Новогодье. Мой последний шанс.

Глава 32. Бабушкина мудрость

– Может, наконец-то посвятишь старушку в свои секреты?

Бабушка будто бы уже оправилась после грубых слов дяди Джеймса – подбородок гордо поднят, плечи развернуты, даже морщины, казалось, разгладились. Она смотрела на меня незрячими глазами, и в глубине их теплилась такая мудрость, такое искреннее желание помочь, что я расклеилась окончательно. Я так устала от своих секретов, от вранья, от попыток противостоять всему миру в одиночку, что готова была вцепиться в ее надежную знакомую с детства руку, как утопающий цепляется за соломинку, прежде, чем его утащит бурным потоком.

Я никогда не была сильной. Моя воля не была крепкой, как гранит, я не умела руководить и управлять, я всегда была слабой и ведомой. И я сама не заметила, в какой момент начала говорить.

Мы сидели бок о бок на старом диване в гостиной, бабуля сжимала моя руку своей маленькой сухой ладонью. Опустив глаза в пол, я каялась в том, что не послушала ее предостережений и дерзнула пойти в проклятый лес, что подружилась с волком, что видела пугающе реалистичные сны, похожие на видения прошлого и грядущего. Поведала о своих страхах, связанных с Сердцем Леса и запретным миром, о Торне Глоуде, о волшебном королевском мече и Некоронован-

ном принце. О тетушке Лаванде и вороне, которая, казалось, следила за мной своими маленькими цепкими глазками.

Слова лились из меня, как река, прорвавшая плотину. Я говорила быстро, чуть ли не захлебываясь, не давая себе возможности передумать и что-то утаить. Меня душили стыд и чувство, что бабуля во мне разочаруется, но молчать и предавать ее ложью и утаиванием правды дальше было просто нечестно.

Она – мой единственный близкий человек.

– Ну почему именно я, ба? – сжимая ее руку, я с отчаянием заглянула ей в лицо, надеясь найти там ответы. – Что во мне особенного? Почему все эти случайности, сновидения, странное волшебство обрушились именно на мою бедовую голову?

Она вздохнула и покачала головой. Ласково погладила меня по щеке.

– Или у моей семьи есть тайны, о которых я не знаю? – эта мысль была яркой и быстрой, как вспышка молнии на ночном небе. И почему я раньше об этом не подумала? Вдруг разгадка кроется в далеком прошлом, а я ни сном, ни духом?

Бабуля по-доброму усмехнулась и плотнее укуталась в шаль.

– Что ты хочешь от меня услышать, Роза? Сказки об избранных? Но я тебя разочарую, милая. Я не знаю, почему эта ноша досталась именно тебе. Мы же – вся наша семья – всегда были обычными людьми.

– Обычными? – я уже успела напредставлять себе всякого, и слова бабушки даже немного огорчили. – Совсем-совсем обычными?

– Разве плохо быть обычным человеком? – она приподняла брови, удивленная моей реакцией. – Герои и избранные, о которых потомки слагают легенды, рождаются раз в столетие для великих и громких деяний, но простые люди совершают подвиги каждый день.

Ба почувствовала мое изумление и улыбнулась. Она вообще была улыбчивой, как летнее солнышко, даже если вокруг стояли холода.

– Это правда, милая, посуди сама. Повитуха миссис Эванс каждый день принимает роды в нашем городке, ее зовут и среди ночи, и рано утром, когда весь город спит. Часто она бросает свои дела, не отдохнув, не успев перекусить, чтобы успеть помочь появиться на свет еще одному малышу. Это ли не чудо? А тот молодой хирург, что оставил место в столичном госпитале, попав в опалу у своей богатой семьи, и теперь сутки напролет спасает людей в нашем ничем не примечательном городке?

Я вспоминала лица этих людей, которых иногда встречала на центральной площади, и не могла не соглашаться с бабушкой. А она продолжала:

– Пекари делают хлеб, поднимаясь до рассвета и работая до поздней ночи, несмотря на кашель от муки и ноющие спины. А рыбаки, которые выходят в море, рискуя жизнью,

несмотря на непогоду, чтобы у жителей на столе всегда была свежая рыба? Скажешь, они не герои? Таких людей тысячи и тысячи. Наши границы защищают обычные солдаты без магии, не полагаясь на волшебную палочку или магический посох. Да и каждая мать совершает подвиг, вынашивая и рожая детей. Что же ты, и теперь скажешь, что плохо быть простым человеком?

Слова бабули отзывались глубоко в душе, и я удивлялась, как столько лет умудрялась быть такой слепой. Даже не задумывалась над этим. И во мне с каждым ее словом укреплялось желание стать нужной и полезной.

– Я всегда хотела совершить что-то... хорошее. Может, именно поэтому лес выбрал меня?

– Возможно, так оно и есть, Роза. Но мы не узнаем это наверняка, если будем бездействовать, – заметила бабушка и вдруг стала похожа на заговорщицу. – Я могу отпустить тебя туда снова и даже сделаю вид, что не замечаю твоих вылазок, но при одном условии – ты проверишь свою догадку на счет Волчка, – она хихикнула над милым прозвищем, данным страшной зверюге.

Она едва успела договорить, как я вскочила с диванчика, наполненная радостным возбуждением. Грудь распирало от готовности нестись сломя голову навстречу приключениям, я видела, как пробираюсь по заснеженному лесу, зову волка, и он приходит. Ластится к ногам, как домашний кот, а я треплю его за ухом и обнимаю могучую шею, покрытую гу-

стой сизой шерстью.

– У меня есть волшебный плащ, он защищает от злого колдовства, – я закусила губу, все еще сомневаясь, стоит ли спрашивать это у бабушки. – Но как мне защититься... от людей?

Моя бабуля божий одуванчик и тут не подвела меня. Сдвинув брови на переносице, подумала несколько мгновений, а потом решительно заявила:

– Знаю я один выход. Возможно, тебе это покажется чересчур, но я глубоко убеждена, что средства лучше еще не придумали.

Глава 33. Обман

Цепочки следов вели к опушке леса. Чувствуя сердцем неладное, я обходила их по широкой дуге, стараясь не попасться никому на глаза. В памяти всплывал услышанный на рынке разговор о том, что охотники хотят убить моего волка – я старательно гнала эти мысли прочь. Но на их место приходили другие картины, еще более страшные – алые брызги на девственно белом снегу и мой друг, неподвижный, окровавленный, с пустым взглядом, устремленным в серое небо.

Нельзя позволять страху управлять моими действиями. Мне нужен трезвый разум, чтобы не натворить глупостей – их и так достаточно в моей жизни.

Разговор с бабулей придал уверенности в себе и в том, что я делаю. Я больше не считала себя девчонкой, которая витает в облаках и боится жить в реальном мире. Поддержка бабушки оказалась той целительной микстурой, которой так не доставало – даже нежеланное замужество и козни дорогого дядюшки перестали угнетать.

Я справлюсь. Мне все по плечу. И то, что теперь у меня есть мощное средство для защиты от людей, больше не ужасало. Хотя, признаться честно, я была крайне удивлена и посмотрела на мою мирную тихую старушку совсем другими глазами.

В груди кололо от холодного воздуха и быстрого шага, но-

ги увязали в снегу. Как назло, к сумеркам он вновь начал сыпать с неба, желая меня запутать и заставить вернуться к теплу родного очага. Но как я могу усидеть в безопасности, зная, что, быть может, именно в этот миг людские суеверия и злоба губят того, кто ни в чем перед ними не виноват?

Следы те принадлежали охотникам. Я видела их, надежно укрытая стеной из бурелома – они ставили капканы. Огромные зубастые ловушки, которые не ведают ни жалости, ни сострадания, и могут раздробить лапу даже медведю. Их вываривают в мясном бульоне, чтобы отбить запах человека, кладут ароматную мясную приманку, и животное от голода или любопытства само суется в металлическую пасть.

Кажется, я перестала даже дышать. По рукам побежали мурашки, и я отпрянула глубже в темные объятия елей – сегодня они были моими друзьями.

Мужчины, закончив свое дело, спешно засобирались обратно в город – небо темнело с каждой минутой, ветер крепчал, а им не хотелось встретить ночь у входа в пугающий их заколдованный лес. Мало ли, какие чудовища, кроме огромного волка, тут могут таиться? Людское воображение способно на что угодно.

Я выждала достаточно времени, прежде, чем их силуэты сделали совсем неразличимыми, и выбралась из своего укрытия. Волчок так и не появился – ну и пусть. Не время обижаться, я исполню задуманное, не требуя от него никаких благодарностей.

Ночь наступала на пятки, совсем скоро ничего не будет видно, да и бабуля уже волнуется – надо спешить. Я потянула на себя длинную ветку, припорошенную снегом – она была толщиной с мое плечо и иссохлась достаточно, чтобы ее можно было сломать даже такой хлипкой девушке, как я. По пути подняла с земли еще несколько поленьев и прижала к груди, стараясь не обращать внимания на вымокшие рукавицы.

Вот и первый капкан с костью и обрывками мяса – уверена, его запах привлечет не только моего волка, но и другое лесное зверье. Стараясь не попасться самой, я медленно надавила концом палки на рычаг, чувствуя, как дрожат от страха руки.

Челюсти сомкнулись с оглушительным клацаньем, разнеся древесину в щепки и пуская мое сердце в галоп. В момент срабатывания ловушки я даже зажмурилась от страха. Подумать только, какую боль испытывает зверь. Слышала, он даже может отгрызть себе лапу, лишь бы избавиться от этой муки.

Я примерно запомнила, где охотники расположили капканы, поэтому обезвреживала их один за другим, вздрагивая каждый раз, когда лесную тишину вспарывал резкий металлический хлопок. Они основательно подготовились, но простите, дорогие охотнички, моего Волчка и других зверей вам поймать сегодня не удастся.

Ловушек было двенадцать. Я обошла их все, и только по-

том подумала, что, когда мужчины вернутся их проверить, сразу поймут – здесь похозяничал человек.

Ну и пускай. Зато волк на время окажется в безопасности, а там я еще что-нибудь придумаю. Уговорю его запрятаться в чаще и не высовывать носа.

Я покрутилась по сторонам, надеясь, что мой серый друг все-таки появится, но его не было видно. Он не пришел, хотя его должен был привлечь наведенный мною шум.

– Если ты меня слышишь, – начала я, проглотив ком обиды, – то будь осторожен, Волчок.

Когда я шла по улицам нашего городка, на него уже опустилась бархатная ночь – снег так красиво кружился в свете фонарей, что я невольно залюбовалась. Благо, наш дом стоял на окраине, идти было недолго. И, когда я была уже близко, то заметила черный силуэт прямо напротив калитки.

Повинуясь чутью, прижалась к ограде соседского дома. Тревожно заколотилось сердце, и я задержала дыхание, пытаясь понять, кем был этот неожиданный гость.

А потом я узнала его.

Пошатываясь на нетвердых ногах и держа бутылку за горлышко, в наши окна тарасился Робби. Значит, слухи о его пристрастии к выпивке были правдивы, но что он здесь забыл?

"Волчья невеста" – вспыхнуло в памяти обидное прозвище, которым он меня наградил, а мальчишки подхватили и разнесли по городу. Молясь, чтобы парень меня не увидел

и поскорее убрался, я вцепилась в отвороты плаща. Хорошо, что я догадалась переодеть его черной стороной наружу, ведь ярко-алый цвет мог привлечь внимание даже в ночном сумраке.

Так прошло довольно много времени, прежде, чем Робби смачно сплюнул на землю, а потом побрел в противоположную сторону, путаясь в собственных ногах. А я чуть не расплакалась от облегчения и тенью выскользнула из своего укрытия.

Хоть встречи и удалось избежать, но на душе сделалось тревожно...

Глава 34. В капкане

Ночью я спала как на битом стекле – ворочалась с боку на бок и долго не могла успокоиться. Тревога сжимала грудь ледяной рукой, едва я начинала дремать, как в сознание вторгались мутные картины изломанного леса, кривые деревья и стаи ворон с внимательными, почти человеческими, глазами. Пробиваясь из запретного мира, зло стелилось по земле серыми змеями-лозами с ядовитыми шипами, оплетая стволы берез и осин, с корнями выворачивая вековые ели, убивая на своем пути птиц и зверье, а потом окружая город огромным смертоносным гнездом. Не пропуская свет, отравляя зловоньем воздух. И по лозам этим, как по лестнице, из самого Сердца Леса пробирались дети запретного мира.

Я вздрагивала и выныривала из мутной дремы, как из проруби, и заворачивалась в плотный кокон из одеяла, как в детстве. Но это не помогало, потому что мысли сразу начинали крутиться вокруг Волчка – как он там? Все ли капканы я обезвредила, ничего не пропустила? Увижу ли своего друга хотя бы еще раз? Ответов на эти вопросы у меня не было.

Голова гудела, будто всю ночь напролет у меня под ухом стучали барабаны, а в глаза словно песка насыпали. Больше лежать здесь я не могла – какой смысл и дальше задыхаться в темноте, в плену тяжелых дум? Решительно сбросив одеяло и наскоро одевшись, я проверила бабулю – та тихо спала

в своей постели. Последние недели она мучилась бессонницей, засыпая глубоко за полночь и просыпаясь уже поздним утром, поэтому у меня было время, прежде чем она встанет, и ей потребуется моя помощь.

Вчера, вернувшись домой, я рассказала бабушке о том, что сделала, и она меня поддержала. Только вот Робби... Ох уж этот внук управляющего. Чего еще ему от меня нужно?

Стоило о нем подумать, как настырный червячок снова начинал ворочаться в мыслях – а что, если бы волк тогда загрыз парня и его друзей? И никак забот, никаких переживаний. Их бы даже не нашли.

Нет-нет, я не должна так думать, это бесчеловечно! – твердил голос разума, и я с ним соглашалась.

Хотя...

Думая о том, что, полакомься Волчок пьяными парнями, которые в ту ночь явно не желали мне ничего хорошего и могли невесть что со мной сотворить, я испытывала, наряду с ужасом и отвращением, еще одно чувство. Оно пряталось в дальнем закутке моей души – темное, пыльное, постыдное. Такое же, которое заставляло меня представлять, как изменилась бы моя жизнь, не стань дяди Джеймса.

Мрачное удовлетворение. Желание отомстить, причинить боль, заставить заплатить.

Проклятый лес ли отравил меня своей злостью, или я всегда такой была, не знаю. Знаю лишь то, что с ума сойду, если не увижу своего серого друга или хотя бы не убежусь в том,

что обезвредила все капканы, и Волчок не пострадал.

Улица встретила меня глухой серостью декабря. Стоял тот ранний час, когда горожане досматривают последние яркие сны, прежде, чем утро постучится в окна, и возвестит о начале нового дня.

Стояла тишина. С неба, молчаливого и хмурого, сыпала колючая белая крупа – оседала на алом бархатном плаще, и эта картина напоминала мне усыпанные инеем лепестки розы.

Я бежала к лесу, проваливаясь в снег до середины голени, и очень скоро дыхание начало сбиваться. Деревья насупились, укутавшись в белоснежные шубы и, казалось, разлапистые ели с осуждением поглядывают на меня из-под лохматых бровей. Привидится же такое...

Я куталась в алый плащ озябшими пальцами, время от времени поднося их к лицу и согревая дыханием – рукавицы впопыхах я оставила дома. Сколько раз я поминала добрым словом тетюшку Лаванду и ее бесценный подарок! Лишь бы и с ней все было хорошо.

По мере приближения к ловушкам я ускоряла шаг, хотела побежать, но ноги увязали в снегу. Как бы мне не хотелось верить в лучшее, но в голову настырно лезли самые мрачные мысли, заставляя сердце сжиматься. Зубы стучали, но не от холода – плащик не давал замерзнуть, – а от страха.

И, как оказалось, не зря...

Снег вокруг ловушек был истоптан звериными следами,

но я не могла с уверенностью бывало охотника ответить, кому они принадлежали, и кто поживился остатками мяса и костей. Чувствуя все нарастающую тревогу, я бежала все дальше и дальше, два раза упала на колени, но упрямство подхватило меня и бросило вперед.

Скорее. Скорее!

Я молилась изо всех сил, чтобы то, что я увидела, было плодом воображения, и что глаза меня обманули. Но надежда не оправдалась – я все-таки не заметила вчера последний капкан, тринадцатый. И там, где он стоял, белоснежный покров был взрыхлен следами борьбы и щедро залит свежей кровью, болезненно алой на этом чистом снегу.

Глаза мгновенно вымокли, и слезы покатались по щекам. Я зажимала руками рот, но рыдания сотрясали грудь, сгибая тело пополам.

У меня не получилось... Не вышло защитить его. Откуда-то я знала, что именно мой друг попался в проклятый капкан – он рвался так неистово, что выдрал из земли металлический колышек, к которому крепилась цепь, и сумел убежать, утянув за собой ловушку. Щедро сдобренные кровью следы вели в лес, и, не раздумывая ни мгновения, я побежала по ним.

– Волчок! Где ты?!

Лес отвечал равнодушной тишиной, только деревья поскрипывали у меня над головой. Я мчалась со всех ног, утопая в снегу, а ледяной воздух щипал лицо, драл легкие, за-

бирался острыми когтями под платье. Мохнатые ели раскинули лапы и норовили остановить, схватить, не пускать, но я продиралась по следам, сбивая снежные шапки себе на голову и рискуя вскоре превратиться в сугроб.

Внезапно в безмолвие леса вплелся едва различимый рык – я рванулась вперед, давя в себе усталость и страх. Звуки становились все отчетливей, и от тихого воя, перемежающегося со злобным рычанием, щемило сердце.

Когда тяжелые от снега ветви расступились, и взору открылась небольшая полянка, я остановилась так резко, будто меня ударили в грудь. На снегу атели брызги, совсем свежие, будто кто-то неосторожный веером рассыпал ягоды брусники. Поляна была истоптана волчьими следами – зверь метался по ней в агонии, орошая дымящейся кровью хрусткий снег.

Жесткие дуги капкана с металлическими зубьями сомкнулись на передней лапе, причиняя зверю мучительную боль. Порвали кожу, мышцы, вгрызлись в кости. Из последних сил он боролся за жизнь, пытался сорвать холодное железо и высвободиться, но с каждой попыткой капкан будто смыкался сильнее. Волк рычал глухо, зло дергал лапой, кусал и грыз железо.

С каждым мгновением казалось, что острый нож вспарывает грудную клетку – так было больно и тесно под ребрами. – Бедный мой дружище, – я всхлипнула, зажала рот рукой, чтобы не дать себе закричать.

И в этот момент он меня заметил. Поднял испачканную морду – я встретилась взглядом с горящими зелеными глазами. Шагнула вперед, но зверь ощерился и клацнул зубами.

– Волчок, это же я... Позволь мне помочь тебе...

В ответ от зарычал громче, яростней, и такой дикой злости, такой ненависти я не видела у него даже в первую нашу встречу – сейчас он видел во мне только врага. Одну из тех, кто ставит в лесу капканы, калечит и убивает зверье.

Он прижал к голове уши, пока просто предупреждая, пугая. Его зубы казались такими огромными!

Шаг вперед – глухой рык. Еще шаг – он напрягся всем телом, щадя раненую лапу и испепеляя меня диким взглядом. Даже в таком состоянии он мог запросто перекусить мне шею, и на какой-то миг я по-настоящему испугалась. Застыла на месте, как ледяная статуя.

Внезапно рычание перешло в поскуливание, будто зверь плакал – почти как человек. И тогда я решилась.

Решилась позвать его именем, которое он, возможно, уже давно забыл.

– Эрик... Тебя ведь зовут Эрик? – и в два счета преодолела разделяющее нас расстояние.

***

Эрик...

Я не слышал этого имени из уст человека целую вечность, и именно эти звуки на несколько мгновений вытащили меня из кровавого тумана боли. Она была такой острой и сво-

дядей с ума, что казалось – с меня заживо сдирают кожу. В последние дни перед полнолунием я стал неосторожен и глуп настолько, что попался в ловушку. Я и забыл, насколько хитры могут быть люди – они выварили капканы в мясном бульоне, и я сам, по своей воле, сунулся проверить – чем там как соблазнительно пахнет?

Мною двигал только голод, желание глотать кости и рвать зубами мясо – поддавшись наваждению, перед которым не устоит ни один дикий зверь, я трепал приманку зубами, рыча от удовольствия. Как животное. Обошел все капканы, в которые девчушка сунула палки.

Вчера вечером я смотрел издали, как Роза одну за одной обезвреживала ловушки, однако решился приблизиться только ближе к рассвету, когда голод измучил вконец. Я подкрался... и совсем забыл про осторожность. Последняя из механических ловушек была спрятана под листьями и снегом, совсем рядом с другой, поэтому, когда я наклонился за таким бессовестно привлекательным куском свиной вырезки, то ступил передней лапой в ее пасть.

Сначала был оглушительный щелчок, а потом боль пронзила всю левую половину тела, будто я угодил в костер. Зубастые челюсти намертво стиснули лапу, достали до костей – хлынула кровь. Не помня себя, потому что рассудок заволокло густо-алое марево, я рванулся так сильно, что вырвал колышек с цепью из земли. А потом бежал прочь, хромя и скуля, едва не падая в снег и оставляя позади кровавый след.

Лес же взирал на меня сверху вниз, как беспощадный судья – ждал, когда я ослабею, чтобы спустить на меня своих монстров.

– Тебя ведь зовут Эрик? – прозвучал надломленный голо-сок.

Она шагнула мне навстречу быстро, так, что я и опомниться не успел. Рухнула на колени и взяла мою морду в свои руки. Ее заплаканное лицо было так близко, что я увидел свое отражение в бархатной темноте ее глаз.

Отражение дикого зверя. Опасного и уродливого.

Рычание, больше похожее на злобное бульканье, родилось внутри грудной клетки – я клацнул челюстями у нее перед носом. Розы моргнула испуганно, но не отшатнулась, а забормотала что-то утешительное, и пальчики ее стали перебирать шерсть за ушами.

«Уходи! Убирайся, пока цела!» – хотелось кричать, но из пасти вырывались звуки, даже отдаленно не похожие на человеческую речь.

Я рванулсЯ назад – боль в раненой ноге тут же напомнила о себе. Капкан держал меня мертвой хваткой – самому ни за что не избавиться. Я просто истеку кровью или умру от заражения, а, может, охотники найдут меня по следам и добьют. Если не побоятся забраться так далеко, как это сделала Розы.

Она протянула ко мне руки – что-то дикое, звериное поднялось во мне, и я едва не вцепился зубами ей в запястье. Остановился в последний момент, уже представляя, какой

вкусной будет ее плоть.

Заклятие можно снять только кровью...

Нет, я не стану! Не могу причинить ей вред... А она, глупая, не видит, что я еле держусь. Смотрит так жалостливо, щеки покраснелись на морозе, а ресницы слиплись от влаги острыми стрелами.

– Я хочу помочь тебе...

Я пятился и рычал, прижимая уши к голове и чувствуя, как вздыбилась шерсть на загривке. Любой бы испугался, бежал бы прочь, спотыкаясь и падая. А она с трогательным упорством, шаг за шагом, приближалась. Ну откуда только взялась на мою голову?

Запах ее, девичий и сладкий, щекотал ноздри. От нее веяло теплом – настоящим, какое я уже давным-давно успел забыть, и все это вкупе с гложущей болью отшибало мозги напрочь. Так легко было поддаться звериному инстинкту, особенно когда добыча сама идет в лапы.

Держась за крохи разума, я тряхнул головой и сбросил ее руку, предостерегающе рыкнул и заковылял вон, но эта настырная девчонка поплелась следом. Шаги ее были тяжелы, дыхание – сбитое, но упрямство тащило Розы за мной.

И кто еще здесь охотник, а кто – жертва?

– Стой, пожалуйста... Я всего лишь хочу тебе помочь... – помолчала, переводя дух, и шепнула: – Эрик...

И снова это имя. Мое ли? Или призрака, что когда-то существовал. Тело вдруг окутала такая усталость, что я рухнул

в снег, как подрубленный.

Она коротко вскрикнула и метнулась ко мне.

– Глупый, глупый дружище! Дай же мне посмотреть.

Я тихо выл, отвернув от нее морду – в тени спящих деревьев мерещилось лоснящееся черное тело вороны, что смотрела на меня в упор, не мигая. И такое чувство, будто я раньше ее уже видел.

– Потерпи... – ласково произнесла Роза, когда я рыкнул от резкой, пронзившей все мое существо, боли.

Помогая себе ногой, она надавила на рычаг – зубастые челюсти начали медленно размыкаться, а я готов был расплакаться от облегчения.

Она с брезгливым выражением лица отшвырнула капкан прочь, как дохлую крысу. Лапа моя была свободна.

– Ну как ты?.. Эй, постой! Ты куда?

Низко наклонив морду и стараясь не оборачиваться, я захромал подалее от нее. Кость не была перебита, и это хорошо, иначе пришлось бы туго. Роза звала меня и пыталась догнать, но я нарочно выбрал путь через овраг, преодолеть который из-за снега и торчащих острых веток ей было не под силу.

Пусть уходит.

Уходит и не возвращается.

***

– Постой! Не бросай меня! – подобрав юбку, я ринулась за волком, но силы подвели – ноги подогнулись, и я просто

уселась в снег.

А он уходил, хромая и поджимая раненую лапу. Даже не обернулся ни разу. Так обидно... Неужели это все, и я больше не встречу со своим другом?

Я вздохнула и поднесла руки к лицу – от них пахло волчьей шкурой и кровью. Зло катая между ладонями снег, вычищая их до скрипа, я слушала, как затихает хруст его шагов, пока последний, едва различимый шорох, не растаял в утреннем воздухе.

На мгновение показалось – когда я назвала его Эриком, звериные глаза расширились, и в них мелькнуло... Отчаянье? Изумление? Я не могла подобрать слов, но была уверена, что все не просто так – и мои сны, и перчатка в волчьей норе. А как он разволновался в тот раз, когда я перечисляла имена на букву Э? Как можно было столько времени быть такой недогадливой! Мой Волчок и есть заколдованный принц Эрик, но почему он не хочет, чтобы об этом знали? Почему начал меня избегать?

На этот вопрос мне только предстоит найти ответ.

Я еще раз с тоской поглядела в ту сторону, в которой скрылся мой друг – высокие деревья сомкнули ряды, отгораживая меня от чужих тайн.

Ничего. Я не имею права сдаваться, слишком многое стоит на кону, и я больше не та трусливая девчонка, Лес начал менять меня в тот миг, когда я ступила в его тень багряной осенью.

Я сделаю все, что в моих силах.

***

Ворона залетела в распахнутое окно и, попрыгав по мраморному подоконнику, нетерпеливо каркнула, привлекая к себе внимание Лорда Регента и его жены. Ведьма, облаченная в темно-синюю кружевную сорочку – она еще не поднималась с постели – встрепенулась и подняла руку, подзывая свою любимицу ближе.

– Ну, что эта мерзкая птица скажет на этот раз? – недовольно буркнул Рупперт и отшвырнул папку с документами. Регент с раннего утра находился в мрачном расположении духа, кричал на слуг и ругался с министрами – всему виной подготовка к коронации, которая должна была состояться сразу после Нового Года. Ему казалось, что все сговорились против него, что все идет не так, как нужно, а из-за каждого куста торчат уши заговорщиков. Чем меньше оставалось времени, тем больше он нервничал.

– Здравствуй, дорогая, – Левзея с благосклонной улыбкой почесала птичьи перья, и ворона довольно каркнула.

Женщина наклонила к ней голову и прислушалась к звукам, похожим на кудахтанье, при этом птица забавно раздувалась и топорщила перья. По мере того, как ворона пересказывала последние новости, лицо ведьмы все больше мрачнело.

– Ну? – Лорд Регент напрягся, отчего его уродство приобрело почти гротескные черты. – Какие вести принесла твоя

мерзкая птица? Мне есть, чего опасаться?

Колдунья отпустила любимицу полетать, а сама наморщила лоб и в упор поглядела на мужа.

– У нас могут быть проблемы. Девчонка никак не угомонится.

Рупперт выругался сквозь зубы.

– И что теперь делать? Я не позволю никому помешать моей коронации, Эрик не должен вернуться.

Он столько лет ждал, столько лелеял мечты о власти, что не остановится ни перед чем. Если бы эта глупая женщина, его жена, вечно все не портила, он бы уже давно был королем. Иногда Рупперт думал, что, как только ему на голову возложат корону, то нужно будет избавиться от Левзеи – та знала слишком много его секретов. Увлеченный своими мыслями, он не сразу понял, что жена с ним разговаривает.

– ... магия не действует, – Левзея отвернулась к открытому окну, уперев ладони в подоконник. Морозный ветер играл с длинными черными волосами, скользил по голым плечам – холода она не чувствовала.

– Проклятье, – мужчина начал нервно постукивать по столу пальцами здоровой руки.

– Не переживай, дорогой. Я не могу воздействовать на девчонку, потому что она все время таскает этот плащ, но кто сказал, что не смогу подействовать на других?

Лорд Регент мрачно ухмыльнулся.

Давно пора.

Глава 35. Неожиданная помощь

Не помню, как добралась до города, в голове все перемешалось. Я сходила с ума от беспокойства за Волчка, я переживала из-за бабушки – утро плавно перешло в день, а она там совершенно одна, беспомощная. Им обоим требовалась моя помощь, но я не могла разорваться, и мучительный стыд терзал меня тем сильнее, чем ближе к дому я подбиралась. То, что бабуля официально разрешила мне бегать в лес, не давало права бросать ее надолго.

Я почти бежала, по пути отмечая, как красиво жители готовят улицы и свои дома к Новому Году – украшают заборы игрушками и пряниками, покрытыми позолотой, клеют на окна снежинки. Но в этом году праздник для меня был не порой чудес и доброго волшебства, а неким водоразделом, после которого моя жизнь изменится навсегда.

– Волчья невеста! – послышался откуда-то сзади мальчишеский визг, и в затылок мне прилетел снежок.

– Ах, ты!.. – я обернулась, чтобы погрозить хулигану кулаком, но он уже дал стрекача, только пятки засверкали.

Как назло, это привлекло нежелательное внимание к моей персоне – и напрасно я надеялась дойти до дома без приключений. У входа в табачную лавку, которая, кстати, слыла лучшей в городе, толпилось четверо мужчин. Все, как один, уставились в мою сторону.

Я узнала их. Трое были охотниками, а четвертый... Робби. О, как не вовремя!

Все еще надеясь, что пронесет, я повернулась и хотела было продолжить путь, как меня окликнули. Сердце ушло в пятки и, пока я раздумывала, не притвориться ли глухой, эти люди успели меня настичь и отрезать все пути к отступлению. И, судя по их мрачным лицам, они не конфетами меня собрались угощать.

– Господа?.. – мой голос прозвучал тонко, как мышинный писк. – Вы что-то хотели?

– Что, в лес опять шастала? – напустился на меня внук управляющего, и покрасневшие глаза засияли злостью.

Стоило признать, Робби выглядел... плохо. И раньше он любил выпить, а после того случая в лесу сдал совсем – лицо со светлой редкой щетиной осунулось, нос заострился, а кожа приобрела бледно-желтый оттенок. Волосы его засалились и торчали во все стороны, воротник полушубка был заляпан, как и рукава, а одна пуговица вообще оторвана. От него несло прокисшей выпивкой и запахом давно немытого тела, как будто он живет не дома, а шляется днями и ночами по подворотням и разным злачным местам. Родители и дед давно махнули на него рукой.

От мысли о том, до чего этот молодой человек себя довел, сделалось тошно. И страшно одновременно... Вдруг я косвенно причастна к столь резкому его падению? Раньше он не был похож на душевнобольного, но, чем дольше я на

него смотрела, тем сильнее убеждалась – ночь Самайна не прошла даром для его головы.

Должно быть, Робби уловил во мне жалость, и лицо его исказилось.

– Я видел, как ты голая бегала по лесу, и волк размером с лошадь следовал за тобой! Волчья невеста! Паршивая девка!

Он начал верещать и махать руками, норовя вцепиться мне в волосы, но один из охотников скрутил его и велел замолчать, так, что парню осталось только истерично всхлипывать.

– Так это правда? – пробасил мужчина, горой надвигаясь на меня. Я не помнила его имени, зато прекрасно знала – про него говорят, что он лупит жену и гоняет детей. И теперь эта мрачная физиономия, заросшая курчавой бородой, была очень близко к моему лицу. – Правда, что в лес шастаешь? Признавайся.

Язык как будто онемел и прирос к небу, я повернулась и схлестнулась взглядом со вторым охотником – он был младше первого, но выглядел не менее устрашающе, да еще и усмехался.

– Тебе задали вопрос, девчонка, – он медленно осмотрел меня с ног до головы, отмечая, должно быть, какая и мокрая и растрепанная.

– Наши капканы кто-то разорил, – вмешался третий, что пыхтел у меня за спиной.

Да я сама как будто в капкане! И некому помочь, улица

совершенно пуста, да и кто бы вступился за «волчью невесту»? Ох, несдобровать мне. И все же, стараясь собрать воедино остатки гордости и чувство собственного достоинства, я спокойно отвечала:

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Врешь! Я своими глазами видел...

– Помолчи, дурак! – одернул его бородатый охотник, а затем обратился ко мне: – ты ведь из лесу идешь, верно? – и нахмурился так, что в серьезности его намерений не приходилось сомневаться.

А тот, насмешливый, добавил:

– С волками якшаешься? Уж не ты ли капканы испортила?

Мне было нечем дышать, как будто вокруг закончился весь воздух – я переводила растерянный взгляд с одного мужчины на другого, подспудно ожидая, что сейчас меня кто-то спасет.

И тут из-за угла вывернул экипаж. Охотники шарахнулись в сторону, чтобы не попасть лошадям под копыта, а я перевела дух. Может, сбежать, пока они отвлеклись? Или использовать бабушкино оружие? Нет-нет, сейчас точно не время.

Один из мужчин, уловив мое желание улизнуть, крепко стиснул плечо.

– Куда это ты собралась?

Но ответить я не успела, потому что экипаж затормозил неподалеку от нас, дверца его распахнулась, и послышался знакомый голос:

– Немедленно отпустите мисс Эвлиш и убирайтесь прочь!

Это был Торн Глоуд собственной персоной. Щурясь нехорошо, как хищный лесной зверь, он направлялся в нашу сторону.

– Вы что, оглохли? Мне еще раз повторить? – голос его звучал негромко, но повелительно – так, что послушаться казалось невозможным.

Охотники нехотя расступились, и каждой клеточкой кожи я почувствовала их недовольство. Они, люди из простого народа, на подсознательном уровне ненавидели таких вот Глоудов. Наверное оттого, что многим их поколениям приходилось гнуть спины на богатеев, но в то же время страх перед сильными мира был впитан с молоком матери, именно он заставлял повиноваться и робеть, пряча взгляды. Взгляды, в глубине которых – а я была уверена в этом уверена – тлели угли зависти и бессильной злости.

Да, их было четверо – три рослых плечистых охотника и один щуплый парень, и при желании они могли почесать об Торна кулаки, но последний носил вокруг себя ореол власти и непоколебимой уверенности, словно невидимый щит. Его деньги, его связи и репутация делали этого человека почти неприкосновенным.

– Что вам нужно от моей невесты? – поинтересовался он, оглядывая мужчин по очереди.

Такого они не ожидали, да и я порядком опешила. Одно дело болтовня дяди, а другое – услышать правду из уст Гло-

уда. Но я не могла не признать, что рада его неожиданному появлению, если бы не он, худо бы мне пришлось. С бешено колотящимся сердцем я сделала шаг в его сторону – это получилось неосознанно, будто тело почувствовало, что этот человек обещает защиту.

– Мы не знали, что это ваша невеста, господин, – буркнул здоровяк с бородой, отводя глаза.

– Это волчья невеста! – взвизгнул Робби с ненавистью, но охотники на него зашикали.

Торн оглядел его, не скрывая презрения, а потом обратился ко мне:

– Они вас не обидели, Розалин? – и пробежался взглядом по пятнам на моем плаще.

– Нет, я просто упала.

– Надеюсь, что так и есть. Впредь будьте осторожней.

Неужели заботу проявляет?

Нет, Роза, не льсти себе. Это беспокойство рачительного хозяина о своем имуществе, не больше. Чувствами здесь и не пахнет.

– Значит, вместо того, чтобы ловить волка, вы среди бела дня пристаёте к девушкам? За это я вам плачу? – вкрадчиво, ну прямо как хищник, заговаривающий жертве зубы, спросил Торн Глоуд.

Тот, что насмеялся надо мной, взял слово. Теперь он выглядел не таким уверенным.

– Простите, мистер Глоуд, вчера мы расставили ловушки с

приманкой, но кто-то разорил все, кроме одной. В нее угодила какой-то зверь, но ему удалось уйти...

– Конечно, вы не додумались пойти по следам? – продолжал распекать их Глоуд, а у меня внутри все сжималось от страха за Волчка.

Или мне теперь стоит звать его Эриком? Ладно, повременю, он ведь не дал мне однозначного ответа на мой вопрос.

– В лесу опасно, он проклят. Это все знают, – развел руками бородач. – Хорошие люди туда не суются...

– Кроме волчьей невесты, – снова влез Робби, испепеляя меня безумным взглядом.

Повисла гнетущая пауза, в течение которой я мечтала провалиться сквозь землю, пока ее не прервал голос Торна:

– Труссы, – бросил он и развернулся на пятках. – Нам лучше поскорее убраться отсюда, Розалин. Здесь не слишком хорошо пахнет, – он поморщился как от зубной боли и сделал знак рукой – я, как замороженная, последовала за ним и очнулась только на ступеньке экипажа. Что я делаю? Куда иду с ним?

Увидев мое замешательство, Торн подхватил меня под локоть, буквально затаскивая внутрь. В нос ударил аромат табака и чего-то сладкого, навроде апельсина, оживляя в памяти воспоминания о не слишком приятном вечере.

– Не нужно, я могу сама дойти, мой дом за углом. Благодарю за помощь, мистер Глоуд, – я хотела открыть дверцу, но мужчина удержал ручку, не давая мне этого сделать.

Внутри было невероятно тесно – это заставляло волноваться, будто меня заперли в одной клетке с барсом... Или с волком.

– Розалин, прекратите вести себя, как дитя. В конце концов, мы скоро поженимся, – обманчиво мягко проговорил он, и я осмелилась встретиться взглядом с черными омутами его глаз.

Что ж, ладно... Я сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоиться и привести мысли в порядок. И, если уж мы с ним сегодня встретились, то грех не поговорить о свадьбе.

– Так, значит, это правда, – больше обращаясь к себе, чем к нему, произнесла я. – Но почему я узнала об этом едва ли не самой последней? Дядя действовал от моего имени, как будто мое желание не значит ничего.

– Вас это обидело? Многие так делают.

Торн был сама любезность, смотрел, как мне показалось, с сочувствием и пониманием, но я не хотела себя обманывать.

– Обидело ли меня? – хотелось крикнуть: «Да! Конечно обидело!», но он не поймет. Для него я – не человек со своей волей и целями, а одна из ступенек лестницы, по которой он поднимется вверх. – А как вы думаете?

– Посмотрите на это с другой стороны, Роза, – он вольготно развалился на сидушке, будто его ничто не смущало. – Вы будете под моей защитой и покровительством, ни в чем не будете знать отказа. Это ли не мечта каждой юной девицы – выйти замуж за уважаемого человека?

Он был уверен в своей неотразимости, это читалось в каждом жесте, в осанке, в наклоне головы. Его темные волосы лежали с элегантно небрежностью, будто он с утра просто прочесал их пальцами, гладко выбритый подбородок, нос, скулы – все черты его были немного резки, но удивительно гармоничны, будто он был рожден специально для того, чтобы разбивать женские сердца. Снова пришлось признаться перед самой собой, что Торн – видный мужчина, но... это и все.

Этого мне было мало.

– Понимаете... – начала я как можно спокойней, призывая на выручку все свое терпение, хотя, если присмотреться, можно было заметить, как дрожат мои пальцы. – Понимаете, я не могу выйти за вас замуж. Я не люблю вас, – и посмотрела на него с мольбой, потому что знала – напором и дерзостью могу разозлить его. Уж лучше искренняя прямота.

А еще в памяти отчетливо вспыхнуло видение загадочной комнаты, комод со всем содержимым, пьяные раскованные гости.

... он мучает людей?

– Он делает с людьми не больше того, чего они сами желают...

Странный ответ Люси, но надо ли мне знать, что он означает? Ясно одно – такая жизнь не для меня.

Торн усмехнулся беззлобно, как будто своим потаенным мыслям, и сгреб своими крупными ладонями мои руки. А я не смогла воспротивиться, я была разбита после пережитого, после всех душевных волнений, и не чувствовала себя целой.

– Какое вы еще дитя, – промурлыкал он, перебирая мои пальцы. – Но я понимаю, вы напуганы, в прошлый раз я повел себя немного бестактно – уж простите невежду. Но я вас умоляю, при чем здесь любовь? В современном обществе важно то, что супруги могут дать друг другу.

– Но вы могли бы найти другую невесту из знатного рода, гораздо более богатого, чем мой.

– Кажется, мы это уже обсуждали, Роза. Вы меня вполне устраиваете. К тому же, в столице еще помнят вашего отца, и вашего деда – род Эвлишей когда-то был знаменит, и вместе мы вернем ему былую славу. Но что же вы смотрите на меня такими глазами, будто я вам признался в том, что расчлению невинных девиц?

«Потому что я не доверяю вам» – подумала я, но вслух сказать ничего не успела – он продолжал:

– Послушайте, может, вы обижены на меня за то, что у нас не было помолвки? Но по закону она необязательна, у нас сразу будет свадьба, там будут все мои друзья из высшего света, а у вас будет чудесное платье и обручальное кольцо. Я заказал самое дорогое, вот увидите.

– Я не продаюсь, господин Глоуд, – я покачала головой и упрямо сжала зубы. Хотела забрать у него свои руки, он по-

держал немного, смотря на меня прямо и откровенно, потом отпустил и расхохотался.

– А вы мне определенно нравитесь! Маленькая горячка, – и сверкнул глазами, а мне вдруг вспомнились другие глаза.

Мерцающие. Зеленые и удивительно ясные глаза с портрета.

– Меня бабушка дома ждет, мне пора идти.

Все время разговора экипаж стоял на месте, тишина наполняла воздух вокруг нас, и казалось – я отрезана от мира вместе с этим человеком.

– Кстати, почему бы мне не познакомиться с вашей бабушкой?

– Не думаю... – начала я, но Глоуд бесцеремонно отвернулся и, высунувшись в окно, дал распоряжение кучеру.

Я приложила ко лбу ладонь и тяжело вздохнула. Он был таким же настойчивым и опасным, как его имя.

Терновник и Роза. Чьи шипы окажутся острее?

Глава 36. Решимость

Когда Торн покинул нас, я выдохнула с облегчением.

Мне не хотелось его присутствия в своем доме – месте, где я ощущала хоть какую-то защиту. Не хотелось подпускать его слишком близко, но он не считал нужным заботиться о моих желаниях, должно быть, уже вовсю репетировал роль мужа.

А я что? Мне казалось, будто я участвую в каком-то спектакле – отыграю свою партию, а после занавес опустят, я смою грим и стяну костюм, как чужую кожу, и все вернется на круги своя. Когда Сердце Леса будет спасено, я расколдую Волчка, и, если он действительно пропавший принц Эрик, я попрошу его избавить меня от нежеланного замужества.

Кстати... остался один маленький вопрос – а как, собственно, я буду его расколдовывать? Поцелуем любви, как в сказках?

– Ах, какой шикарный мужчина! – из мыслей меня вырвали вздохи миссис Беркинс. – Вот будь я помоложе...

И она пустилась в пространные рассуждения. Женщина очень удачно заскочила к нам этим утром и, пока я была в лесу, оставалась с бабушкой. Беркинс, будучи донельзя общительной и суетной, скучала одна – ее дети и внуки съехали, муж трудился в лавке до ночи, а они с бабушкой всегда находили, что обсудить и чем заняться. Сегодня вот пирож-

ков настряпали. Аккурат к нашему приходу.

– Вы и правда так думаете? Некоторые шепчутся, что Торн Глоуд разбогател нечестным путем, – спросила я, убирая со стола посуду.

– Милая, люди склонны преувеличивать! – воодушевленно воскликнула она. – Сдается мне, они просто завидуют, ведь все при нем: деньги, связи, молодость и стать...

Я не могла этого больше слушать. Кажется, Глоуд ослепил эту прозорливую женщину, а ведь она не раз мне говорила, что девушки должны быть осторожны, и что мужчины коварны и хитры. Но, видимо, Торн был слишком хорош и притягателен, да и вел себя на удивление мирно, совсем как ягненок. Ничем не показал, что ему, привыкшему к блеску и великолепию, неприятно находиться в нашем старом доме и есть пирожки с квашеной капустой.

Кстати, про пирожки... Мне было неловко перед бабулей, но я собиралась сегодня вновь отлучиться в лес – тревога за Волчка не оставляла и терзала душу. Стоило огромных трудов сохранять видимое спокойствие, когда он там один, в холоде, быть может уже истек кровью...

Я поищу этого вредину в его норе, и пусть только попробует меня прогнать или сбежать! Хвост мигом оторву.

– Ба, ну, а ты что думаешь? – обратилась я к старушке.

Она сидела в кресле, укрывшись шалью и сложив на коленях руки с вязаньем, и молчала. Губы ее были плотно сжаты, невидящие глаза смотрели будто бы вглубь себя.

– У этого человека внутри пустота. Он пытается ее насытить, но, сколько бы он ни старался, ей всегда будет мало. Эта пустота поглотит и тебя, Роза, если свяжешь с ним свою жизнь.

От этих слов по спине пробежал холодок – я вдруг четко увидела разверзнутую под ногами темную бездну. А в ней... В ней свивались щупальца белесого тумана, поднимались все выше, выше – будто хотели опутать мои ноги и утянуть вниз.

Бррр...

– Ну, Матильда! Скажешь тоже, – миссис Беркинс передернула плечами и смахнула ладонью со стола крошки. – По мне так вполне приличный мальчик... Ой, то есть мужчина, – она улыбнулась, а пухлые щеки смущенно зарделись.

Обсуждать Глоуда и дальше желания не было. Пусть убивается к моему дядюшке и ему подобным! А у меня есть дела поважнее. Взбежав по лестнице в свою комнату, я принялась копаться в ящике стола. Не то, снова не то...

Ах, вот она! Мазь для заживления ран. Я покупала ее в прошлом году в аптекарской лавке, когда упала с дерева и до крови разбила колено.

В нос ударил терпкий травяной запах – немного подсохла, но ничего. Следом я изорвала старую простынь на полосы шириной с ладонь – специально хранила ее для подобных целей. Все аккуратно сложила в корзинку, оставив место для пирожков. Мой друг вряд ли сможет охотиться в таком состоянии, а голодать я ему не позволю. Внутренний го-

лос шепнул, что этих пирожков ему на один зуб, и с гораздо большим удовольствием он полакомился бы человечинкой, но я отмахнулась от него, как от мухи. Его волчье высочество только с виду грозный.

Меня переполняло лихорадочное возбуждение, и, если еще недавно я чувствовала себя разбитой, то сейчас силы и решимость вернулись. Поддаваться слабости нельзя, нельзя позволить страху собой руководить. Ни Торн Глоуд с дядюшкой, ни Робби с охотниками, ни колдовство не смогут мне помешать. Собираясь покинуть комнату, я мельком взглядела в зеркало – из отражения на меня взидала одновременно знакомая и чужая девушка. Я как будто повзрослела – в глазах больше не было той робости с налетом мечтательности, которые были свойственны мне всю жизнь.

Утром, увидев кровь на снегу, я поняла, что страшно боюсь снова потерять кого-то близкого. Семь лет назад, в такую же зиму, я лишилась родителей – тогда в окрестностях бушевала инфлюэнца. От меня ничего не зависело, я ничего поделать не могла – только плакала, уткнувшись лицом в подушку и желая впасть в сон, где нет ни боли, ни смерти, а наша семья снова вместе.

В этот раз от моего решения зависит многое. Длинный день продолжается – я снова войду в лес, даже если мне придется туда добираться ползком, чтобы скрыться от зорких глаз охотников и вездесущего Робби.

И вдруг я устыдилась – бедная моя бабуля! Снова застав-

лю ее поволноваться, но она должна меня понять. Она всегда меня понимала. А миссис Беркинс? Придется попросить ее побыть с бабушкой, пока я не вернусь. Главное успеть до ночи, иначе что подумает обо мне эта почтенная женщина?

Ох, не все ли равно? После того, как меня чуть ли не полгорода стали называть волчьей невестой, мне стыдиться уже нечего.

***

Пушистые снежинки мягко ложились у входа в нору. Повинуясь порывам ветра, они нет-нет да и залетали внутрь, оседали на шерсти и превращались в прозрачные бусины.

Я смотрел на эту умиротворяющую картину, на мелькание белых мушек перед глазами, и пытался отрешиться от собственного тела – но тщетно. Казалось, лапу пилят тупой пилой час за часом, никак не желая заканчивать эту пытку. Я переоценил свои силы и едва доковылял до убежища, улегся на мерзлую землю, как вдруг в поле зрения попала перчатка. Втянул носом ее запах – сырость и волчья шерсть, ничего больше. Никакого напоминания о том, кто когда-то ее владелец был человеком.

Может, ну ее, борьбу эту? Ради чего мне и дальше топтать землю, если единственный способ снять проклятье может оказаться губительным для человека, что стал для меня дороже всего на свете.

И все же... Увидеть бы ее еще хоть разок, услышать голос. Интересно, что она делает сейчас? Я вел себя так паршиво,

хотел ее запугать, чтобы бежала в слезах прочь, чтобы забыла и думать о дружбе с чудовищем, но она в очередной раз удивила меня своей храбростью и добротой.

Еще какое-то время я баюкал лапу, вылизывал ее до тех пор, пока не перестала сочиться кровь, а потом просто свернулся калачиком и провалился в болезненную дрему без сновидений.

***

– Ваше высочество...

На миг, на одно короткое, как взмах ресниц, мгновение, мне снова показалось, будто я во дворце – взгляд слепит позолота и белоснежный камень, звучит музыка, а меня кто-то зовет по имени.

Реальность обрушилась на голову, как гром. Встряхнувшись, я понял, что лежу в своей тесной холодной норе, снаружи танцует снег, а прямо передо мной...

– Ты жив! – Роза облегченно вздохнула, а я чуть не застонал. Опять пришла, рискованная девчонка!

Она, согнувшись, протиснулась в нору и села у входа, подогнув под себя ноги – места двоим здесь явно маловато. Я рыкнул для порядка, но тут нюх уловил потрясающий аромат домашних пирожков... Они что, с капустой?

В ответ на умопомрачительный запах желудок голодно заурчал, и я почти бездумно ткнулся носом в корзинку.

Роза усмехнулась и выложила передо мной шесть – надо же, целых шесть! – пирожков с румяными хрустящими боч-

ками.

Эх, если бы еще и с мясом... Ладно, и с капустой тоже неплохо.

Умирать почему-то расхотелось, и я сам не заметил, как умял все угощение. Розы все это время ласково чесала меня за ухом, а потом велела показать ей лапу. В корзине у нее была ткань и горшочек с какой-то вонючей дрянью, которой она щедро смазала оставленные капканом раны. От боли я вздрагивал и приглушенно рычал – это происходило почти неосознанно, но я бы лучше себе хвост отгрыз, чем позволил себе укусить ее.

– Приятного аппетита, ваше высочество.

Значит, не послышалось. Она и правда меня так называет.

Я накрыл морду здоровой лапой и издал совсем несолидный скулящий звук, но Розы успокаивающе погладила меня по голове.

– Ты мне так и не ответил, тебя Эриком зовут? Просто кивни, если да.

Я кивнул с неохотой. Все-таки волчья шкура – не самый лучший наряд для встречи с понравившейся девушкой. Стыд-то какой...

Тем временем, на ее хорошеньком свежем личике отразилась грусть. Она вздохнула, повозившись, нашла более удобное положение и обхватила колени руками.

– Тебя заколдовали?

Еще один кивок.

– В этом замешан тот человек из моего сна? Ну, помнишь, я тебе рассказывала... Тот калека в синем костюме...

Она еще что-то говорила, но я почти перестал слышать – рассудок затуманила ярость, стоило лишь вспомнить... Рупперт. Изменник, предатель, узурпатор! И его мерзкая ведьма – жена.

Кажется, я зарычал, потому что Розы вздрогнула.

– Прости, я не хотела тебя расстраивать, она взяла меня обеими руками за морду и повернула к себе.

Смотрела долго, пристально, сведя брови на переносице, будто на что-то решаясь.

– Волчок... То есть Эрик... То есть ваше величество... Ты не удивляйся, пожалуйста, но я сейчас попробую тебя расколдовать. Это самый верный способ, так во всех сказках пишут.

И она быстро, не давая себе шанса передумать, зажмурилась и чмокнула меня прямо в нос.

***

Какой мокрый! Я отшатнулась, дав в себе желание как следует потереть рот рукавом, и с надеждой уставилась на волка. Казалось, его глаза, округлившись и совершенно огалтельные, наполнило неотмирное зеленое свечение. А потом он моргнул и...

Оглушительно чихнул.

Поняв, что ничего у меня не получилось, я горестно застонала, а потом расхохоталась. Я смеялась до тех пор, по-

ка Волчок с недовольным ворчанием не ткнул меня носом в бок.

– Ну ладно, ладно... Прости меня, Эрик, больше не буду, – я миролюбиво выставила руки ладонями вперед.

Его имя... Оно прозвучало из моих уст так непривычно, так мягко, так странно. И странно было поверить, что этот лесной зверь и не зверь вовсе.

– Кажется, я ошиблась... Но ты не знаешь, можно ли как-то снять твое проклятье?

Волчок помотал лохматой башкой и отвернулся. Устроил морду на лапах и закрыл глаза.

Да уж, расколдовывать принцев – явно не мое. Как и убеждать.

– Сдается мне, ты меня обманываешь, – заметила я и пригрозила пальцем. – Ты можешь доверять мне. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе.

Он поднял голову, с грустью поглядел мне в глаза и проскулил. Сколько же ему пришлось пережить, бедному? Я не могла даже представить – каково это. Каково лишиться человеческого обличья, крова над головой, будущего... А ведь он должен был стать королем.

Я отвернулась, будучи не в силах выносить этот взгляд и не желая унижать его излишней жалостью. Все-таки он – мужчина.

Снаружи танцевали снежинки, холм был укрыт белым покрывалом, словно ватой, а озеро внизу исходило паром.

Вспомнилось, как мы ходили тропой над оврагами, мимо волчьего логова и меж кривых сосен. Тогда я еще не знала, что передо мной принц, а он, тем временем, являлся мне во снах.

– Ты должен подсказать мне, что нужно сделать. На кону судьба твоего королевства, ты ведь не хочешь, чтобы тот ужасный человек остался безнаказанным? – продолжила я тихо, всматриваясь в сизое зимнее небо.

Способ помочь моему другу существует. Как же иначе?

Но, как бы я его не увещевала, Эрик старательно игнорировал все расспросы и просьбы, чем едва не довел до белого каления. Потеряв терпение, я схватила его за морду и заставила посмотреть себе в глаза. И откуда только смелость взялась – так беспардонно обращаться с хищником, в котором, несмотря на человеческий разум, все равно сильны звериные инстинкты.

– Теперь, когда я знаю правду, я тебя не оставлю. Не думай, что я отступлюсь и все забуду.

Он тихонько заурчал, а потом положил голову мне на колени – соскучился по ласке.

– Ну что мне с вами делать, ваше волчье величество?

Он хмыкнул и подозрительно сощурился – явно не в восторге от данного мной титула. Эта милая серьезность растопила мое сердце, превратив его в кипящее масло, и я с улыбкой прижалась щекой к его макушке, почесала спинку.

– Все будет хорошо, верь мне. Скоро волшебная новогод-

няя ночь, мы с тобой отправимся к Сердцу Леса, вылечим сначала его, а потом тебя.

Я и правда на это надеялась.

Возвращалась я в город, когда небо совсем нахмурилось – тяжелые зимние сумерки подкрались незаметно, а потом со всего размаху набросили на мир темно-синее покрывало. На небо даже звезды высыпали – мелкие, как крупа. Мороз схватил влажный пушистый снег, заставив его оглушительно хрустеть под ногами – от этого казалось, будто нас слышно далеко вокруг.

Волчок хромал следом, провожая и следя внимательным взглядом по сторонам. Он был слишком упрям и горд для того, чтобы остаться в норе и отпустить меня одну, как бы я его не убеждала. Это было даже приятно, внутри меня как будто зажгли маленькую лампу, и пламя ее начинало плясать каждый раз, стоило встретиться взглядом с моим лохматым другом.

– Все, дальше не ходи, – велела я ему, а потом добавила уже мягче: – меня и так волчьей невестой называют. Представляешь, что будет, если нас увидят вместе?

Он дважды чихнул, выражая свое негодование, но остался на месте – следил за тем, как я ухожу. Именно сейчас я вдруг почувствовала холод одиночества, поддалась порыву и обернулась – в темноте мигнули два зеленых глаза. Удастся ли завтра навестить Эрика? Ему ведь надо будет перевязку

сделать.

Увлеченная этими мыслями, я не сразу почувствовала запах гари, а, когда небо над городом окрасило розовато-алое зарево, под одежду будто бы пробралось что-то холодное и склизкое и стиснуло грудь.

Не обращая внимания на гудящие от усталости ноги, я побежала по улице, что было сил. Страх гнал меня, как стая голодных псов, разум пытался убедить в глупости такого поведения, но сердце кричало об опасности.

А впереди шум, гам, толчея и море людей. Я в ужасе протискивалась мимо знакомых и незнакомых лиц – они смотрели, разинув рты, и даже не пытались меня задержать.

Я не видела ничего, кроме дыма, столбом взвившегося к небесам. Не слышала ничего, кроме треска пламени и шума ломающихся балок.

Все было охвачено огнем – он быстро и безжалостно пожирал наш старый дом.

Глава 37. Из огня да в полымя

Старый Уильямс потом рассказал, что видел Робби крутящимся возле нашего дома.

– И взгляд у него был такой... ошалелый, – он возбужденно махал руками, едва не подпрыгивая на месте, и таращил глаза. – Робби и раньше-то был с придурью, а вчера... Ох, не знаю, как сказать. Как будто вело его что-то... Как будто чья-то воля.

Следователь, длинный и сухой, как жердь, меланхолично кивал и записывал его слова в блокнот. Было видно, что эта работа ему надоела до чертиков, и все, о чем он мечтает – это прийти домой и, сбросив тяжелые армейские сапоги, растянуться на диване перед камином.

Пытаясь вспомнить остальные события вчерашней ночи, я натыкалась то на провалы, то на стены. Единственное, что запомнила – как рвалась за ворота, ведь в бушующем огне осталась бабуля...

Еще помню, как кричала, как слезы застилали взгляд, а ноги подгибались от ужаса. Кто-то схватил меня в охапку:

– Стой! Ты погибнешь! – кричали прямо в ухо.

А я остервенело лягалась, дергалась и пыталась укунить держащую меня руку – она сжимала все крепче и крепче, так, что вскоре перестало хватать воздуха. И я провалилась куда-то в пространство без звуков и образов.

В себя меня привел резкий запах нюхательной соли – сердобольная тетушка, чьего имени я не помнила, водила склянкой у меня под носом и беспрестанно причитала. Полисмены разогнали зевак, и улица почти опустела, больше никто не толпился. Взметнувшись на ноги и едва не упав от слабости, я хотела кинуться к дому, но женщина меня удержала:

– погоди, детка, не ходи туда.

– Там... Там... – я не могла говорить. Холод сковал каждую клеточку моего тела, стиснул шею ледяной рукой – я задыхалась. Слезы потекли по щекам, закапали на грудь... И в момент, когда я подумала – лучше бы мне было погибнуть там, под рухнувшей крышей нашего старого дома, я услышала знакомый голос.

Вскинула голову, пытаюсь проморгаться.

– Розы! Розы-и!!

В расстегнутом пальто, в кое-как накинутом платке, ко мне спешила миссис Беркинс. Она дышала тяжело и сбито – возраст и комплекция не способствовали пробежкам.

Я застыла, как вкопанная, не в силах даже разомкнуть губ. Она едва не смела меня, потом сжала в объятиях и притиснула к своей груди.

– Я как слышала... – она пыталась отдышаться, – так сразу сюда...

– Моя бабушка...

Беркинс охнула и торопливо заговорила:

– Да жива твоя бабуля, жива! Мы с ней незадолго до того, как все началось, вышли прогуляться в сад, а потом я предложила ей сходить в лавку, мне нужно было купить чесночных булочек и колбасы. Матильда захотела размяться перед сном – ей это полезно...

Дальше я не слушала. Тело как будто в кисель превратилось, а голову наполнила небывалая легкость – я выскользнула из рук миссис Беркинс, и все вокруг погасло.

***

И вот сейчас я сидела в маленькой кухне миссис Беркинс, грея руки кружкой ароматного ромашкового чая и пытаюсь привести себя в чувство. Я не спала всю ночь – сидела у бабулиной постели и вслушивалась в каждый вдох, боясь, что именно он окажется последним. Старушка так разволновалась, что у нее разболелось сердце – пришлось вызывать врача. Конечно, о сне можно было забыть.

Да и не уснула бы я все равно – я чувствовала себя туго сжатой пружиной, которая вот-вот выстрелит. А стоило закрыть глаза, как перед внутренним оком вставали картины пожара – ярко-желтые с багряным отливом языки пламени, голодные и яростно лижущие стены и крышу; искры во все стороны и клубы дыма – едкого, черного. Это зрелище отпечаталось у меня в памяти, будто кто-то выжег его каленым железом – не забыть, не стереть. И острое чувство – будто с мясом вырвали дорогую страницу из жизни, оставив меня совершенно беспомощной.

В прихожей послышалась возня, и в кухню заглянула усталая миссис Беркинс – она тоже не спала всю ночь. Эта добрая женщина и ее муж приютили нас с бабушкой у себя, ведь нам некуда было идти.

– Розы, там... – начала она, и тут я отчетливо услышала знакомый голос.

Причитания дядюшки долетали даже сквозь стену, и как наяву я видела театрально заломленные руки и искаженное мукой лицо.

– Плакали мои денежки! Нет, ну скажите, как так-то? Как так?

Миссис Беркинс сочувственно покивала и поспешила ретироваться. От греха подальше.

– А-аа, вот и ты! – растрепанный дядя Джеймс влетел в кухню, чуть не споткнувшись об порожек.

Я не ожидала, что весть о происшествии настигнет его так рано – обычно он находился в разъездах, менял съемные квартиры, как перчатки, или жил у своих многочисленных друзей и женщин.

– Здравствуйте, дядюшка, – произнесла я, сама от себя не ожидая такого спокойного и равнодушного тона.

Он тараторил на меня несколько мгновений, а потом ткнул в мою сторону пальцем:

– Это все ты виновата! Это все из-за тебя!

Я пожала плечами. Видя, что я не оправдываюсь, не плачу, не пытаюсь защититься, он начал все сильнее распалывать-

ся – щеки покраснели, глаза сощурились:

– Вечно от тебя одни проблемы, бедоносная ты девчонка! Я подозреваю, что это ты сговорила с тем полоумным, что дом поджег! Не хотела, чтобы я его продавал, вот и подложила мне такую свинью! – его голос взлетел на октаву, аж в ушах зазвенело.

– Слышали бы вы себя со стороны, дядя, – я отхлебнула из кружки. – Может, вам чаю успокоительного заварить?

Он едва не зарычал и стал нарезать круги по кухне, а я недоумевала, как могла раньше бояться этого человека. Он ведь жалок. И глуп. Какая несправедливость, что от него зависело мое будущее. Разве я сама не смогла бы распорядиться собой? Но нет... Он – мой единственный оставшийся в живых родственник-мужчина, мой заступник, наставник, хозяин, почти святой. Даже бабушка не имела такого веса, как он.

– Она еще и издеваться смеет... Управы никакой нет... Скажи на милость, что за глупости про тебя болтают? «Волчья неве-еста, волчья неве-еста...», – перекирлял он кого-то и хлопнул ладонями об стол прямо передо мной. – И что там за дело с Робби? Ты вообще была в курсе, что он внук городского управляющего?!

– Кстати, его не нашли? – поинтересовалась я холодно. Этой ночью вместе с домом будто бы сгорели мои чувства – злость, досада, непонимание. Осталось мертвое пепелище и отголосок грусти – как легкий ветерок.

Это и к лучшему. Ведь если думать о случившемся постоянно – сойду с ума.

– Нет... Не нашли, – дядя махнул рукой, дескать, о чем я тут толкую. – Вроде как сгорел вместе с домом, не успел уйти. Полоумный... Туда ему и дорога. Надо же, каков гаденьш!..

И дядюшка Джеймс снова начал плакаться по поводу пропавших денег. Оказывается, он уже успел договориться с Кротом о продаже. Его горе было таким глубоким и неподдельным, что в театре его талант встретили бы бурными овациями.

– И вообще, где тебя носило в этот момент?! – снова обратился он ко мне.

– В лесу была.

В ответ дядя нервно рассмеялся.

– Ха-ха! Не смешно, между прочим... – он хотел схватить меня за плечо, но я отшатнулась. – Я не знаю, кто распустил о тебе эти дурацкие слухи, но чтобы больше я их не слышал! Не хочу, чтобы моя репутация страдала из-за какой-то глупой девчонки, – он поджал губы и окинул меня критическим взглядом. – Торн выслал денег, сегодня я сниму вам с бабушкой дом, поживете там до свадьбы. Я бы, конечно, уже сейчас отправил тебя к жениху, но... Но ладно. Хотя бы видимость приличий надо соблюсти. И не смотри на меня так! – он пригрозил пальцем. Руки его, не знавшие тяжелого труда, были затянuty в белоснежные перчатки. – Люси то-

же с вами поживет, заодно проследит, чтобы ты не наделала глупостей... И, если ты попросишь ее достаточно вежливо, то обучит тебя, как правильно нужно улаживать мужа. Она в этом больша-ая мастерица, – и подмигнула похабно.

– Какой вы мерзкий, – выдавила я, чувствуя, как глубоко в душе злость поднимает голову. – И подачи Глоуда мне не нужны, мы с бабушкой останемся у миссис Беркинс.

– Даже не обсуждается, – отрезал он. – Ты плохо знаешь Торна, милочка. Нельзя плевать в руку помощи, иначе эта рука может однажды сомкнуться на твоей шее.

Он ушел, хлопнув дверью и оставив меня переваривать эту новость. А последние слова его еще долго звучали у меня в голове.

Глава 38. Переезд

Я застыла напротив того, что еще недавно было нашим домом. Черные обугленные стены, обвалившаяся крыша, провалы окон, будто распахнутые в немом крике рты. И все, абсолютно все, что напоминало о прошлом, превращено в пепел – библиотека со старыми книгами, бабушкино кресло-качалка, мои детские игрушки и три чудесных платья, одно из которых – подвенечное. Сердце тоскливо сжалось от воспоминаний о лавке тетушки Лаванды – тогда, в наполненные добрым волшебством мгновения, я позволила себе мечтать, как однажды предстану перед алтарем с любимым мужчиной. А сейчас и платье, и мечты рассыпались прахом.

За что Робби так со мной поступил? Неужели я заслужила такую лютую ненависть – ведь он догадывался, что и я, и бабушка могли быть дома и сгореть! Он ведь клялся забыть о том, что было в лесу. Но, как оказалось, иногда слова стоят меньше самого ржавого меда.

Холодный ветер разметал полы алого плаща и укусил за лодыжки – я поежилась и переступила с ноги на ногу. Прохожие кидали на меня то жалостливые взгляды, то любопытные, кто-то глядел с откровенным осуждением. Но заговаривать не смели.

А еще я с неудовольствием осознала, что снова начала бояться. Чувствовала – боевой настрой, воля, смелость лома-

ются, как старое дерево в грозу, и отчаянно пыталась залатать дыры в своем самообладании. Помогали держаться мысли об Эрике – если уж он не сдался, то не сдамся и я. Мой отважный волк сможет побороть свое проклятие, а я – свое.

Миссис Беркинс предлагала нам остаться у нее, но после долгих раздумий я решила все-таки съехать. Смотря на нее и на ее доброго мужа, я видела пожилых усталых людей, далеко не богатых, живших в маленьком домишке, и стало как-то совестно садиться им на шею вместе со старой беспомощной бабушкой. Зная характер миссис Беркинс, я бы уверена – она будет суетиться вокруг нас и искать малейший повод помочь, поэтому стало совестно стеснять их и обременять своими проблемами.

Конечно, принимать помощь Торна Глоуда хотелось еще меньше, но я убеждала себя, что это не надолго, и пойти на это стоит хотя бы ради бабули. Впрочем, она была так расстроена и раздавлена случившимся, подкошена слабостью, что не нашла сил меня отговаривать. Сказала лишь: «Он потребует вернуть долг».

Что ж, потребует так потребует. Я что-нибудь придумаю.

К вечеру мы перебрались в снятый дом на тихой и уютной улочке – маленький, как будто кукольный. Сошедший с новогодней открытки.

Внутренний двор был заметен сугробами, среди них притаилась маленькая елочка со светло-зелеными юными игол-

ками, что выглядывали из-под снежных шапок. Острая вер-хушка доставала мне до плеча. Может, стоит нарядить ее, чтобы создать хоть иллюзию праздника? Новый Год меньше, чем через неделю. Стоило только об этом подумать, как внутренности сжались от волнения.

– Розы! Где тебя опять носит?! – тишину и спокойствие вспорол голос дяди Джеймса.

Я обошла вокруг дома – он стоял на пороге под руку с Лю-синдой. Голова ее была покрыта модной широкополой шляп-кой нежно-сиреневого оттенка, руки она прятала в такого же цвета муфту. Крашеный мех? Ни разу такого не видела.

Пока я разглядывала одеяние женщины, в ворота зашли еще двое. Он – здоровяк с квадратным подбородком и ши-рокими плечами, тащил за ручки два набитых до отказа че-модана. Она – суровая и надменная женщина с покраснев-шимися от мороза щеками и туго затянутыми в пучок воло-сами. Высокая и худая, та немного смахивала на цаплю.

– Глоуд также прислал тебе двух слуг, – дядя кивнул в сторону вошедших, и они представились, как Берта и Гэрри – жена и муж. – Он весьма любезен, не находишь?

– Я бы сама справилась...

– Ой, помолчи! – он махнул рукой и соорудил недоволь-ную гримасу. – Справилась бы она. Знаю я, как ты со всем справляешься. За домом вон не уследила, что какой-то недо-умок его спалил по дурости или по пьяни.

Я не стала спорить – не было сил выслушивать этот сло-

весный поток.

К счастью, дядюшка пробыл с нами недолго – вскоре упорхнул, напевая: «Дела, меня ждут великие дела!».

За обустройством временного жилища время пролетело незаметно. Немало удивило то, что один из чемоданов оказался моим – внутри лежали платья и белье, присланные Торном Глоудом. Весьма щедрый дар – и от осознания того, сколько все это могло стоить, сделалось неловко. Впрочем, он не передал даже записки, не справился о самочувствии, что подтверждало – Глоуд притворяется хорошеньким только для галочки, как-никак, я – его будущая жена. Ну, он так думает...

Я тут же одернула себя. Неужели только что я действительно почувствовала что-то вроде... обиды? Что он не проявил именно человеческого внимания и участия к моей беде, предпочтя откупиться деньгами?

Какая глупость! С какой стати я вообще об этом подумала? Когда все закончится – а я продолжала верить, что свадьбы удастся избежать – я просто поблагодарю его, а со временем возьму все расходы.

Бабуля легла спать, когда на улице стемнело, и фонари осветили двор мягким бледно-золотистым светом. Доктор велел ей принимать сердечные капли каждые шесть часов, и, к нашей общей радости, они помогали – сердце перестало донимать.

А я, выглянув на улицу, решила, что идти в лес по тем-

ноте, да после бессонной ночи – чистое самоубийство. Тем более внизу шуршали Берта с Гэрри, а Люсинда то и дело стреляла по сторонам своими зоркими глазами. Поэтому я просто удалилась в спальню на втором этаже и все ходила вокруг чемодана, не решаясь надеть ничего из обновок, но одежда моя требовала стирки, поэтому я выбрала удобное домашнее платье из тонкой зеленой шерсти и теплую накидку в тон. Поглядела в зеркало...

– Нравится?

Я не заметила, как она вошла, поэтому вздрогнула. Не то, чтобы я всерьез опасалась Люсинды, просто общение с ней делало меня какой-то... беззащитной? Словно она – опытная хищница, а я – глупая молодая трясогузка. Даже черты лица ее были хищными, но, несомненно, мужчины находили таких, как она, красивыми. Яркий ядовитый цветок – вот кого она мне напоминала. А еще эта красная помада!

– Красиво, – я отвела взгляд, давая понять, что не настроена на болтовню.

А женщина бесцеремонно подошла к чемодану и, присвиснув, выудила оттуда тонкую шелковую рубашку.

– Какая роскошь! – глаза ее зажглись восторженным огоньком.

– Я не буду это надевать.

– Да брось! – она поглядела на меня, как на дурочку, и достала что-то вроде панталон. Только очень маленьких и почти прозрачных. – Ничего себе! Ты просто обязана их при-

мерить.

И рассмеялась.

– Положи! – я выдернула из ее цепких пальчиков неприличный клочок ткани и засунула его на самое дно чемодана. Внутри разгоралось раздражение. Не позволю над собой насмеяться!

Люсинда пожала плечами и опустилась на стул, закинув ногу на ногу. Кажется, ей сделалось скучно, вот она и пришла поболтать, сочтя меня лучшей собеседницей, нежели ворчливая и надменная Берта.

И тут я вспомнила, какой она становилась, думая, что никто не замечает – будто стирается наигранное жеманство и поверхностность.

– Люси... – начала я осторожно.

– М? – она откинулась на спинку и взметнула бровь. – Хочешь меня о чем-то спросить?

Несколько мгновений я думала – стоит или нет? Но другого шанса у меня может и не быть.

– Расскажи мне всю правду о Торне Глоуде! – и, сложив ладони у груди, вежливо добавила: – ... пожалуйста.

Глава 39. Откровения Люсинды

– Что именно ты желаешь услышать? – уголки ее пухлых соблазнительных губ приподнялись. – «Все» – слишком широкое понятие.

Я замялась. Нервничая, сцепила пальцы и присела на кровать. Она, видя мое смятение, лишь снисходительно посмеивалась.

– Чем он занимается? Мне кажется, он... Говорят, что его деньги нажиты грязным путем.

– Тебя это так волнует?

– Да! – выпалила я. – Я чувствую, что он опасный человек, с ним лучше не связываться. А стать его женой – это как подписать себе смертный приговор.

– Ты уверена, что хочешь знать? Иногда лучше жить в счастливом неведении. Ты станешь богатой, когда выйдешь замуж за Глоуда, у тебя будет в десять раз больше одежды, чем в этом чемодане.

Я решительно кивнула. Конечно, вещички хороши, даже очень, но они не заставят меня передумать.

– Расскажи все, что тебе известно, Люси. В том числе, что стало с двумя его женами.

Нет, конечно, я не думала, что он – Синяя Борода, но как-то все это подозрительно. Интуиция не даром кричит об опасности, а своему внутреннему чувству я всегда доверяла.

Люсинда повернула голову к окну и, не глядя на меня, заговорила. Тусклый фонарный свет рассеивал ночную дымку и мягко скользил ее лицу. А я чувствовала, как с каждым ее словом холод ползет от моих лодыжек все выше и выше, обвивая ноги, точно большой склизкий змей.

– Начну, пожалуй, издалека. Я родилась в портовом городке на юге страны. Моей матерью была женщина из квартала Красных Фонарей, я ее не помню – она умерла, когда я была совсем крохой. Меня поместили в приют – ужасное местечко... – Люсинда повела плечами и скрестила руки под грудью. Лицо ее сейчас напоминало безэмоциональную маску. – А в четырнадцать лет выгнали. Я попала на текстильную фабрику, жила в бараке, в грязи и тесноте вместе с остальными девочками, а хозяин всячески издевался над нами и... и много чего еще. Вспоминая те времена, я жалею, что у меня не хватило смелости убить его.

От этих ее слов, от тона, каким это было сказано, у меня перехватило дыхание. Словно в комнате резко закончился воздух.

– Однажды я не выдержала и сбежала. Передо мной было несколько путей: пойти по стопам матери и умереть от дурной болезни, выйти замуж за какого-нибудь бедняжка – а кто еще позарится на безродную сиротинушку – и умереть от очередных родов, либо снова устроиться на работу, где абсолютно любой смог бы по мне протоптаться, ведь заступиться за меня было некому, – она повернулась ко мне и,

глядя прямо в глаза, спросила: – что бы выбрала ты?

Я растерялась, забыла все слова. Каждая из перспектив была по-своему печальна, и, представляя себе молоденькую нищую девчонку с копной черных кудрей, обозленную, рас-терянную, мне было искренне ее жаль.

– Здесь не из чего выбирать, – тихо ответила я и отвела взгляд.

Люси кивнула.

– Вот именно. Но вскоре произошла встреча, которая перевернула мою жизнь – я познакомилась с Торном Глоудом. Да уж, знаменательная вышла встреча, – она хохотнула и продолжила. – Я пыталась его обокрасть, но попалась... Честно, испугалась до смерти, уже представляла, как он волочет меня в тюрьму, а там мне дают плетей за воровство. Но он повел себя совершенно иначе... Он предложил работать на него.

– Работать? Кем? – спросила я, и внутри зашевелилось подозрение. Как-то не верилось, что Торн сжалился над бедной сироткой и решил помочь ей только из человеколюбия.

Люсинда снова погрузилась в воспоминания – глаза подернулись дымкой, она больше не смотрела на меня.

– Торн владел весьма приличным домом терпимости, куда наведывались исключительно толстосумы – он позвал меня туда работать. Я решила, что это лучше, чем умереть в грязи от голода или развлекать пьяную матросню, – на последних словах она брезгливо поморщилась, и ее холеное личи-

ко сделалось отталкивающим. – Я назвалась Люсиндой, выбросила из памяти прежнее имя, чтобы ничто не связывало меня с прошлым...

– Сколько тебе было лет?

– Четырнадцать. Почти пятнадцать.

– Ты была совсем ребенком!

– Чему ты удивляешься? Были девочки и младше. И даже мальчики. Чем раньше начнешь, тем больше успеешь зарабатывать, – она усмехнулась и откинула за спину копну черных кудряшек.

Мне оставалось поражаться, с каким цинизмом она говорила об этих жутких вещах. Но Люсинда не подозревала, наверное, как холодел ее взгляд, когда она пыталась заморозить свои истинные эмоции. Выстраивала вокруг себя броню, нарочно смеялась, чтобы ничто и никто не смогли ее ранить. Даже она сама.

– Я решила продать себя как можно дороже. Я бы не пошла надрывать спину от зари до зари, ждать, пока руки распухнут от работы, а лицо покроется морщинами, в которые вьется несмываемая грязь, – она вытянула вперед правую руку, словно любясь изящной кистью, и пошевелила пальцами. – Красота и молодость проходят быстро, иногда и глазом моргнуть не успеваешь. И единственное, что имеет ценность в нашем шатком и непостоянном мире – это деньги. Когда я скоплю достаточно, то куплю себе маленький домик на берегу моря и поминай, как звали. Никаких мужчин, ни-

каких проблем.

– Ты не виновата, – выпалила я, чувствуя, как с каждой минутой сердце стучит все быстрее и быстрее. Я не могла до конца понять, чего во мне больше – жалости или злости. – Это все Торн... – это имя я выдавил через силу, отныне оно было мне противно. -... он тебя совратил.

– Я могла и отказаться, – пожалала плечами Люси. – Но я согласилась. Кого-то толкают в такие места насильно, но я пошла туда по своей воле. Чтобы взяться за такую работу внутри должна быть... – она нахмурилась, пытаясь подобрать подходящее слово. -... должна быть червоточина. Если есть маленькая такая червоточинка, не больше булавочной головки...

– Хватит, перестань.

– Что, неприятно слушать? Ты ведь вся такая правильная, такая чистенькая, – улыбка ее сейчас была похожа на издевательский оскал.

– Невозможно слушать, как ты мешаешь себя с грязью, будто от этого тебе становится легче.

Протяжный выдох слетел с ее губ, и женщина устало опустила веки.

– Только не надо меня жалеть, хорошо? Себя лучше пожалей.

Я встала с кровати, медленно прошла к окну и, сдвинув штору, присела на подоконник. Так я лучше видела лицо Люсинды... или как ее зовут по-настоящему? Не любила разго-

варивать, когда на меня не смотрят.

– Говори дальше, пожалуйста. Что там с Торном, что с его женами?

И она продолжила:

– Сейчас, спустя почти десять лет, ему принадлежит несколько десятков домов для утех по всему королевству. Некоторые из них весьма... специфичны. Для людей с особыми пристрастиями, – она выделила последние слова, и меня захлестнула волна отвращения.

– Я уже догадалась, – я сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как ногти врезаются в ладони. – Но почему все молчат? Почему никто ничего не делает?

– Те, кто мог бы с ним что-то сделать, сами являются постоянными клиентами его домов. И связываться с таким человеком себе дороже.

Невозможно! Или просто я всегда жила в своем собственном мире, бежала в него, пытаюсь скрыться от неприглядной действительности? Ведь это все творится буквально у нас под носом.

– Ты все еще на него работаешь, Люси? – спросила приглушенно.

– Нет, я уже слишком стара, – она усмехнулась. – За время, проведенное в его доме терпимости, я обзавелась выгодными знакомствами, и теперь я ношу меха и золото, а мужчины исходят слюной, глядя мне вслед. Я умею поддержать разговор, почесать мужское самолюбие, украсить вечер. Я на-

училась читать, петь и музицировать, я разбираюсь в моде, путешествую и ни с кем надолго не задерживаюсь.

– А как же дядя Джеймс? Мне казалось, ты влюблена в него.

– В Джеймса? – ее темные, идеально выщипанные брови взлетели вверх. – С ним бывает весело, но он такой же болван, как и все остальные. Симпатичный, правда. Не старый, не толстый. Но редкостный транжира и мот.

Видя, как меня подергивает от отвращения, Люси улыбнулась.

– Он мне уже надоел. Слишком много себе позволяет.

Думать и говорить о дяде мне совершенно не хотелось. Но сознавать, что это платье, так нежно облегающее тело, как и все остальные вещи, куплены на деньги, добытые вот таким... возмутительным способом, было еще тяжелее.

Я оттянула ворот, словно мне не хватало воздуха. Ничего... Надо только немного потерпеть, и все изменится. Я ни за что не останусь вот такой бессильной слабачкой и клушей, как сейчас.

– Не понимаю, почему он захотел жениться именно на мне? – озвучила я давно терзавший меня вопрос. Да, Глоуд мне на него отвечал, но как-то неубедительно.

– Он давно хотел связать себя узами с девицей из дворянского рода. Можно расценивать это как его маленький каприз, еще одну ступень, которую он хочет преодолеть.

– И все же...

– Глупая, еще не догадалась? – в тоне Люсинды проскользнуло раздражение, и она подалась вперед, впиваясь в меня цепким взглядом. – За тебя совсем некому заступиться, у тебя нет родственников, которые могли бы тебя от него защитить. Старушку в расчет не берем, а Джеймс – его друг, он готов есть с руки Торна, и в любом случае закроет глаза на все, что он решит с тобой сотворить. Захочет – будет бить, захочет – с друзьями поделится...

– Поделится?.. С друзьями? – наверное, в этот момент мои глаза превратились в два шарика и полезли на лоб.

Люсинда нахмурилась.

– Ходили такие слухи в наших кругах... Первая его жена после этого отравилась, не вынеся позора. А вторая была дурнушкой, на которой он женился ради богатого приданого. Через год после свадьбы она неудачно выпала из окна.

Я обхватила себя руками, борясь с дрожью. В комнате не было холодно, я мерзла изнутри – кровь как будто застыла и превратилась в вязкий холодный кисель.

А Люси, между тем, продолжала:

– И теперь, когда деньги больше не являются его основной целью, он решил заполучить титул при помощи молодой наивной девочки, а ты так некстати подвернулась под руку. Он сломает тебя и выбросит, как ребенок надоевшую игрушку. В этой жизни он и пробовал уже все, в попытке получить новые ощущения он все сильнее ожесточается.

Она этого не говорила, но я видела – Люсинда тоже боится

этого человека.

– Я знаю, кто найдет на него управу, – процедила я. – Кто не испугается, кого он не сможет купить или задобрить.

– И кто это? Сам король? Ой, у нас ведь пока нет короля, только регент...

Она не верит. Ничего.

– Я не вру! Я действительно знаю такого человека.

Ну ладно, не совсем человека.

Люсинда встала и потянулась. Поглядел на меня в упор.

– Знаешь, я бы, может быть, помогла тебе бежать... Но что делать со старушкой? Она не выдержит длинную дорогу, а Торн не любит проигрывать. Он тебя все равно найдет.

– Я не буду бежать, – я упрямо мотнула головой и, преодолев разделяющее нас расстояние, взяла ее за обе руки. – И не прошу тебя мне помогать. Просто не мешай, ладно?

Я чувствовала пряный аромат корицы, исходящий от ее волос, и с надеждой смотрела в глаза. Она кивнула, поджав губы.

– Как твое настоящее имя?

Люсинда высвободила руки и растерла кисти – кажется, я сама не заметила, как сделала ей больно.

– Это уже и не важно.

Когда она оставила меня, я вновь повернулась к окну и коснулась лбом холодного стекла. Бездумно уставилась в царящий за окном полумрак.

Снежные хлопья танцевали в свете фонарей, а мне чуди-

лось, будто в саду мерцают два зеленых глаза.

Глава 40. За забором

Этой ночью мне снился сплошной сумбур – из залитого медовым светом дворца с нескончаемыми переходами я попала в укутанный сумерками лес – уродливые деревья тянули ко мне свои хищные ветви, а сверху за всем этим наблюдали вороны – их глазки бесстрастно взирали на меня, замечая каждое движение. Шипастые побеги стелились по земле, оплетая все, до чего могли дотянуться, а в голове моей звучали сотни голосов: они молили об одном – позволить им вырваться из Запретного Мира. Сулили вечные блага, обещали поквитаться с обидчиками, звали и стенали, преследовали меня, как стая диких зверей.

И я мчалась, не разбирая дороги, тогда как под ногами, глубоко в земле, мерно пульсировало что-то. Я неслась как на крыльях, чтобы в конце концов встретить своего друга – он вышел из-за ели, серый и огромный, с черными провалами глазниц. В его взгляде больше не было ничего человеческого, лишь звериная злоба – стоило мне понять, как тот бросился на меня, неведомо как обернувшись в Торна Глоуда...

А в следующий миг я открыла глаза – под пологом кровати еще клубились ночные тени, но мир за окном уже начал светлеть. Гонимая тревожным чувством, я наскоро оделась и покинула комнату.

Бабушка уже не спала – она чувствовала себя куда лучше, чем накануне, и я решила, что ничего страшного не случится, если на пару часов сбегу в лес. По дому я пробиралась на цыпочках, словно боялась быть застигнутой врасплох. И было такое чувство, будто спрятавшиеся по углам тени следят за мной.

Но вот, наконец, порог, а за ним – морозное декабрьское утро. Постояв на месте несколько долгих мгновений, пытаясь надышаться этим колким воздухом, я вдруг явственно ощутила безумие своей затеи. Одна против загадочной и опасной магии, одна против жестоких беспринципных людей...

И тут же одернула себя – нет, я не одна. Со мной мой милый Волчок, а это уже много. Я бросилась вперед, проваливаясь в снег по щиколотки и улыбаясь на ходу – мысли о волке, то есть о принце, окрыляли и улучшали настроение. Еще бы до леса без приключений добраться, Эрику ведь требуется перевязка, а один он не справится.

Но надеждами моим было суждено разбиться о массивный замок, что висел на заборе. И где найти ключ, я понятия не имела...

Как раз тогда, когда я задумчиво осматривала железку, раздался скрип входной двери – это Гэрри вышел на порог. Хмурое и заспанное лицо слуги не предвещало ничего хорошего, а я про себя отметила, что опасаясь этого человека. Не хочу, чтобы он ко мне приближался.

– Доброе утро, – я старалась улыбнуться приветливо, но вышло так, будто кто-то насильно растянул уголки моих губ. – Гэрри, куда вы положили ключ? Мне надо в город за покупками.

Мужчина медленно почесал массивный подбородок, сверля меня подозрительный взглядом, а потом ответил:

– За покупками может сходить Берта.

Я немного опешила от такого заявления, но быстро взяла себя в руки.

– Конечно, но мне все равно надо выйти в город. Мне нужен ключ.

Наверное, слуге я казалась маленькой мошкой, тогда как он был скалой – бесстрашной и непоколебимой. И захочешь – не сдвинешь. Только лоб расшибешь.

– Не велено вас никуда выпускать. Заходите домой, не мерзните.

Вот это новость... Не выпускать? Держать взаперти? Медленно меня начала захлестывать бессильная злость.

– То есть как это – не велено? Я должна сидеть дома до самой свадьбы?

– Не велено, значит, не велено, – Гэрри почесал макушку и зевнул. Ему было плевать на мои проблемы, и я это точно знала. – А если будете упрямыться, то я перекину вас через плечо и сам занесу внутрь.

Я не сомневалась в том, что он так и поступит. Взгляд упал на мощные ручищи, покрытые густыми темными волосами –

он закатал рукава, будто нарочно выставлял их на обозрение. Потом я с тоской поглядела на ворота.

Ну, держись Торн, держись дядя Джеймс! Если вы думаете, что я – всего глупая маленькая девочка, способная лишь следовать чужим приказам, то вы сильно ошибаетесь.

Я сделала вдох и выдох, чтобы успокоиться, и все это время чувствовала на себе выжидающий взгляд здоровяка. Мне с ним не тягаться, придется действовать по-другому.

Сцепив зубы, я зашагала по дорожке к дому, на Гэрри старалась не смотреть. Когда я пролетела мимо него, он довольно заметил:

– Вот это хорошо. Вот это правильно.

***

После обеда доставили свадебное платье и украшения. Берта занесла это все в мою комнату с таким видом, будто прикасалась к святыне – угрюмое лицо разгладилось, в глазах фанатичный огонек, походка торжественная.

– Из салона прислали, – сообщила благоговейно.

Готова была поспорить, что она в юности мечтала пойти под венец в подобной кричащей роскоши, но цена на нее была запредельно высока. Зато мне стало тошно даже от одного взгляда на это пошлое белое облако кружев. Настроение было испорчено окончательно, и остаток дня я провела вместе с бабушкой, занимаясь вязанием и читая вслух рыцарский роман, обнаруженный в шкафу.

– Такое чувство, будто меня заперли в клетке, – я закрыла

книгу, когда глаза начали ныть от напряжения. Свеча почти догорела, а за окном повисли мутные зимние сумерки.

– Мы что-нибудь придумаем, дорогая, – ба ободряюще улыбнулась и накрыла ладонью мою руку.

– У меня нет никаких идей на счет того, где эти двое прячут ключ. Да и как мне убежать незамеченной, если Берта все время ходит по дому и вынюхивает. Она обязательно заметит пропажу.

Я даже думать не хотела о том, что сбежать из дому в новогоднюю ночь не получится. Я должна – и точка. Впрочем, нужно решить, что делать с бабушкой – не хочется оставлять ее один на один с этими странными и, возможно, опасными людьми.

А если так случится, что я не вернусь из леса... Что станет с ней? Не захочет ли дядя или Торн на ней отыграться?

Из мыслей меня выдернул голос бабули:

– Деточка, ты что, зря все детство по деревьям лазала? – притворно изумилась она и быстро-быстро заработала спицами, но губы ее продолжали улыбаться.

Сперва я не поняла, при чем тут вообще деревья, а потом до меня дошло! Конечно, благовоспитанные девушки так не поступают, но обстоятельства диктуют свои правила – и я просто под них подстроюсь.

Холод чувствовался даже сквозь перчатки – пришлось стянуть промокшую материю и сунуть в карман алого пла-

щика. Я отошла на шаг назад и полюбовалась на очищенную от снега елочку – зеленая красавица раскинула пушистые ароматные ветви и стояла, полностью готовая к тому, чтобы быть наряженной.

Последние события не давали расслабиться, давили на грудь, а виски будто раз за разом сжимали невидимые клешни. Захотелось хоть немного приподнять себе настроение и отрешиться от тревог. Очень вовремя в кладовке обнаружилась коробка с игрушками, но Берта хотела распорядиться ими сама – пришлось едва ли не с боем выдирать их из ее цепких рук. Я убедила ее, что уж елку украсить труда не составит, и женщина оставила меня в покое, наградив таким взглядом, будто я у нее отобрала последний кусок хлеба. Два раза я замечала в окне второго этажа ее худой силуэт – Берта стерегла меня, словно я была какой-то преступницей.

Бусы из цветного стекла так красиво переливались – на несколько мгновений вышло солнце, и мне показалось, что они превратились в маленькие звезды. Вешая на елку крашенные шишки, хрустальные сосульки и шары, я вспоминала беззаботные годы своего детства. И сама не заметила, как застыла с игрушкой в руках, а в уголках глаз собирались горячие, – они казались просто обжигающими на морозе, – слезы.

Так, хватит кукситься, Розалин! Быстро утерлась и сделала то, ради чего это и было затеяно.

Воровато оглянувшись и убедившись, что по двору не бродит Гэрри, а в окне не торчит фигура Берты, я добежала

до ворот и, поднявшись на цыпочки, вытянула руки вверх.

Э-эх! И почему я такая маленькая получилась? От кончиков моих пальцев до кромки ворот оставался почти локоть. Если я захочу перелезть через них, придется прыгать, как горная коза, или притащить хотя бы табурет.

Представив, как все это будет выглядеть, я горестно вздохнула.

Ладно... Это не самая большая проблема. Справлюсь.

Я еще раз оглянулась и медленно пошла по двору, делая вид, что дышу воздухом, а на самом деле высматривала все, что может пригодиться для побега. Внимание привлек деревянный чурбан, на котором Гэрри колот дрова. Если его подкатить к воротам...

– Мисс, шли бы вы в дом.

Я подскочила от неожиданности и приложила руки к заполошно бьющему сердцу. Ну точь в точь воришка, застигнутый на месте преступления!

– Холодно, простудитесь перед свадьбой. Хозяин с меня три шкуры спустит, что не уследил, – пробасил здоровяк Гэрри.

Как он сумел подкрасться так тихо?

Я спрятала глаза, чтобы он ненароком не прочитал, что творится в моих мыслях. На первый взгляд этот человек мог показаться тугодумом, но на самом деле это было не так – внешность вводила в заблуждение.

– Хорошо, я уже ухожу, – ответила с преувеличенной по-

корностью. А в доме услышала мелодичный смех Люсинды и голос бабушки. От удивления даже брови взлетели на лоб – неужели эти двое нашли общий язык? Я тихонько заглянула на кухню – они раскатывали тесто для пирожков, а Берта в это время сновала туда-сюда и бросала ревнивые взгляды в сторону стола. Эта женщина привыкла заправлять хозяйством сама и не выносила подобного вмешательства в подвластное ей пространство.

И в этот момент, подсматривая за развернувшейся картиной, я придумала, как обезопасить бабушку на время моего исчезновения.

***

– Нет, дорогая, и не проси, – бабушка упрямо поджала губы – от этого морщинки вокруг рта стали еще глубже.

– Ну бабу-уль... – я, готовая начать канючить, как в детстве, схватила ее за руки и несильно сжала. – Я ведь тебе говорила, мне важно знать, что ты будешь в безопасности.

Она тяжело вздохнула и попросила пилюли для сердца.

– Как это ужасно – чувствовать, что ты уже ничего не сможешь сделать. Как бы я хотела помочь тебе, моя девочка, но теперь я гожусь лишь на то, чтобы с умным видом сидеть и раздавать советы.

Я не могла не замечать – бабуля переживает. Она все время старалась занять себя делом, но порой я видела, как ба замирает с вязанием в руках, и на лице ее отражается целая вереница мыслей и чувств.

– Это неправда, – как можно ласковей отвечала я, садясь на корточки у ее колен. – Ты всегда была на моей стороне, помогала и поддерживала советом – за это я тебе безмерно благодарна. Но пришло время повзрослеть. Теперь позволь мне самой позаботиться о себе и о тебе. Доверься мне.

Бабушка еще немного повздыхала, а потом потрепала меня по макушке.

– Иногда я чувствую себя самой ужасной бабушкой на свете, – и улыбнулась. – Ну кто разрешил бы внучке ходить в проклятый лес, общаться с волком...

– Это принц!

– ...карабкаться по деревьям, избегать замужества. А еще ту штуку тебе подсунула.

Я негромко рассмеялась и покосилась на дверь – показалось, что снаружи ходит вездесущая Берта. Интересно, она хотя бы спать ложится или все время спует по дому, как надоедливое привидение?

– Хоть мне пока не довелось воспользоваться «той штукой», но все равно спасибо.

Бабушкино лицо расслабилось, будто она вспомнила что-то хорошее, перенеслась мыслями на десятилетия назад. Запахнув на груди шаль, старушка откинулась на спинку кресла.

– Эта вещь принадлежала твоему отцу. Я хранила ее столько лет... Вот и тебе может сгодиться.

Из комнаты бабули я вышла, когда она погрузилась в глу-

бокий сон – на улице уже давно стемнело, а фонари виделись затерянными в метели маяками.

Как там мой пушистый друг? Один и в такую стужу. Скучает ли по мне?

Эти мысли были слишком тяжелые. Как и моя голова. Зевая, я добрела до своей спальни и притворила дверь.

Казалось, карман прожигает флакончик со снотворными каплями – бабуля пила их по предписанию врача, но мне они понадобятся совсем для других целей.

Стоило только подумать о том, что завтрашний день и завтрашняя ночь должны стать решающими, как сердце замирало, будто споткнувшись, а потом пускалось в галоп. Новый Год уже на носу, и надежда на то, что старый унесет с собой все беды и горести, согревала душу.

В конце концов бабушка согласилась с моим планом. Сегодня просто день уговоров какой-то! Перед этим пришлось упрашивать Люси мне посодействовать, а, чтобы она уж точно не передумала, я разрешила ей от души покопаться в присланном Торном чемодане и забрать все приглянувшиеся вещицы.

Стоило отметить – Люсинда скромничать не стала.

Я усмехнулась – мне они все равно без надобности. После ее рассказа я прониклась еще большей неприязнью к Торну Глоуду, и ведь недаром в самую первую встречу он показался мне опасным человеком.

Именно он был серым волком из злой сказки. Он, а не мой

Волчок. Не Эрик. Если у одного было от зверя лишь обличье, то у другого – душа, и это решало все.

Завтра мы с принцем снова встретимся – я буду готова. Под кроватью уже лежит сумка со всем необходимым, и надеюсь, что все пойдет по плану.

Но в голове зудел назойливый голосок, он словно издевался, говоря: «Ох, Роза, как же ты ошибаешься...»

Глава 41. Гениальный план

Какая же свадьба без цветов?

Наутро я наблюдала из окна, как Гэрри встречает щуплого человечка – он привез охапку... Нет, не охапку, а целый ворох цветов.

Море белых роз, источающих тонкий морозный аромат – так пахнет лед на поверхности озера.

Тугие бутоны готовы были вот-вот раскрыться, и я не удержалась от искушения – погладила кончиками пальцев прохладные лепестки. Они были еще полны жизни, словно не успели осознать, что инструмент садовника обрезал их стебли, приговорив к неизбежной гибели.

– Вы только поглядите, какая роскошь. Господин так щедр! – сверкая глазками, Берта разглядывала цветы.

– Давно ты у него работаешь?

Женщина окинула меня подозрительным взглядом, словно желая заглянуть в черепную коробку, но ответила:

– Уже десять лет, мисс.

Ясно. Берта не может не знать о его темных делишках, а это значит – она мне не союзник. К моему облегчению, служанка тут же забыла обо мне и принялась украшать холл, чтобы завтра Торн, явившись в дом за невестой, мог усладить свой взор.

Позже посыльный принес записку от дяди – в ней значи-

лось, что дядюшка Джеймс сегодня будет очень занят. Так занят, что не придет даже на праздничный ужин, не говоря уже о том, чтобы встретиться с нами Новый Год.

Зло поисмеиваясь, Люсинда рвала послание на мелкие клочки, чтобы затем скормить его огню в камине.

– Знаю я, чем он занят. Наверное с Глоудом всю развлекается... – ее губы, сжатые в тонкую полоску, побелели. – Нет, я ничуть не ревную. Вот нисколечко!

Ей, в отличие от меня, никто не запрещал уходить из дома. Поэтому уже после обеда она накинула легкую шубку и облилась духами, а я помогла собраться бабушке. Бережно повязывая шерстяной платок на ее шее, произнесла:

– Не волнуйся обо мне и не забывай принимать лекарства.

В ответ она улыбнулась. Тепло и солнечно:

– Милая, когда это мы успели поменяться ролями? Я снова чувствую себя маленькой девочкой.

Странно, конечно. Непривычно. Но надо ведь когда-то взрослеть.

– Я уже давно готова, – поторопила нас Люси, подхватывая корзинку с угощениями – внутри лежали румяные булочки и пряники с изюмом. – Как и договаривались, мы пробудем до завтрашнего утра у моей хорошей подруги. Ни Торн, ни Джеймс ее не знают.

А потом наклонилась ко мне вплотную, обдав ароматами пудры и жасмина. Так, что я разглядела крохотные морщинки в уголках ее глаз и родимое пятнышко над бровью.

– Что бы ты не задумала, маленькая интриганка, удачи тебе, – насвистывая себе под нос мотив популярной песенки, она выдернула из любовно составленного Бертой букета розу и сунула в корзину. – Бабуля, сегодня мы идем кутить! Надеюсь, вы умеете играть в карты?

– Ох, детка, в молодости я была еще той картежницей. Я онемела и захлопала глазами.

Что?.. Моя бабушка-одуванчик была картежницей? Да, многого я о ней, оказывается, не знаю.

А бабуля повернулась ко мне, одаривая напряженной улыбкой, словно ждала – сейчас я скажу, что все это розыгрыш, и никуда ей идти не надо.

– Как бы мне хотелось встретить этот Новый Год с тобой, Розы.

– У нас будет еще много совместных праздников, – еще немного, и я начну реветь. Вон, в носу уже защипало.

Не навсегда же мы прощаемся, в конце-то концов?

Когда хлопнула входная дверь, я прильнула к окну и смотрела, как они шагали по дорожке. Путь пытался преградить Гэрри, но Люсинда подняла такой крик, чуть не побив здоровяка корзинкой, что тот мигом помчался отпирать замок.

Она визжала, что двум честным женщинам уже нельзя подругам праздничные подарки разнести, что она пожалуется хозяину, и Гэрри выпорют на конюшне, а потом вышвырнут на улицу голым задом в снег.

Я доверяла ей отчасти потому, что у меня не было иного

выбора, но еще я чувствовала – в глубине души она добрая и понимающая. Сколько бы масок на ней не было надето.

– Мисс... – голос Берты закрипел, как старый засов, прямо у меня над ухом. – Праздничный ужин накрыть в вашей спальне?

Я обернулась, чтобы наткнуться на цепкий взгляд женщины. И что она на меня все время так смотрит? Прямо мурашки по коже.

Но, какие бы чувства я к ней не испытывала, пришлось задействовать свой хилый актерский талантишко и улыбнуться. Широко и насквозь фальшиво.

– Нет-нет, что вы, дорогая Берта! Мы будем ужинать все вместе в столовой. Сегодня же праздник, – слова горечью осели на языке, собрались комком в горле. Если бы я выступала на подмостках, зрители закидали бы меня тухлыми помидорами. – Я отужинаю с тобой и Гэрри, если бабушка с Люсиндой к тому времени не вернутся.

Она посмотрела недоверчиво и чуть презрительно, сухо кивнула и удалилась, держа спину прямо – как будто палку проглотила.

Ох, Берта еще не знает, что для них с Гэрри я приготовила новогодний сюрприз.

***

Мои метания были похожи на метания запертого в клетке зверя. Стрелки часов ползли слишком медленно, я то и дело выглядывала на улицу – снег все сыпал, и, чем темнее ста-

новилося, тем сильнее он шел. Такими темпами навалит по колено, и я буду брести по лесу, как черепаха, если не сломаю себе ноги или шею где-нибудь в овраге. Одна надежда на Эрика – его чутье не позволит нам заблудиться. Как точно и быстро в прошлый раз он провел нас к таинственным воротам из кривых сосен!

Я замерла посреди комнаты, слушая, как гулко бьется сердце.

С ним ведь все в порядке? Когда мы прощались, он выглядел весьма неплохо. Да, хромал, был грустен, но жизни его больше ничто не угрожало. Надеюсь...

Громкий стук в дверь – я подскочила на месте.

– Ужин готов, мисс! – донесся приглушенный голос Берты.

– Скоро спущусь!

Вот и настал момент истины. Я сунула руку в карман платья и сжала пальцы вокруг пузырька со снотворным. Извините, дорогие Берта и Гэрри, но я намерена сегодня немного прогуляться по проклятому лесу – препятствие в вашем лице мне не нужно. Но все равно от мысли, что придется добавить капли в напиток ничего не подозревающим слугам, стало не по себе.

Под кроватью уже ждали старые и удобные зимние сапоги, на кресле плащик, под ним – сумка со всем необходимым. Хоть плащ и грел лучше самой теплой шубы, я все равно натянула под платье двое толстых чулок. Замерла у зеркала,

всматриваясь в собственное взволнованное отражение – глаза горят, губы припухли от постоянных закусываний.

Я так увлеклась, что не сразу услышала мерный стук шагов в коридоре. И, когда те замерли у моей двери, а потом раздался негромкий скрип, струйка холода пробежала вдоль позвоночника.

– Куда-то собираетесь? – поинтересовался вкрадчивый голос.

Кажется, мой план катится в пропасть...

Глава 42. В клетке со зверем

Я обернулась медленно, будто была деревянным манекеном, и откашлялась. Слова застревали во рту и не желали срываться с губ, но я все же произнесла:

– Добрый вечер, мистер Глоуд.

– Надеюсь, для вас он действительно добрый, – мужчина перешагнул порог, двигаясь медленно, с ленностью и какой-то дикой опасной грацией.

Сапоги его блестели от влаги, черные брюки были аккуратно заправлены в голенища; пальто он, должно быть, оставил внизу, и сейчас на нем была одета белая накрахмаленная рубашка – даже столь модные кружевные оборки под горлом не выглядели смешно, как на дяде Джеймсе, а придавали изящества.

– Не ожидала увидеть вас сегодня, – призналась я, нервно переплетая пальцы и отступая вглубь комнаты, как будто этот человек мог действительно на меня наброситься.

Растерянность... Беспомощность... Все это я ощущала рядом с Глоудом.

– Почему? – он удивленно взметнул бровь и потянулся к волосам – прочесал их пальцами и расслаблено уронил руку на бедро. Оперся плечом о столбик кровати и уставился на меня насмешливым взглядом, а мне показалось, что зрачки его заполнили всю радужку. – Может, я просто зашел по-

здравить свою невесту с Новым Годом.

– Видеть невесту перед свадьбой – плохая примета, – ответила я сухо, но думала совершенно не о свадьбе, а о том, у кого еще могла видеть подобные глаза...

– Я не слишком суеверен, – признался Торн, скользя по мне взглядом.

Он что, специально явился так невовремя? Когда думает убраться? Что ему действительно нужно? На улице скоро совсем стемнеет, а мне еще до леса добираться...

Мысли панически скакали в голове, сталкиваясь, разлетаясь, наскакивая друг на друга, и я боялась – все мои намерения написаны буквально у меня на лбу.

– Вижу, вы неплохо обустроились в этом милом жилище.

– Да, – я кивнула. – Хотела поблагодарить вас за заботу.

– Но, тем не менее, вы не носите то, что я прислал... – и мужчина снова совершенно откровенно прошелся взглядом по мне снизу доверху, отмечая старое, но теплое и добротное платье.

И мне очень, очень не понравилось выражение его лица. Но я до последнего старалась сохранять достоинство, вести себя вежливо и невозмутимо, однако со стороны, наверное, выглядела как загнанный в угол зверек, который боится двинуться и вдохнуть лишний раз, чтобы не провоцировать хищника.

– Не было необходимости присылать столько много вещей.

– Моя жена должна всегда хорошо выглядеть, Розалин, – он улыбнулся краешком губ.

Хорошо выглядеть... Быть полезной... Нарядной бессловестной куклой, что услаждает взор, которую не стыдно показать друзьям и даже...

Гнев захлестнул горло огненной петлей – я вспомнила слова Люсинды о его бедняжке-жене, которую это чудовище отдавало на потеху друзьям. Таким же мерзким, как и он. Смотря на Торна Глоуда сейчас, уже зная всю неприглядную правду о его прошлом и настоящем, я видела средоточие пороков. Но и понимала, почему Глоуд так нравится женщинам – это вязкая, как болото, гибельная красота.

Но я не поддамся гибельным чарам, не куплюсь на обещанные блага и томную улыбку, на взгляд с поволокой, с коварным призывом... Глаза, как будто он недавно курил опиум – увлечение мужчин от бедняков до богатеев, новомодный сладкий порок.

Да, я все-таки вспомнила. И дядя, и Робби, теперь вот и Торн – эта легкая безуминка во взгляде и чувство, что тебе подвластен весь мир.

– Как мои слуги? Они вам не докучали? – продолжил расспрос мужчина, будто специально растягивая время. Отдаляя меня от заветной цели.

И внезапно самообладание, подточенное, расшатанное, дало трещину – я шагнула вперед и бросила ему в лицо фразу, полную упрека и жгучей злости на несправедливость:

– Вы велели им запереть меня здесь и никуда не пускать, будто я преступница!

Он слушал меня со снисхождением и легким любопытством, словно – вот удивительное дело – стоящая перед ним табуретка вдруг заговорила.

– Это все ради вашей же безопасности, дорогая. Или мало было того покушения? – спросил, отлепившись от столбика кровати и шагнул ко мне. – Да-да, не смотрите на меня такими круглыми глазами. Я знаю, тот мальчишка, Робби, хотел вашей смерти – я видел это желание в его глазах.

Последнее он произнес низким шепотом, и это пугало больше, чем если бы он кричал.

– А еще я слышал, что некоторые считают вас ведьмой, – продолжил с легким торжеством, намеренно медля. Разоблачая мои секреты. – Говорят, вы ходите в проклятый лес и знаете с волками.

Шаг вперед – его, и мой – назад.

Сердце начало стучать, как бешеное. Я сжимала челюсти так, что зубы начали ныть – вот-вот раскрошатся. А в глубине души молила – довольно этой пытки, уходи же, оставь меня в покое. Убирайся!

Кажется, он заметил беспокойный взгляд, что я метнула в сторону окна.

– Я думал, вы всего лишь скучная серая мышка, но вы полны сюрпризов, дорогая невеста. Может, сами признаетесь, что еще есть у вас за душой?

Я молчала, сверля его недовольным взглядом. Нужно было сказать, что он сошел с ума, раз слушает городских сплетников, поднять его на смех, ввернуть что-то едкое... Но язык, как назло, прилип к небу.

А Глоуд продолжал:

– Но знаете, так даже интересней... Никогда не имел дела с маленькими ведьмочками.

Каждое его слово было как будто... липким. Липкая грязь комьями приставала к коже – хотелось отряхнуться, помыться или хотя бы заткнуть уши.

Мгновение – и он совсем близко. Я чувствовала запах табака и сладости, не могла отвести от Торна взгляда. Смотрела завороченно, впав в ступор от страха.

На деревянных ногах попятилась назад и ткнулась бедрами в стол.

– Вы меня боитесь? – с мягкой иронией в голосе поинтересовался мужчина. – Разве я такой страшный?

О, да. Еще какой страшный. Просто ужасный. Торговец людьми и просто негодяй, который считает, что ему все позволено – были бы деньги.

Наверное, мое мнение о нем было написано у меня на лице, потому что Торн вдруг запрокинул голову и бархатно рассмеялся.

– Ну же, Роза, со мной вы можете не стесняться и показать свой огненный темперамент, – он потянулся ко мне рукой.

Еще чуть-чуть, и коснется лица...

Когда он почти схватил меня за щеку своими гадкими пальцами, я извернулась и отбежала в угол комнаты. Торн сначала удивился, а потом попенял:

– Ну что же ты... Ты ведь почти моя жена, а жена не должна бегать от мужа.

Меня как будто ледяной водой окатили. Он что же, решил прямо сейчас взять супружеский долг? Развлекался где-то в городе, вспомнил, что у него тут рядом невеста живет и решил навестить. А это обращение на ты...

Плохо дело, Розы, очень плохо. И не сбежать – внизу торчат Берта и Гэрри, как тюремщики, как суровые надзиратели. Стоит Глоуду сказать хоть слово – они меня скрутят, и тогда...

Я зажмурилась на мгновение, а потом произнесла как можно четче:

– Я еще не ваша жена, поэтому попрошу вас покинуть мою спальню. Ваше поведение неприемлемо.

Вот так, почти строго, даже голос не дрогнул.

Но Глоуду было плевать. Я бросила ему вызов, а этого он проглотить не мог. Темные глаза сначала расширились, а потом по-животному сузились – только вертикального зрачка не хватало. Он дернул краешком рта, усмехнулся каким-то своим мыслям, и произнес холодно, так, что у меня поджилки затряслись:

– Подойди. Немедленно.

Я замотала головой и сжала кулаки. Не уступлю!

– Подойди... Или я сам тебя подтащу. За волосы, – звериный оскал и взгляд исподлобья. А я не могла понять, чего в нем больше – злости или насмешки. Чувства собственного превосходства и желания унижить, заставить подчиняться.

– Уходите, мистер Глоуд, – голос мой окреп, зато сердце бахало в груди по-прежнему оглушительно, а ноги вмерзли в пол.

Кандалы в ящике.

Девушка, наложившая на себя руки.

Женщина с окровавленной головой, нелепо раскинувшаяся на белом снегу, а сверху – распахнутое настежь окно и трепещущая, как крыло бабочки, на ветру занавеска.

Круговерть вечеринок, бордели, пьяные, зажрашиесь гости, запах опиума и похоти – как рассыпанная мозаика. Как осколки мира, которому я не хочу принадлежать.

– Решила поиграть со мной, Р-рози?

Он приближался медленно, зная, что девчонка, загнанная в угол комнаты, никуда от него не денется. Торн привык побеждать. Во всем.

– Я люблю игры. Определенного рода, – еще один взгляд, опаливший меня до костей. – Тебе понравится. Но сначала я проверю, что за товар подsunул мне Джеймс.

И прежде, чем он сделал последний шаг, прежде, чем выбросил вперед руку в попытке схватить меня за плечо, я метнулась в бок – к креслу. К сумке под алым плащом, и запустила в нее трясущиеся пальцы.

В руку мне так идеально-удобно, по-родственному, лег тяжелый отцовский револьвер.

– Стойте! Не подходите ко мне! – вскрикнула я, целясь Торну в грудь.

Глаза его удивленно расширились, но уже через мгновение рот растянулся в довольной улыбке – сверкнул ряд белых, почти идеально ровных, зубов.

– Ты хочешь убить меня, милая Роза? Куда будешь стрелять? В голову... – Торн коснулся двумя пальцами лба, а потом начал неторопливо расстегивать пуговицы своей белоснежной рубашки, нагло ухмыляясь и не спуская с меня взгляда. -... или в сердце?

Глоуд накрыл ладонью место чуть левее грудины и сделал шаг вперед, будто я встречала его с распростертыми объятиями, и будто не на него был нацелен гладко отполированный ствол.

Он не боялся меня даже вооруженную. Я же, напротив, тряслась от страха – зуб на зуб не попадал, огромным усилием воли я удерживала револьвер на весу.

– Не подходите, – процедила сквозь плотно сжатые зубы. Вся кровь устремилась к голове – я чувствовала, как она пульсирует в висках, в глазах, во лбу. Как печет шею, уши, подбородок и огненным потоком стекает на грудь.

Душит.

– Убить человека может далеко не каждый. Для этого нужен определенный склад характера, – вещал мой мучитель,

избавляясь от рубашки. – Червоточина внутри. Но стоит один раз *позволить* себе...

– Замолчите! – еще чуть-чуть, и у меня начнется истерика.

Он знал, – будь он проклят! – знал, что у меня не хватит духу спустить курок, поэтому вел себя так нагло.

– Где ты взяла эту игрушку? – Торн выпростал руки из рукавов и небрежно отбросил рубашку.

Его подтянутое тело белело в полумраке комнаты, но во мне не было ничего, кроме страха – он рвался наружу, и меня замутило. Чтобы удержаться в реальности, я сжала револьвер двумя руками.

Как будто это могло помочь.

– Используй его только в самом крайнем случае, когда иного выбора не будет. Твой отец всегда следовал этому правилу...

– Так ты будешь убивать меня?..

Он был совсем близко, его настойчивый запах забивал ноздри.

– Мне бы этого не хотелось.

Вдох... Выдох...

Торн в упор глядел на меня, и в глазах его отражалось пламя свечи за моей спиной. Ну просто воплощение зла и соблазна.

– Я все про вас знаю, – произнесла шепотом и облизала

пересохшие губы. – Вы загубили двух своих жен, вы держите детей в домах терпимости...

Не знаю, зачем я это говорила. Хотела, чтобы Глоуд признался в своих преступлениях?

– Я достоин смерти, правда? – он был абсолютно спокоен, словно ствол револьвера был нацелен не в его, а в мое собственное сердце. – Но кто тебе все это рассказал?.. – он задумался на миг, а потом во взгляде мелькнуло понимание: – Ах, малышка Бонни! У нее всегда был длинный язык.

Бонни?.. Точно, Люсинда – это ведь псевдоним. Значит, так ее на самом деле зовут...

Наверное, я потеряла концентрацию, отвлеклась, и Торн это заметил. Бросился резко, быстро – как бросается змея на мышонка, а я...

Рука дернулась скорее от неожиданности – звук выстрела оглушил, и я непроизвольно зажмурилась. А потом...

Глоуд споткнулся и упал на колени. В следующую секунду тяжелый револьвер грохнул об пол.

Я стояла, застыв от ужаса, и смотрела, как темная кровь сочится сквозь пальцы. Слушала сдавленную мужскую ругань и не могла поверить своим глазам: я его ранила. Всего лишь ранила, а могла и убить...

Бах-бах-бах! – загрохотали шаги на лестнице, и я отмерла. Время понеслось невыразимо быстро – еще пара мгновений, и Гэрри будет здесь.

Сорвав с кресла плащик и сумку, я проскочила мимо кор-

чащегося на полу Торна, распахнула оконные створки – ветер со злостью бросил в лицо горсть снежной крупы, ослепил. А потом ловко, будто делала это каждый день, я вскочила на подоконник и сиганула вниз, прямо на заметенный снегом двор.

Чувство было таким, будто за мной гонятся все демоны разом. На ходу я набросила плащ и перекинула сумку через плечо, с разбегу в прыжке ухватилась за забор и подтянулась, забыв, что на мне платье, что я не доставала, что там высоко...

Перемахнула, как босоногий мальчишка, и совсем не изящно приземлилась с другой стороны, ушибив колено. Обняла себя руками за плечи, пытаюсь отдышаться и унять заполошно скачущее сердце – еще немного, и оно бы вырвалось из груди.

Перед глазами плясали цветные пятна, кружилась голова, но страх подстегивал – надо бежать! Непременно бежать, иначе все пропало. Поземка занесет следы, и никто не узнает, куда я направляюсь, никто не сможет мне помешать.

Надвинув на лицо капюшон, я помчалась так быстро, как только могла.

Улица была пустынна – жители наверняка празднуют в теплых домах вместе со своими семьями, и лишь одноглазые молчаливые фонари, как стражи, следят за мной.

До леса отсюда дальше, чем от моего старого дома, но дорогу я, к счастью, знала. Мимо пролетали горящие окна до-

мов, вились ароматы выпечки и жаркого... Сумка била меня по бедру, не давая забыть, зачем и куда я бегу.

А в следующее мгновение из темноты, из очередного узкого прохода между домами вынырнула крупная тень, едва не сбив меня с ног.

Я едва удержалась на ногах, когда огромная серая морда протаранила живот.

– Волчок... то есть Эрик... Я так испугалась!.. – я выдохнула с таким облегчением, будто с плеч упала целая груда камней.

Он посмотрел виновато – мигнули ярко-зеленые глазищи, зверь снова боднул меня да еще и потерся, словно домашний кот.

– Мой старый дом сгорел... ты ходил туда? Ждал? Потерял меня? – я обхватила его голову руками и улыбнулась виновато. – Но теперь мы вместе, – не удержалась и прильнула щекой к мягкой шкуре – больше мне не казалось, что от него несет диким зверем. Он пах лесом, морозом и влажным мхом. Так знакомо и надежно. – Дружище, что бы я без тебя делала?..

Меня все еще колотило после встречи с Глоудом, и от этого, почти человеческого, тепла казалось – сейчас расклеюсь, разревусь, как дурочка. Но мой волк нетерпеливо заворчал, мол, давай торопиться, не ровен час – застукают.

И мы поспешили туда, где на фоне зимнего неба темнели вершины деревьев – мрачных лесных сторожей. Я бежала

ла, взбивая ногами снег, а Эрик скользил бесшумной тенью между домами, минуя зоркие глаза фонарей. Только прихрамывал на левую лапу, бедняга.

Стояла колдовская ночь – казалось ли мне, или то на самом деле было – воздух дышал таинственной магией. Она серебрила крыши домов, танцевала со снежинками и рисовала на окнах. Невесомые ледяные духи порхали над городом, будто светлячки – сбивались в стайки и вспыхивали то тут, то там.

А я строила в голове план того, как мы будем спасать Сердце Леса, и повторяла ту самую фразу:

...мимо волчьего логова, дугою вдоль озера, над оврагами, меж двух кривых сосен...

Фразу из старой сказки, внезапно ставшей былью. Тот, кто написал ее, непостижимым образом смог заглянуть в будущее. Интересно, он знал, чем закончится история одной мечтательницы и заколдованного принца?

Я не знаю, как так получилось, – мы почти уже выбрались из города и, видно, забыли об осторожности, – внезапно пустую улицу сотряс дикий ор:

– Во-олк! Мамочки! Здесь во-олк!!! – понеслось, как лавина с горы.

Сердце зашлось, когда за спиной хлопнула калитка, а в домах перед нами жители начали распахивать окна.

– Где волк?

– Как волк?!

– Смотрите, и правда, волк!

Поздно прятаться, нас заметили. Волчок схватил бестолково заметавшуюся меня за полу плаща, утаскивая в темный закоулок. Уже скоро жители оправятся от изумления и либо вернуться к своим занятиям, либо вооружатся кто чем и пустятся догонять злобного зверя. Конечно, второй исход более вероятен – хищнику не место в городе! И охотники, наверняка разозленные прошлой неудачей, захотят спустить с моего Эрика шкуру.

Я не чувствовала усталости, когда бежала вслед за пушистым другом – он знал дорогу лучше меня и безошибочно вел в сторону леса.

Мне показалось, или вдалеке и в самом деле раздался хлопок, похожий на выстрел?

Волк рыкнул угрожающе, подтолкнул меня лбом под мягкое место – торопись, раззява!

– Что?! – возмущенно крикнула, задирая юбку выше колен – так бежать удобней. – Сам виноват, шапка меховая! Осторожней надо было.

О-ей... Надеюсь, его величество не прикажет меня казнить за столь неподобающее его положению прозвище? Я глупо хихикнула от этой мысли, чем заслужила недовольное рычание и полный осуждения взгляд. Но позади вдруг снова грянул выстрел, и ветер донес людские крики.

Скорей...

Казалось, в любом другом случае я бы уже давно свалилась с ног – силы были на исходе, но страх гнал и гнал вперед.

Только не останавливаться! Промедление может обернуться гибелью для нас обоих – со мной тоже церемониться не станут. Во весь дух по занесенной снегом булыжной мостовой, мимо горящих окон и закрытых лавок – к лесу.

А он распахнул гостеприимные объятия, шуршал кронами, шептался голосами многих тысяч ветвей.

Ждал нас, как дорогих гостей.

Глава 43. По ту сторону

Язычок пламени метался и дрожал, когда я пыталась осветить фонарем, что не разбился лишь чудом, дорогу перед собой. Мы с Эриком ступили под темный лесной свод и оказались отрезаны от всего остального мира – даже свет луны и звезд едва пробивался сквозь туго сплетенные ветви над нашими головами.

Тишина...

Словно дыхание столетней громадины замерло на вдохе – и ждет. Наблюдает за путниками – не собьются ли с пути, не испугаются? Не повернут ли домой, к теплому очагу, к нагретой безопасной постели и праздничному запаху хвои.

Хвоей пахло и здесь. Елки укутались в белые шубы по самые макушки, раскинули ветви-ловушки и пытались зацепить меня, обдать снегом с головы до пят. Но алый плащик надежно оберегал от их глупых шуток.

Волк шел впереди, я – следом. Кто считает блуждание по лесу в потемках чистым самоубийством, тот, безусловно, прав. Я то оскальзывалась на мерзлых кочках, то подворачивала ноги в незаметных глазу ямках, но каждый раз мой пушистый друг приходил на помощь – подставлял спину. Он то и дело останавливался, втягивая носом воздух и скалясь в пустоту, а потом бросал на меня краткий взгляд, мол, идем!

И я шла. За ним. За моим Волчком по краю оврага, через

болота, дугою вдоль озера, потому что знала – он не ошибется. Он в меня поверил и обязательно приведет к воротам между двух кривых сосен, а там будь, что будет.

Дорога казалась бесконечно длинной. Намного длиннее той, какой мы пробирались при свете дня – сегодня время будто растянулось. Мы вышли на серебрящуюся в лунном свете полянку, и я позволила себе замереть, упершись руками в колени. Отдышалась.

– Слушай, Волчок, у меня ведь пирожки есть, – похлопала по болтавшейся у бедра сумке, но зверь вздохнул тяжело и покачал головой. – Не хочешь? Зря...

Впрочем, аппетита не было не только у него. Я бы и сама не смогла откусить ни кусочка, даже несмотря на то, что последний раз ела утром. Если все сложится хорошо, потрапезничаем после исцеления Сердца.

– Что ж, тогда идем, – произнесла нарочито весело, гоня холодящее кровь волнение.

Эрик потрусил вперед, оставляя после себя глубокие темные следы – я старалась идти по ним. Ряды деревьев смыкались все плотнее – порой приходилось буквально продирается, и я удивлялась тому, как острые лапы кустарника не порвали плащ на лоскуты.

Едва ночные тени попадали в круг света – бросались врассыпную, и, казалось, даже начинали причитать и жаловаться на подобную бесцеремонность. Я не оборачивалась, не хотела встречаться взглядом с чудовищами за нашими спина-

ми. Но чувствовала холодок между лопатками, будто кто-то очень долго и пристально на меня смотрел.

Бррр... Ну и приключение. Будет, что внукам рассказать.

Пока я размышляла о том, переживу ли сегодняшнюю ночь, едва не проворонила слабое свечение впереди. Волчок рыкнул, подтолкнул меня под колени и посмотрел вопросительно – уверена? На дне его глаз таилась грусть, словно он надеялся, что я передумаю.

– Со мной все будет хорошо, я не поверну назад, – наклонившись, погладила щетинистую морду – он блаженно сощурился идохнул горячим воздухом.

Сколько же проклятый принц был без человеческого тепла, без ласки? И каково это вообще – жить в звериной шкуре.

– И тебя мы обязательно расколдуем.

Ответом стало глухое рычание – волк отвернулся, словно я обидела его своим самонадеянным обещанием. Нет, ну, а что я должна была ему сказать? Что не знаю, что делать? На самом деле я надеялась... после спасения леса все как-то само образуется. И к Эрику вернется прежнее обличье.

Я выпрямилась и подняла выше фонарь – прямо перед нами, шагах в десяти, высились врата из двух сосен. Больные, страшно искривленные деревья. А между ними будто бы натянуто полотно из лунного света, бледное, почти прозрачное, вспыхивающее серебряными искрами.

На мгновение перехватило дыхание – вот оно волшебство! Настоящая магия... Прекрасная и пугающая однове-

менно. Старая, как мир, и неподвластная простому человеку.

Шаг... А потом второй и третий.

Снег так оглушительно хрустел под ногами.

Когда колеблющееся марево оказалось на расстоянии вытянутой руки, я несмело коснулась его кончиками пальцев. Так, должно быть, трогают что-то невероятно ценное или невероятно опасное.

Холодно... Жутко...

Я встретилась взглядом с изумрудными звериными глазами – Волчок стоял подле меня, принюхиваясь. Шерсть его топорщилась на загривке, хвост был прижат.

– Ты со мной?

В ответ короткий рык.

Что ж, прекрасно. Вместе, так вместе. Это даже хорошо – будет не так страшно, ведь кто знает, что нас ждет по ту сторону? Воображение рисовало всякие ужасы, и я, зажмурив глаза, сделала шаг – как будто с разбегу бросилась в ледяную воду.

Легкое сопротивление невесомой материи, сердце, упавшее в пятки – и мы вынырнули по ту сторону врат. Фонарь погас во время перехода, и первые мгновения я осоловело моргала, силясь понять, куда нас вообще забросило. Но уже совсем скоро взгляд начал различать очертания деревьев – этот мир будто бы выплывал из темноты, раскидывался перед нами, как театральные декорации для жуткого спектакля.

Здесь ночь была не черной. Серой. Будто кто-то выпил из нее всю краску и бросил недописанный холст. А я вдруг поняла, что видела это место в своих снах: изломанные заиндевелые стволы, худые и перекрученные, искривленные, как калеки. Воронье, облепившее ветки. Длинный овраг по правую руку.

Волчок угрожающе зарычал и тесней прижался ко мне – шерсть встопорщилась, уши прижались к голове. Он чувствовал магию острее меня, а здесь каждый шаг был пронизан ею.

– *Запретный Мир.*

– Что? – я вскинула брови и повертела головой. Откуда этот голос? – Неужели и правда это... Запретный Мир?

– *Самый что ни на есть.*

И вдруг меня осенило! Я во все глаза посмотрела на волка...

– Я что, понимаю тебя?!

Эта новость поразила даже больше того, что мы вдруг оказались в таком страшном сказочном месте. А зверь чуть наклонил голову и с интересом уставился на меня.

– *Выходит, что понимаешь. Какая-то особенность этого мира.*

Я взволнованно выдохнула – вот так сюрприз! Он не раскрывал пасти, его слова звучали у меня в мыслях, да и голос был вполне человеческим.

– *Жаль, что ты не слышала меня раньше. Я бы тебе от-*

ветил и за меховую шапку, и за волчье высочество, гр-р-р...
– ворчливо отозвался Эрик, а мои щеки защипало от прилива крови, вызванного чувством стыда. Как я могла быть такой невеждой?

– Прости... – промямлила я, глядя в землю, но он уже не слушал.

Волк выбежал вперед и замер, будто увидел что-то интересное. Глухо стукнуло о землю – это я выронила ставший ненужным фонарь. Подхватила юбку и бросилась следом.

– Постой... что там?

– *Кажется, я уже видел это место в одном из сновидений. Да-да, я помню его...* – он наклонился и принялся. Поморщился и чихнул. – *Ма-агия... Много магии.*

И будто отзываясь на эти слова, в глубине леса что-то гулко вздохнуло, простонало, зашевелилось – по земле пробежала дрожь, которую я почувствовала даже сквозь подошву сапог. Тощее воронье вспорхнуло с веток и взмыло в тревожно-серое небо, осыпав нам на головы комья снега.

И шуршание – мы услышали его одновременно – раздалось как будто со всех сторон.

Мурашки пробежали по спине и рукам, заставив зябко поежиться

– *Держись-ка ты поближе ко мне,* – Волчок махнул хвостом и уверенно затрусил по заиндевелой тропе.

Я бросилась следом, нервно комкая плащик и поглядывая по сторонам.

– Ты знаешь, куда надо идти? – вести с ним диалог было непривычно. Я привыкла говорить сама, зная, что мой серый друг внимательно слушает, а сейчас немного смущалась.

– В моих снах я шел именно этой дорогой и просыпался тогда, когда, казалось, цель уже достигнута. Тогда я даже не догадывался, что это за место.

– То же самое было и со мной, – не помню, рассказывала ли об этом Эрику, но напомнить посчитала не лишним. – Удивительно, правда? – внезапно меня осенило: – Значит ли это, что именно мы должны были сюда попасть? Мы вдвоем?

Страх, решимость и воодушевление наполняли меня до краев. Я задыхалась, но не понимала от чего – от избытка чувств или от усталости. А Эрику хоть бы что!

Мне показалось, что он довольно фыркнул.

– Сейчас я уже во что угодно готов поверить. Ты вернула мне веру, Роза.

Слова эти ударили под ребра – но боль была приятной. На мгновение я даже перестала дышать, а потом в груди разлилось обволакивающее тепло, будто кто-то опрокинул горшочек нагретого меда.

Я вернула ему веру...

Я, обычная девчонка, до этих пор считавшая себя бесполезной.

В носу защипало, и, чтобы ненароком не расплакаться, я отвернулась и украдкой промокнула глаза рукавом, а еще позволила себе легкую улыбку – лишь уголками рта, тогда

как сердце пело.

– *Ладно...* – прозвучал его голос, и мне почудилась в нем толика смущения. – *Давай поспешим, Красная Шапочка. Чем быстрее мы покинем это местечко, тем лучше. Не нравится мне тут...*

– Красная Шапочка? – в любой другой ситуации я бы посмеялась, но в глубине леса, сокрытое деревьям, опять что-то зашуршало.

Я теснее придвинулась к Эрику, и он напрягся, повел носом.

– *Нам туда,* – указал мордой направление и уверенно затрусил по заснеженной дорожке.

Вот что значит королевская кровь. Даже в зверином обличье умудряется вести себя так, что нет даже мысли ослупаться.

– Как ты это понял? – я старалась не отставать и не озираться по сторонам, держаться к нему как можно ближе.

Жутко...

Как будто начали оживать сюжеты из самых пугающих сказок. Они таились в чаще, кутались в накидки, сотканые из ночных теней. А если там чудовища из моего сна – склизкие драконы с серповидными когтями и огненными языками, козлоногие мужчины с витыми рогами на головах и звери, каких не видывал наш мир?

– *По запаху.*

Не успела я спросить, что за аромат ему почудился, как и

сама ощутила его – ветер донес сладковатый запах тлена. И в этот момент над землей пронесся стон. А еще...

Тук... тук... тук...

Совсем легкий, еле заметный ритм прокатился под ногами мягкой волной.

Мы обменялись взглядами. Не надо было слов, чтобы догадаться – Сердце Леса близко.

И, когда я это поняла, по земле вдруг зазмеились голые розовато-белые лозы – противные, как крысиные хвосты. На глазах обрастая жесткой корой с шипами, они взмывали в воздух, танцевали, волновались, как море, но пока не трогали нас.

Будто ожидали сигнала.

А я смотрела на длинные смертоносные шипы-стилеты, поблескивающие в свете бледно-серой луны, и понимала, как мало во мне осталось отваги.

– *Рози!* – голос Эрика вырвал меня из оцепенения. – *Мы не должны останавливаться, слышишь?!*

Я кивнула и сглотнула ставшую вязкой слюну.

– *Что бы ты не увидела, что бы ты не услышала, не останавливайся. И не отвечай.*

Вопрос «кому?» так и не сорвался с губ – ответ уже замаячил впереди, там, где раскинул свои иссушенные ветви старый дуб, где торчали острые обломки сосен.

Я шла, не чувствуя ног. Старалась смотреть только на спину волка, но это не помогало – я уже знала, что Запретный

Мир отправил своих детей встречать незваных гостей.

Глава 44. Испытание

Они скользили совсем рядом, и волосы на затылке шевелились то ли от страха, то ли от их смрадного дыхания. Словно ожили все мои кошмары – и твари, похожие на бескрылых драконов, стрекочущие на неизвестном языке, и великаны с лицами младенцев, и женщины с отрезанными грудями, на месте которых зияли красно-фиолетовые мышцы. И бледно-серые оскотенные мужчины с раздутыми, как у утопленников, телами и мутными глазами. Они не боялись холода, не стеснялись наготы, словно для них это было так же естественно, как дыхание для нас.

Только дети Запретного Мира никогда не были живыми.

Они несли кто факелы, кто свечи. Они не отбрасывали теней, но тени вились вокруг их холодных тел. Из-за каждого камня, из-за каждого ствола появлялись все новые и новые твари и присоединялись к мрачному шествию, во главе которого случайно оказались мы с Эриком.

– *Страшно?* – осведомился он, бросая взгляд исподлобья. – *Если да, можешь просто закрыть глаза. Я тебя выведу.*

Он непоколебим и отважен – настоящий воин, что выдержал битву против волчьего естества и не забыл самого себя. И чудовища из иного мира его не пугают.

А я боялась, что если отвечу, все эти существа скопом

бросятся на нас, поэтому просто коснулась пальцами пушистой холки – я здесь, спасибо, друг мой. Я не стану закрывать глаз. Я не буду отвечать им, и они нас не тронут.

Мы все шли и шли – в разинутую пасть ужасного леса, в недра Запретного Мира, и ноздри щекотал запах разложения. Над головами вился рой насекомых наподобие огромных жирных мух, их кожистые крылья переливались и сверкали в свете факелов, как драгоценные камни. Десятки взглядов скользили по мне, раздевая, опалая до костей – я все сильней вцеплялась в горловину плаща, надвинув капюшон до самых бровей.

Где же Сердце? И что мы увидим, отыскав его?

А голоса, сначала казавшиеся неразборчивым шипением и клеткотом, все набирали силу.

«Позволь нам...»

«Впусти нас...»

«Проведи нас за собой в мир людей, девочка...»

Холод... Смертельный холод проникает сквозь магию алого плаща, сковывает мышцы, заставляет стучать зубы. Лозы-змеи скользят под ногами, норовя обвиться и отравить шипами.

«Мы видим твою боль, мы накажем обидчиков...»

«Нам нужно только твое разрешение...»

Искушают, обещают все блага мирские, рисуют картины сытой и довольной жизни, в которой надо мной нет никого – я сама себе хозяйка. А, что хуже всего – я моргаю и начинаю

видеть:

Белокаменный дом в два этажа, аккуратные балкончики увиты розами, под окнами разбиты клумбы. Кукольно-маленький пруд, резная беседка – в ней, укрыв колени пушистым пледом, сидит бабуля. На лице благостное выражение, в руках – вязание. А по дорожке, выложенной белой плиткой, шагает невообразимая красавица – волосы убраны, на голове модная шляпка наподобие тех, что носила Люси, подол роскошного платья колыхается при каждом шаге.

Нет-нет...та девушка ни капли на меня не похожа. Она горда и уверена в себе и своем будущем, у нее есть все, о чем я, Розалин Эвлиш, не смела даже мечтать.

А бабуля... Она прозрела. Голубые глаза с лучиками морщин, что я помню из детства, смотрят ласково и кротко. Она встает навстречу внучке, и в движениях ее нет старческой немощи, тело ее полно сил.

Я кожей чувствую кокон счастья и довольства, который окружает их. И так хочется протянуть руку, так хочется хоть на несколько мгновений оказаться на ее месте и обнять бабушку.

И вдруг...

Она поворачивает голову прямо ко мне – мертвенно-синие глаза широко распахнуты, а рот, в глубине которого зияет чернота, произносит:

– Позволь мне обнять тебя, Розалин...

– *Не слушай их, Роза!* – повелительный голос Эрика вырвал меня из иллюзии, заставив хватать ртом воздух.

Сердце мое готово было выпрыгнуть из груди, ноги затряслись. А твари Запретного Мира потянули к волку руки и начали скалиться зло, бессильно, потому что не могли коснуться.

Магия моего плаща защищает и его тоже.

– *Их слова – ложь. Им нужна твоя злость, твоя обида, чтобы ты провела их за собой,* – продолжил он, спускаясь по едва заметной тропинке в лощину.

Мы спешили. По левую руку раскинулось хлюпающее болото со зловонными испарениями, по правую высились грубо обтесанные каменные идола с живыми глазами. Вокруг них жгли костры чудища и плясали обнаженные сатиры – копии тех, что я видела в саду Торна Глоуда.

Только не смотреть! Не смотреть по сторонам – твердила себе, вспоминая бабулины слова, сказанные в ночь Самайна:

Порождения зла носят множество масок, они могут искушать тебя, обещать несметные богатства и наслаждения, но взамен всегда возьмут намного больше. Но нам дана свобода выбора, а зло может творить свои дела только с разрешения человека. Будешь это знать – перестанешь бояться.

Перестать бояться? Ох, легко говорить... У меня вон поджилки трясутся от страха. Если бы не Эрик, давно бы чувств лишилась.

« – Только одно слово, девочка... » – продолжали шипеть за спиной, и слова эти ввинчивались в голову, тревожили ум.

« – Одно слово... Мы сделаем тебя королевой... Возложим корону на твою голову ».

– *Только корона та будет из грязи*, – Эрик оборвал настырный голос нечисти и клацнул зубами в сторону напиравших.

Творения Запретного Мира так уродливы, их тела омерзительны, а души и того хуже. Стать их королевой, предводительницей чудищ, главной среди этой полоумной толпы и примерить корону из грязи – пугающая возможность.

До дрожи. До тошноты. До жгучего отвращения.

Но будет ли на земле сила, способная противостоять воинству из Запретного Мира?

Моей армии, которая не боится ни смерти, ни боли, ни голода?

Эрик пытался достучаться до меня – тщетно. Я так увлеклась воображением этой картины, что не сразу поняла, когда острые зубы сомкнулись у меня на запястье.

– Ай! – я отдернула пульсирующую болью руку и прижала к груди. – Довольно, я все поняла!

Волк зарычал утробно, сверкая глазами. Шесть на загривке встала дыбом:

– Ты что творишь? Не слушай их! Не смотри!

Но я огляделась – толпа чудовищ отхлынула назад, как разномастное живое море.

А потом по ней прокатился смех.

Уродцы издевательски хохотали, катаясь по земле и натываясь друг на друга, а у меня в ушах звучали все насмешки и колкие обидные фразы, услышанные за годы моей жизни. И снова, как тогда, удушающий стыд захлестнул шею удавкой – стало нечем дышать.

Проклятые слезы застыли в уголках глаз, но я сморгнула их и заставила себя двигаться дальше.

Дальше – за своим серым другом, которого надо во что бы то ни стало спасти.

Дальше – к мерно пульсирующему Сердцу.

Дальше – сквозь новый легион отвратительных мерзких чудовищ, выползающих из лесной чащи.

С каждым шагом уверенность крепла. Им не сломать меня, не запугать и не соблазнить – не на ту попали. Пусть я не воин и не волшебница, но я докажу всем и каждому, что Розы тоже чего-то да стоит.

Я и правда на минуту вообразила, что мне под силу преодолеть раскинутые сети, как вдруг до слуха докатился мучительный стон. И голос.

Слишком знакомый, чтобы я его не узнала...

Он звал меня. Захлебывался моим именем, словно ему в глотку заливали расплавленный свинец. Голос его звенел у

меня за спиной и рвал барабанные перепонки, так, что я едва сдержала малодушный порыв заткнуть уши.

Зачем они мучают меня? Что за изощренное удовольствие доставляет им эта пытка? Неужели этот мир видит меня насквозь, видит мои тайные страхи и желания?

«Он зас-служивает с-смерти, – неслось со всех сторон. – Таким, как он, не место среди людей... Мы заберем его душу, как только ты позволишь нам пройти за собой...»

Казалось, я забыла, как нужно дышать, а ноги превратились в неповоротливые дубовые колодки.

Быстрее! Быстрее!

Уйти бы отсюда прочь, подальше от этих чудовищ, от иссушенных деревьев, которые хлопали голодными ртами и протягивали лапы-ветви, когда мы шли мимо. От страшного в своей пустоте неба – оно напоминало разверзнувшуюся воронку, и от удушливого запаха тлена.

«Рози... Обернись, посмотри, что мы можем с ним сделать... Ты ведь хочешь этого?» – вопрошало многоголосье за спиной.

А я все крепче стискивала зубы и цеплялась пальцами за серебристый мех на спине моего Волчка, молясь, чтобы это все поскорее закончилось. И погасший хриплый голос Торна Глоуда не преследовал меня в кошмарах.

Он молил о пощаде, но твари Запретного Мира хохотали над его жалкими попытками выторговать себе жизнь. Они терзали его и звали меня присоединиться к пыткам, нашеп-

тывали мерзкие подробности из его прошлого, раскаляя мою злость, как калят металл над огнем.

Щеки пылали, дыхание сбивалось, но ощущение реальности давало тепло Эрика под ладонью – он вскинул голову, поймал мой взгляд.

– Держись, Розы. Ты не должна даже на мгновение позволить себе им поверить, иначе все пропало. Держись и помни – я с тобой.

Я с тобой.

Слова в моих мыслях звучали оглушительно, перекрывая ропот и визг чудищ. И всего лишь на миг я позволила себе улыбнуться – глазами.

Я с тобой...

А какие демоны терзают тебя, мой друг?

Искушают ли тебя возможностью снять проклятье?

«Розы... Ну же, не трусь... – чудища никак не желали угомониться, бесновались, лили яд в уши. – Помоги нам, накажи своего врага, раздави его кости и выпей его кровь... Он заслужил это...»

Скрежет, вой, хруст – на меня навалились какофония звуков, и я стиснула плащик у горла. Меня мутило, а перед глазами мелькали картины того, что сейчас могло происходить за спиной. И пусть это всего лишь видения, насылаемые детьми Запретного Мира, знание этого не делает их менее жуткими. До ужаса реальными.

Глоуд кричал, срывая горло, а потом вдруг затих. Послу-

шалось довольное улюлюканье и чавканье, словно десятки ртов разом вгрызлись в его плоть.

«Ты слаба... Труслива... Никчемна... Ни на что не способна... Не способна даже покарать врага...» – назойливое шипение не утихало, пробирало до костей, ползло мурашками по коже.

«Бесполезна, Роза... Ты абсолютно бесполезна... Лучше бы тебя не было...» – голоса проникли в самое сердце, выкорчевывали мою суть. Вспарывали раны.

Я слишком часто слышала эти слова от одного определенного человека. Они и сейчас отдались глухой болью в груди, будя злость на устройство нашего мира, на саму себя и на человека, который все эти годы должен был меня защищать.

На моего родного дядю.

Я не ожидала встретить его по ту сторону врат, но он – или его двойник – маячил передо мной, а я почему-то не могла отвести от него глаз.

Грязный, растрепанный, в серой рубашке, свисающей зашалеными клочьями, изможденный, будто его морили голодом, с красно-фиолетовыми следами веревок на шее и на запястьях – он указывал пальцем в мою сторону и шипел:

«Ты абсолютно бесполезное существо, Роза... Посмотри, что ты наделала...»

Захотелось зажмуриться и зарыться лицом в волчью холку, чтобы не видеть и не слышать его осипшего голоса, словно его устами говорили сотни и сотни озлобленных тварей.

Эрик, чувствуя мое волнение, рыкнул и оскалился:

– Осталось еще совсем немного, Роззи! Они не тронут тебя, если ты сама им этого не позволишь!

Но дядя не собирался умолкать, будто решил свести меня с ума своими речами:

«Ты такая же глупая и никчемная, как и твой отец... такая же пустая, как и твоя мать... – пена пузырилась в уголках его рта, глаза, затянутые мутными пленками, прояснились и загорелись ненавистью. – Бесплезная даже для брака...»

Холодные щупальца злости пробирались сквозь алый бархат, свивались под ребрами. Страшное желание свернуть с тропы в сторону дяди Джеймса тревожило все мое существо – я чувствовала, как пальцы сжимаются в кулаки, и ногти впиваются в ладони.

Его толкнул в спину гигант с оплывшим, как свечной воск, телом и совершенно отупевшим лицом – тот упал на колени.

«Надо было продать тебя в бордель!.. Ты грязная, продажная, ты не заслуживаешь ничего, кроме грязи...» – а дальше изо рта дяди посыпались оскорбления и гнусная ругань, но в какой-то момент слова превратились в неразборчивое бульканье – изо рта его полезли жирные лиловые черви.

Меня передернуло от омерзения – тошнота подкатила к горлу, но я не могла отвести взгляд от этого зрелища. Так легко, словно дядя весил не больше ребенка, его подхватили под руки какие-то чешуйчатые твари с лицами скорбящих

старух.

Вздернули на ноги.

«Ты ведь думала о том, что будет, если он умрет...»

«Он – корень твоих бед... Он не достоин жизни...»

Из толпы чудовищ ко мне потянулась чья-то рука с зажатым в ней серпом. Свет неотмирной луны падал на его прожжавевшее зазубренное лезвие – а мне казалось, что кончик его смотрит мне прямо в сердце.

«Возьми его... дотронься... казни предателя...»

«Тебе понравится, Р-рози...»

Они испытывали меня. Они искушали меня. Они обнажали мою душу, добираясь до самых потаенных мыслей. Вскрывали многолетние нарывы, будто ланцетом. Прорвались через защитные бастионы моего разума без труда и поддержки.

Мои мысли и моя обида делали меня слабой. Не один раз я думала о том, как изменится моя жизнь, если дяди вдруг не станет.

И вот он – шанс проверить.

– *Рози...* – чей-то голос забился огоньком на краю сознания, но я видела перед собой только преисполненный ненависти взгляд человека, родного по крови, но чужого до мозга костей.

Гибкие лозы, опережая мои желания, бросились в сторону дяди, поползли по ногам, впиваясь шипами в плоть, оплели руки и развели их в стороны. Дети Запретного Мира бесно-

вались вокруг своей жертвы и щедро делились со мной своей хмельной радостью.

И серп в руке перестал казаться страшным...

«Это я убил твоих родителей, Роза... Но ты не отомстишь мне... Ты не сможешь... – он плюнул в мою сторону и расхохотался. – Ты слишком труслива и ничтожна!...»

Еще немного...

И мое сердце остановится.

Воздуха не хватало, словно в легкие засыпали стекла. Издевательский каркающий смех рвал барабанные перепонки, и после этого звука шепот неведомых тварей казался целебным бальзамом или нежной песней матери:

«Мы поможем тебе, девочка... Накажем обидчика...»

«Только позволь нам...»

«Проведи нас за собой...»

Тело окутало приятное покалывание, словно я, замерзшая, погрузилась в горячую ванну. Руки потяжелели, как и голова.

Мысли стали ленивыми, вязкими, как кисель – бормотание чудищ убаюкивало. Внезапно все стало казаться таким простым и правильным, а сердце дяди Джеймса, этого предателя и убийцы, гораздо гармоничнее смотрелось бы не в клетке ребер, а в костре. Шипящее и окутанное багряными языками пламени.

Внезапно что-то дернуло меня назад, и я обнаружила, что до побеления пальцев сжимаю рукоятку серпа. Следующий

толчок едва не повалил меня на ноги.

– *Рози! Очнись!*

Эрик?

Стоило мне вспомнить имя принца, как тело пронзила острая боль – лоза опутала мои ноги и живот, не давая сдвинуться с места. Окольцовывая все прочней.

«Ты теперь наша...»

«Куда ты, туда и мы...» – радовались твари, и дядя Джеймс, приплясывая, ликовал вместе с ними.

«Палите костры, братья и сестры!.. Сегодня мы поднимемся в Верхний Мир...»

«Сегодня Сердце Леса умрет навсегда... дверь отворится...»

И, прежде чем я успела осознать весь ужас ситуации и понять, что неожиданно для самой себя поддаюсь соблазну, я увидела, как волк вырвался из хватки удушающих его лиан и кинулся ко мне.

Он вгрызался зубами в жесткие лозы, и острые шипы рвали морду и пасть. Он лишь глухо рычал, но боль была написана в его взгляде. Обьятия лоз спадали меня вместе с обрывками алого бархата...

Один страшный растянувшийся во времени миг – и я смогла двигаться. А потом рванулась изо всех сил, оставляя ошметки плаща на присыпанной снегом и заляпанной кровью земле.

Глава 45. Сердце

– Розы, скорей! Сердце Леса прямо перед нами!

Я бросила взгляд туда, куда смотрел Эрик – по правую руку, за стеной кривых деревьев, высилось нечто темное, покатое, похожее на холм с уходящими под землю корнями. Они выглядели сморщенными, как кожа древнего старца, покрытыми коростами и болячками с сочащейся сукровицей.

Под оболочкой Сердца ритмично перетекало что-то живое, скользкое – я кожей чувствовала боль, ярость, а еще голод, словно эта громадина хотела поглотить все, что ее окружало, заполнить каждую пору, лишь бы освободиться от боли.

Тук-тук... Тук-тук...

Мерное биение сотрясало землю и отдавалось в подошвах ног, а оттуда поднималось выше – стучало кровью в висках, бахало в затылке, дрожало на кончиках пальцев.

Я хотела сделать вдох, но не могла – воздух застрял в горле.

Сердце ведь не было таким! Не было больным, уродливым, жестоким... И, едва я об этом подумала, как молнией вспыхнуло видение – бесконечная зелень леса, раскинувшегося до самого горизонта, лохматые шапки деревьев, влажные островки мха и россыпь алых, как капли крови, ягод. Все это было едино, монолитно, непостижимо. Сбивало с ног

своей красотой и силой, дарило, а не забирало жизнь.

До тех пор, пока человек не возжелал присвоить его магию.

Как же нам все исправить?

Казалось, время растянулось. Но на самом деле прошло всего несколько мгновений после того, как мой плащик оказался сорван, и я осталась без защиты – как бабочка с оторванными крыльями.

А потом чудовища почуяли, что я освободилась от морока, и потекли к нам пестрой бурной рекой...

Успею ли я что-то почувствовать, если они вздумают разорвать меня на части?

Эрик ткнул меня носом в спину – быстрее, не спи!

Мы обменялись взглядами и, не сговариваясь, побежали. Взыл ветер, усиливая аромат разложения, путая волосы и швыряя их мне в лицо.

Вокруг Сердца толпились в ожидании твари – их было несметное множество. Каждый раз, когда они бросались на него, вспыхивала едва различимая завеса – она колебалась, как тончайшая паутинка, вздрагивала, но не пропускала никого.

Чьи-то руки облапали мои бедра, чьи-то когтистые пальцы выдрали клочок волос, кто-то вцепился в юбку...

Во мне будто проснулись неведомые доселе силы, я наотмашь полоснула серпом по морде метнувшегося ко мне чудища, другому в горло вцепился Эрик. Он драл их когтями

и зубами, давая мне шанс уйти, прочищая путь...

Я ни с кем не билась до сегодняшнего дня, вообще считала, что я на это не способна, но тело в минуту смертельной опасности пыталось себя защитить. Я толкалась, брыкалась, молотила кулаками дряблые скользкие тела.

Пробивалась вперед, словно сражалась со штормом.

«Возьми с собой...»

«Мы нужны тебе...»

«Позволь нам... Выбери нас...»

Треск ткани, когда кто-то оторвал рукав моего платья. Жгучая боль, когда кто-то выдрал очередной клочок волос. И запах, этот тошнотворный сладковатый запах, который заменил весь воздух в Запретном Мире.

Вдруг я осознала – осталось совсем чуть-чуть, последний рывок!..

Для меня одной.

Потому что Эрик остался позади.

И тут, словно по команде, голоса зашелестели:

«Брось его...»

«Отдай его нам...»

«Он тебе не нужен в Верхнем Мире... Возьми нас, мы дадим тебе все...» – шипели, мычали и галдели со всех сторон, а в каких-то десяти шагах билось в агонии погибающее Сердце.

Поджилки затряслись от обуявшего меня ужаса. Наверное, даже волосы зашевелились на голове.

Быстрый взгляд назад – в тусклом свете луны сверкнуло занесенное лезвие... А Эрик не видел, он рвал когтями бледное тело очередной твари.

Я не думала – времени не было. С невнятным стоном метнулась, припадая ему на шею, пытаюсь оттолкнуть или заслонить собой.

Бок обожгла боль, словно меня проткнули раскаленным металлическим прутом, и я приоткрыла рот в немом крике. К горлу подкатила тошнота, а ноги внезапно подкосились. Наверное, я бы упала, если бы не держалась мертвой хваткой за шею Эрика.

Моего Эрика, которого я им не отдам!

– *Рози!* – в голове зазвенел голос, и волк прыгнул.

Преодолею со мной на шее оставшиеся шаги до волшебной границы, через которую не могли прорваться твари.

Толчок, удар – от падения из меня выбило дух. Но приземление вопреки всем ожиданиям было упругим – Сердце оказалось не холодным куском деревяшки, а теплым, как живая плоть.

В тот миг, когда моя кровь пролилась на него, внутри что-то задрожало, забило быстро и неровно, словно хищник обрадовался пойманной жертве.

– *Гр-р-р... Дер-ржись!* – Эрик смотрел на меня широко распахнутыми глазами-блюдцами, и в них отчетливо читался страх.

За меня.

Совсем рядом скакали и кривлялись порождения этого злобного мира, кидались на завесу и скребли ее когтями, но я видела только своего друга. Слышала только его тяжелое дыхание. И казалось – сквозь волчью маску проглядывает его настоящее лицо.

Лицо, что я видела во снах, а после часто вспоминала наяву.

– *Я не хотел этого, Роза... Прости...* – голос его задрожал, и зверь мотнул головой. – *Лучше бы меня убили, чем задела тебя.*

Его шерсть слиплась от нашей крови – уже и не поймешь, где чья. Только вблизи стало ясно, как сильно его ранили в схватке.

– Не говори глупости. Я в порядке.

Вранье... Длинный нож, предназначенный Эрику, глубоко ударил меня в бок – в этом месте платье потемнело и набрякло от крови. Ее вытекало все больше с каждым ударом сердца, она все сильнее пропитывала одежду, стекала по ноге.

– *Совсем дурная! Зачем подставилась? Тебе что, жить надоело?!* – вспыхнул он вдруг, и испуганный голос прогремел в моих мыслях, хотя сам волк мелко дрожал и едва стоял на лапах. – *Своевольная девчонка...*

– Не ворчи... Пожалуйста...

Морщась от боли, я присела.

– *Не ворчи?! Вот выберемся, я тебя отшлепаю!* – пообещала.

щал он, а я улыбнулась.

В сумке должен быть чистый отрез ткани, который я брала на случай, если Эрику придется делать перевязку. Действуя так быстро, как только могла, я вытряхнула бинт и наскоро обмотала вокруг себя, понимая, что этого катастрофически мало.

Я знала, что с такими ранами мало кто выживает. Часто хирурги не брались даже оперировать, заранее зная, что дело это безнадежное. Лезвие вошло глубоко, наверняка задело в печень.

Я думала об этом как-то слишком холодно и отстраненно, будто все это происходило не со мной. Эрик пытался меня подбодрить, успокоить – я понимала плохо. В голове нарастал гул.

– Я могу двигаться... – прохрипела упрямо. – Нам надо наверх.

Волк зарычал и ослабился.

– *Будь пр-роклято это место! Сиди здесь и береги силы, я сам!* – и, не переставая рычать и ругаться, он стал карабкаться, увязая лапами в мягкой плоти, как в густой грязи.

С каждым разом ему было все труднее выдернуть себя из гниющего Сердца, а корни, побеспокоенные неожиданным и грубым вторжением, начали лениво шевелиться.

Это выглядело жутко.

Тук... тук...

Оно билось в унисон с моим собственным пульсом – когда

я это поняла, колени провалились во что-то мягкое и горячее. Кажется, раньше, чем я истеку кровью, мною пообедает ненасытное древнее чудовище.

Страх быть поглощенной Сердцем Леса придал сил – я поползла вслед за Волчком, стараясь не сильно давить на вязкую поверхность.

Под руками противно чавкало, и я пыталась не думать о том, что руки покрывает густая слизь с отвратительным запахом. Боль в боку немного притупилась, но все равно каждое движение заставляло морщиться и задерживать дыхание. А то и давить стоны. Сейчас самое главное – отринуть все чувства и ощущения, сосредоточиться лишь на самом важном.

И я ползла.

Вскидывала голову и видела над собой тень волка – шерсть его в свете неотмирной луны вспыхивала серебристыми искрами, и казалось, они срываются вниз стайками светлячков. Странно, наверное ранение и потеря крови так действовали, но фантазия рисовала карабкающего человека, не зверя.

– *Упрямая!* – мой друг заметил, что я последовала за ним. – *Ну что ты будешь делать...*

Не надейтесь, ваше высочество. Я от вас не отстану.

Внизу осталось хлюпающее море чудовищ, кроны перекошенных деревьев, парящие болота. Над нашими головами раскинулось бескрайнее и постоянно меняющееся небо Запретного Мира – сейчас оно казалось мне почти красивым.

Даже тусклые звезды мерещились.

Сверху посыпался снег.

Нет... пепел.

Сердце исторгло гулкий вздох, и я покачнулась, но быстро выправилась и поползла скорее. Страх, что мы можем опоздать, гнал выше и выше. Я злилась потому, что с каждым мгновением двигаться становилось все тяжелее. А мне нельзя опаздывать! Эрик уже там...

– *Ну же, давай!* – его голос вырвал меня из полусонного состояния.

Закусив губу до крови, я сделала последний рывок и буквально выбросила себя наверх. Упала лбом в колеблющуюся, как холодец, плоть.

– *Цела?* – он склонился надо мной, сверкая глазами. – *Ты потерпи еще немного... Я что-нибудь обязательно придумаю, только держись.*

Да, надеюсь, ты позаботишься о бабуле, мой друг. Потому что я рискую стать одной из дочерей Запретного Мира.

А он дышал тяжело, сбито, но мне казалось – никого красивее я еще не видела. Вокруг моего волка медленно зрело мягкое серебристое свечение.

– *Я нашел меч, Розы. Нашел нашу семейную реликвию! Я должен достать его...*

Я проследила за взглядом Эрика – в каких-то пяти шагах из тела Сердца торчала рукоять, инкрустированная россыпью сияющих камней. Зачарованная сталь, направленная

рукой человека с темными помыслами, засела в нем ядовитой занозой.

Как же ему, наверное, больно. Не легче, чем мне сейчас.

Глазам стало горячо и мокро – я украдкой смахнула предательскую слезинку. Нельзя расстраивать друга. Не хочу разрыдаться при нем, я и так его напугала этой раной. Совершенно лишняя, в голове мелькнула мысль – и как он собрался вытаскивать меч? Зубами?

Еще небольшое усилие – удалось подползти почти вплотную. Рука потянулась к сияющей рукояти...

Внутри как будто что-то оборвалось. Боль согнула пополам, и я завалилась на бок, подтянув колени к груди.

– Р-рози! – крик прозвучал, как раскат грома над головой, и я увидела склоненное надо мной лицо Эрика.

Пепел кружился в воздухе, как сорванные ветром лепестки яблонь. Оседал хлопьями на его темные волосы.

«Поспешి... Спаси его...» – так я должна была сказать, но мои губы прошептали:

– Какой ты красивый...

И Запретный Мир протянул ко мне свои жадные ладони.

Глава 46. На краю бездны

Я задыхался.

Смотрел, как бледнеет ее лицо, как шевелятся бескровные губы, и не мог сделать вдох, не мог сдвинуться с места. Внезапно стало холодно, и меня затрясло – словно кто-то сдернул шкуру одним махом, оставив стыть на холодном ветру. С неба сыпался мелкий белый пепел, так похожий на снег, и оседал на волосах Розы.

– Какой ты красивый...

Она начала терять сознание, и только тогда я отмер, потянулся к ней и увидел...

Свои руки.

Не лапы дикого зверя, а самые настоящие человеческие руки! В одной кожаной перчатке с буквой «Э». Вместо длинных острых когтей, которыми еще недавно рвал тварей вниз, были обычные пальцы, слегка подрагивающие от пережитого.

Внутри что-то стремительно переворачивалось, вставало с ног на голову. Будто кто-то вонзил под ребра острый крюк и тянул, стремясь вывернуть меня наизнанку.

– Нет... нет-нет-нет! – зашептал в неверии, и обманчивая тишина Запретного Мира отозвалась хриплым смехом.

А я смотрел на распростертую у моих колен девушку и пытался осознать. Проклятье! Оно оставило меня, а это зна-

чит...

– Только не вздумай умирать! – я приподнял потяжелевшее тело, но она уже не смотрела на меня. – Роза... – позвал осторожно, надеясь услышать ответ.

Проклятье можно снять только кровью...

Но я не хотел этого... Только не так!

Сколько дней и ночей я желал снова обрести человеческий облик, вернуть трон, а не бегать по лесам за дичью, но теперь моя мечта рассыпалась прахом. Слишком высока оказалась цена.

Я бормотал что-то неразборчивое, прижимая ее к себе, пытаюсь согреть своим теплом. И зачем только поддержал упрямую девчонку в этой самоубийственной аванюре? И пусть бы это Сердце сгорело, рассыпалось в прах!

С ненавистью я оглядел уродливую громадину – жадную, голодную, озлобившуюся. Все ее естество содрогалось в равном ритме, бурлило изнутри.

– Ты довольна?! – крикнул во всю силу легких, и в ответ под ногами пробежала волна.

В памяти замелькали обрывки рассказов Розы. У каждого леса есть своя душа, свое Сердце – оно обладает магией, неподвластной смертным. И, получается, существует одновременно в двух мирах, играя роль двери. Не получив разрешения покинуть свой затхлый мертвый дом, тварям останется лишь дожидаться, пока Сердце погибнет окончательно, и тогда...

Я низко наклонил голову, одновременно прижимая голову Розы к груди. Запутался пальцами в ее волосах. Я знал их запах, еще когда был волком. Вера, смелость и доброта этой девушки не позволили мне забыть себя самого.

Она спасла мою душу.

Я приложил кончики пальцев к жилке на шее – та слабо, но билась. Бесконечно бережно я опустил маленькую и хрупкую Розы на землю. Поднялся.

Взгляд выхватил из окружающей серости единственное яркое пятно – рукоять нашего фамильного меча. Я видел это оружие лишь на картинах и в книгах, но узнал сразу. Это его завещал найти отец. Это им негодяй Рупперт пронзил Сердце Леса.

Сейчас я чувствовал недостойное злорадство – за свой поступок регент начал расплачиваться еще тридцать лет назад, и скоро продолжит.

Уж я ему это обеспечу. Как и его ведьме жене.

Осталось только выжить и вернуться.

Пальцы были скользкими от крови – я вытер их о плащ и обхватил рукоять как можно крепче. Металл, узнав хозяйина, отозвался едва различимым гулом и потеплел. Я потянул, упираясь пятками в плоть Сердца и проваливаясь в него по щиколотки, как в жидкую глину. Корни, похожие на клубок спящих уродливых змей, зашевелились – почуяли неладное.

Кровь бахала в висках, словно у меня над самым ухом кто-то бил в барабан. Пот застилал глаза, болела каждая рана на

теле. Я не видел, но чувствовал – корни поползли по моим ногам, обездвиживая, оплетая колени.

И я тянул, сцепив зубы, напрягая каждую мышцу.

Меч сидел плотно, будто был воткнут в камень. Раз за разом пальцы соскальзывали, но я не собирался сдаваться – только не теперь.

Рози бы не сдалась.

Взгляд упал на ее темную фигурку, к которой уже подбились щупальца-корни. Сердце хотело набить свою жадную утробу.

Злость придала сил, а гнев спалил последние сомнения. Я закричал – до хрипоты, до боли в глотке, вкладывая все оставшиеся силы в рывок.

Мгновение – и меч поддался, вышел с громким чавканьем, а меня отбросило назад. В том месте, где сидело лезвие, остался багровый след, сочащийся темной жижей.

Тук... Тук... Тук...

Сначала биение было глухим и мерным, а потом пульс будто сошел с ума – зашелся в бешеном ритме, пустился в галоп. Щупальца корней снова бросились на меня, но теперь я не был безоружен – обрубил их несколькими взмахами.

– Прекрати, ты, спятившее чудище!

Я не Рози. Я с ним церемониться не буду. Правда, не уверен, что Сердце меня слышит и понимает. Как будто вопреки этой мысли громадина всколыхнулась, а рана от лезвия начала расползаться вширь, будто кто-то разводил края ра-

ны пальцами.

Сжимая меч в одной руке, я бросился к Розе и подхватил ее другой. Она не двигалась, но я чувствовал – жива. Пока еще жива.

– Ты-ы! Слышишь меня, чудовище?! – заорал я в пустоту. – Если ты не поможешь ей, я сам изрублю тебя на куски!

Мне показалось – где-то внутри забурлило, вздохнуло, застонало, а потом...

Поднялся дикий вой.

Я посмотрел вниз – сотни чудовищ, толпящихся у подножья, метались в бестолковой попытке спастись. Их хватали и рвали на части корни, кто-то просто провалился в недра этого мира, как в болото. Они бежали, но вездесущие щупальца не оставляли тварям надежды на спасение.

С тихим шелестом они подбирались и к нам. А рана – зияющая, горящая закатно-алым светом, расходилась все шире и шире, грозя поглотить.

Мое собственное сердце металось в груди, как ошалелое. Глаза начали слезиться и слепнуть от ослепительного сияния.

– Я не боюсь ни тебя, ни твоей магии! – я крикнул, вкладывая всю свою злость на беспомощность перед древней, как мир, стихией. Она поглотит нас и не заметит. – Ты можешь забрать меня, но верни домой хотя бы эту девушку! И исцели ее, это ведь из-за тебя она сюда пришла!

Сейчас я больше всего на свете хотел, чтобы Розе оста-

лась жива. Чтобы встречала каждый день с улыбкой, смотрела на синее небо и щурилась от солнечного света. Чтобы пила ароматный чай на веранде просторного уютного дома и пекла мои любимые пирожки.

Горло стиснула невидимая рука. Во рту разлилась горечь.

Я бы сделал ее королевой, но сейчас остается сжимать в объятиях неподвижное тело и смотреть в глаза неминуемой смерти. Некуда бежать. Край разлома все ближе, свечение невыносимей, а кожу окутывает влажный жар – будто я нависаю над бездной.

– Я не этого хотел... – успел шепнуть и коснуться губами ее волос, прежде, чем под ногами разверзлась пустота.

Глава 47. Познакомиться заново

В какой-то момент появилось ощущение, что я парю в воздухе – это чувство вырвало меня из мутной пелены, в которой я барахталась, как в трясине. А потом наступил холод – до стука зубов и покалывания кожи. Пальцы зачерпнули полную пригоршню снега.

Где я?

Превозмогая усталость и тупую боль во всем теле, я попыталась сесть и оглядеться. Глаза слезились от режущего света, волосы мешали обзору. И, когда я все-таки устранила помехи, передо мной развернулась уже знакомая картина – усыпанные снегом деревья, клочки утреннего зимнего неба и две кривых сосны, вершинами развернутые друг к другу.

Меня едва не подбросило на месте, а холод сменился прошибающим жаром.

Запретный Мир! Я ведь была там, видела полчища тварей, Сердце Леса... Я карабкалась по нему вверх, истекая кровью. Рука метнулась к боку, судорожно ошупывая, но пальцы наткнулись лишь на дыру в платье – рана чудесным образом исцелилась.

Да что произошло-то? Я все проспала?

Вопросы крутились в голове, как рой потревоженных пчел, а самый главный – что с моим другом? Что с Эриком? И где он?

Волнение все нарастало, сменяясь липким страхом. Нет-нет, он не мог остаться там, он должен быть где-то рядом! Чувствуя, как затряслись губы, я кое-как поднялась и, припадая на левую ногу и обхватив себя руками, – на мне было лишь подрванное платье с одним рукавом, – побрела прочь.

Сил почти не осталось, ужасно хотелось спать. Лес нависал надо мной равнодушной громадой, но – удивительное дело – я больше не чувствовала от него угрозы. Как будто с наступлением рассвета попрятались все тени, развеялось злое колдовство, а скверна покинула эти места навсегда.

Тишина давила на уши. Кроме скрипа снега под ногами – ни звука.

И, чтобы развеять это гнетущее безмолвие, я набрала в легкие как можно больше воздуха и закричала:

– Эри-ик! Где ты-ы?!

Сверху посыпались комья снега, вспорхнула ворона, захлопав крыльями. Внутри шевельнулось нехорошее предчувствие – с недавних пор я не люблю этих птиц.

– Эрик! – снова позвала я, бредя вперед. – Отзовись, Эрик!

Ноги проваливались в снег почти по колено, корка наста ломалась с громким хрустом. Холод пробирал до костей.

Не может такого быть, чтобы я вернулась оттуда одна. А как же Вол... принц? Я помнила, помнила отчетливо, что в один прекрасный миг волчья сущность просто растворилась, и вместо дикого зверя я увидела молодого мужчину со спу-

таннными темными волосами и встревоженными глазами.

Тогда он показался мне самым прекрасным из всех, кого я видела в своей жизни. А дальше... наступило полное забвение.

Ох, что же случилось в этом Запретном Мире, что теперь я не могу его найти? Я обернулась – оказывается, прошла всего ничего, след от моего тела на снегу все еще просматривался. Двигаюсь слишком медленно, так я никогда не отыщу Эрика. Если он где-то рядом, без сознания, то ему грозит смерть от переохлаждения.

Я и сама уже на сосульку похожа, зуб на зуб не попадает от холода. Так я и шла, то выкрикивая осипшим голосом имя друга, то размышляя о жестокой судьбе, как вдруг путь повел меня вверх. Я вскарабкалась по склону, обдирая ладони о жесткие кусты – руки почти утратили чувствительность. А потом взгляд зацепился за темное пятно – на мгновение пропал дар речи.

Там, в каких-то десяти шагах, у большого серого камня лежал человек.

Внутренний голос шепнул – это он! В два прыжка я преодолела разделявшее нас расстояние и упала на колени. Перевернула Эрика лицом вверх, и предательские слезы тут же обожгли уголки глаз.

– Очнись... – попросила я тихо, потому что голос осип от холода.

Я осторожно похлопала принца по щеке. Жаль, что нет

под рукой нюхательной соли.

Сколько раз я гладила его по мягкой серой шерсти, а сейчас впервые коснулась кожи. И от этого чувства внутри что-то всколыхнулось, сердце застучало быстрее, разгоняя по замерзшему телу кровь.

Казалось, он уснул глубоким сном. О том, что мой дорогой друг жив, говорило теплое дыхание и еле трепещущие ресницы.

Такие длинные, черные.

Я поймала себя на мысли, что не могу наглядеться на своего нечаянного друга, и разозлилась.

Как можно в такое время думать о всяких глупостях?! Дурочка ты, Розы. Голову совсем тебе отбили в Запретном Мире.

Пока я распекала себя мысленно, не заметила, как локон моих волос соскользнул прямо на лицо принца – он вздохнул глубоко, завозился, чихнул и...

Распахнул глаза.

Несколько мгновений, показавшихся бесконечно долгими, мы смотрели друг на друга. А потом Эрик выдохнул, и на лице отразилось такое облегчение, будто с плеч его свалилась целая гора.

– Розы! – внезапно он откинул голову и расхохотался легко и беззаботно. – Ты жива!

Чувствуя, как румянец заливает щеки, я немного отодвинулась, чтобы не совсем уж нависать над ним. Мне переда-

лась его легкость – показалось, будто сейчас воспарю над макушками лохматых елок и улечу в бескрайнее зимнее небо.

Благодаря этому мальчишескому смеху Эрик показался мне совсем молодым. Моложе, чем в моих снах. И улыбка у него была чудесная – широкая, белозубая. Так и тянуло присоединиться к веселью, но от смущения я места себе не находила.

– Поверить не могу, мы оба все-таки выжили и вернулись обратно, – отсмеявшись, сказал он и приподнялся на локтях. Его скулы раскраснелись от мороза, волосы растрепались и начали виться от влаги, а над ухом в них запутался маленький тонкий прутик – мне вдруг страстно захотелось его вытащить, пришлось даже пальцы в кулак сжать.

– Я не помню, что случилось в конце... – потупилась виновато.

Нет уж, мой Волчок оказался слишком красивым. Да и нет у меня никакого права называть его своим – он принц, будущий король.

Внезапно глаза Эрика удивленно расширились, как будто он увидел привидение:

– Твоя одежда! Прости, не сообразил сразу. У меня пока с этим туго, – он расстегнул серебряную фибулу, что скрепляла плащ.

Плотная ткань с богатой меховой опушкой показалась горячей – меня окутал еле уловимый запах его кожи, дыма и можжевельника.

От такого простого проявления заботы защемило в груди. Казалось, для Эрика не было ничего естественней этого жеста, но мне, не привыкшей к такого рода вниманию, стало безумно неловко. А еще очень приятно.

Он несколько дольше, чем, казалось бы, было нужно, задержал ладони на моих плечах.

– Но как же ты? – вконец смущенная, спросила я. Наследник престола остался в тонкой куртке, вдруг подцепит воспаление легких по моей вине?

– А мне не холодно, – произнес тихо, так, что у меня от этого тона внутренности скрутились в тугой узел. А потом вдруг спросил: – Можно я тебя обниму, Роза?

Конечно, ответить я не успела – отказываться, между прочим, и не собиралась – Эрик бережно прижал меня к себе, заключив в кольцо крепких рук. А я удобно устроила голову у него на плече.

– Как хорошо, что теперь у меня не волчьи лапы, и я могу не бояться навредить тебе, – раздалось у виска.

Я не хотела даже дышать, чтобы не спугнуть волшебные мгновения. Никогда раньше я не испытывала ничего подобного.

– Не навредил бы и тогда.

Он взволнованно выдохнул, и кожу за ухом обожгло горячим воздухом.

– А ведь были моменты, когда я почти утрачивал разум, – произнес Эрик задумчиво, и его руки соскользнули с моих

плеч.

Сразу стало холодней, и я пожалела, что не обняла его в ответ.

– Все это в прошлом. Тебе не в чем себя винить.

Вспомнился момент, когда я отыскивала его в лесу, раненого. И как он на меня рычал и скалился, когда я хотела помочь избавиться от капкана. По взгляду Эрика я поняла – он подумал о том же самом.

– Тогда я просто хотел тебя напугать, чтобы ты ушла и никогда больше не приходила, не рисковала из-за меня.

– Не так уж я и рисковала...

– Ты всего не знаешь. Мое проклятье можно было снять только кровью. «Если найдется человек, готовый пожертвовать ради тебя жизнью»... И я боялся, что этим человеком можешь стать ты.

От этой пронзительной искренности и грусти, что прозвучала в его голосе, болезненно кольнуло в груди. Несколько мгновений я пыталась усмирить разыгравшиеся эмоции – мешали его близость и пристальный взгляд зеленых глаз, которым, казалось, он видел меня насквозь. И еще прутик, что так хотелось вытащить из его волос.

Когда я почти решилась, вдруг пришло озарение:

– Но захотеть пожертвовать и умереть – это разные вещи, не находишь? Главное здесь – *захотеть*. Но в тот момент... – воспоминание о занесенном над Эриком кинжале заставило передернуться. –... я не думала ни о чем. Как-то все само

собой получилось. К тому же, моя кровь все-таки пролилась.

Эрик сердито нахмурился и издал какой-то звук, отдаленно напоминающий «гр-р».

– Кто разберет эти путаные проклятья? Но я от испуга за тебя начал даже Сердцу Леса угрожать.

– Что ты ему сказал? – мне захотелось рассмеяться, и я прижала пальцы к губам.

– Что порублю его на мелкие кусочки. Кстати, где мой меч? – спохватился Эрик.

Меч обнаружился неподалеку. А я, вдруг вспомнив кое-что важное, разгребла снег и приложила обе ладони к земле. Из самой ее глубины донеслась еле ощутимая вибрация – она растеклась по венам, отозвалась благодарным теплом.

– Я чувствую его – Сердце живо, – произнесла шепотом, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

Эрик подошел и опустился рядом на одно колено. Устроил свою ладонь рядом с моей.

Какие у него большие руки!

А в голове, совершенно неуместный, запищал внутренний голосок: "Это чтобы крепче обнять тебя, деточка".

Надеюсь, мой друг не замечает, как я краснею от стыда?

– Проход в Запретный Мир крепко запечатан. Лес будет жить, – сказал Эрик уверенно, а потом подхватил меня под локоть и поставил на ноги. – И в этом твоя заслуга, Розы. Если бы не твоя самоотверженность и решимость, случилась бы беда. Ты всех нас спасла. И, если бы в один прекрас-

ный день я тебя не повстречал, то моя жизнь закончилась бы очень печально.

Я смотрела на него, подмечая каждую черточку – родинку над бровью, старый шрам на подбородке – посветлевший и едва заметный. И невольно вспоминала волчью тоску во взгляде, взъерошенную холку, злой оскал.

Сейчас не было ни намека на ту боль и тот ужас, что пришлось пережить Эрику. Он был полон внутреннего света, смотрел на лес, на небо, на меня так, будто увидел впервые и был восхищен открывшимся заново миром. А мне просто хотелось погреться в его лучах.

– Ты так молчалива, я тебя не узнаю, – Эрик разгладил складки плаща на моих плечах и прочесал пальцами опушку воротника.

А я следила за ним, затаив дыхание и не смея шелохнуться.

– Раньше ведь болтала без умолку, хотя собеседник из меня был так себе, – он улыбнулся тепло и открыто, а я вдруг подумала, что готова пойти за этой улыбкой хоть на край света.

– Понимаешь, Эрик, – начала я несмело. – Мне немного непривычно видеть тебя в человеческом облике. Вот и смущаюсь.

Нет, ну что я несу?! Сейчас сквозь землю провалюсь от стыда.

– Конечно, в облике волка я был более харизматичен, по-

нимаю, – согласился он, а потом добавил: – Но сейчас на мне хотя бы нет блох – и это весомое преимущество!

Не выдержав, я рассмеялась, представив его сосредоточенно чешущим шевелюру.

– Кстати, я еще не простил тебе «меховую шапку» и «волчье высочество», – он много значительно взглянул на меня и произнес низко: – Пирожками придется расплачиваться. С мясом. И с капустой.

– Ой, совсем забыла! У меня как раз есть пирожки, – слишком поспешно воскликнула я и зашарила в сумке, что до сих пор сиротливо болталась у бедра.

Я была несказанно рада сменить тему – вдруг припомнит еще что-то из моей легкомысленной болтовни?

И, надеюсь, он забыл тот неловкий поцелуй в нос?

Уже через минуту мы с аппетитом жевали, сидя на расчищенном от снега валуне. Казалось, что с каждой минутой становится все светлей и светлей – мутная серость уходила, уступая место первому утру нового года.

– Объедение. Просто тают в пас... во рту, – Эрик блаженно закатил глаза. – Тебе обязательно надо поделиться рецептом с королевскими поварами.

И вроде впору радоваться, но похвала эта напомнила о пропасти, что лежит между нами. Совсем скоро он вернется в столицу, взойдет на престол и в водовороте государственных дел едва ли вспомнит о смешной девчонке в алом плаще...

А я останусь в своем маленьком городке и буду хранить память об этих чудных событиях, о том, как он обнимал меня, как сидел рядом, касаясь моего бедра своим. Хотелось растянуть эти теплые мгновения, не покидать лес, заботливо укрывший нас от всего мира, как можно дольше.

Но скоро наступит пора прощаться, и никто не узнает, как мне на самом деле грустно.

– Я должен скорей отправить весть о своем возвращении, пока Рупперта не успели короновать, – при упоминании этого имени лицо Эрика сделалось жестоким, даже показалось – сейчас оскалится по-волчьи. – По закону должно пройти не меньше двух лет, чтобы пропавшего без вести монарха признали погибшим.

– И когда истекает этот срок? – с замиранием сердца спросила я.

– Сегодня, – мрачно ответил Эрик, но, взглянув на меня, взгляд его прояснился. – Тебе, наверное, интересно, как я стал волком?

– Если тебе неприятно об этом вспоминать, то можешь не рассказывать.

– Ты имеешь право знать. И именно с тобой мне бы хотелось поделиться этой невеселой историей, – он уперся локтями в колени и опустил голову. Воспоминания гнули его шею пободно ярму.

Эрику никогда не нравился ближайший советник и друг отца – Рупперт. Некоторые помнили его статным широко-

плечим великаном, силачом и победителем турниров. Он происходил из рода мелкопоместных дворян, но как-то быстро заслужил доверие короля. А еще он был женат на женщине по имени Левзея – никто не знал, откуда она взялась, и кто ее родители. Сплетники говорили, что у окна ее спальни постоянно кружит воронье, а сама она – темная колдунья.

Но в один день все изменилось – Рупперта поразила неизвестная болезнь. Он стал усыхать, будто что-то тянуло из него силы, особенно досталось правой руке.

– Я понимаю, почему, – сказала тихо, боясь прервать рассказчика. – Потому что меч обычно держат в правой руке, ей он и нанес удар Сердцу.

– Теперь, спустя много лет, все наконец-то встает на свои места, – холодно произнес Эрик. Брови его были сведены на переносице, принц то сжимал, то разжимал кулаки. – Он не только предатель и узурпатор, но и вор. Его ведьма-жена околдовала моего отца, он безоглядно доверял Рупперту.

Я слушала и вспоминала сновидение, в котором был рыжебородый мужчина с надвинутым на лицо капюшоном. Тогда его вид показался мне слишком подозрительным.

– Тетушка Лаванда говорила, что этот человек хотел присвоить магию леса, но его тело не смогло ее вместить. Магия просто изуродовала этого Рупперта.

Я кратко объяснила Эрику, кто такая тетушка Лаванда, и при каких обстоятельствах мы с ней познакомились. При упоминании званого вечера в поместье Глоуда Эрика аж пе-

редернуло, но он промолчал. Зато, когда я закончила, произнес кровожадно:

– Жаль, что Рупперт выжил тогда.

С тех событий прошли годы: у стареющих короля и королевы родился сын – Эрик, меч так и не нашли, Рупперт продолжал быть ближайшим советником и все сильнее подминал под себя двор. Его боялись, а Левзею – избегали.

Когда принцу минул двадцать один год, старый король стал совсем ослабел и через некоторое время скончался. Эрик готовился принять корону – церемония должна была состояться после празднования нового года, а Рупперт, почувствовав, что молодой наследник не поддается его влиянию и все больше оспаривает его авторитет, замыслил измену.

Они были на охоте, когда все случилось. Эрик отделился от свиты, конь унес его далеко в лес, где не было слышно ни лая собак, ни гудения охотничьих рожков.

– Тогда я увидел Рупперта. Они с женой появились будто из воздуха, – он повел рукой, очерчивая круг. – Что было дальше, я помню смутно... Казалось, я ослеп на несколько мгновений, упал в снег, а потом... – Эрик замолчал и посмотрел на меня. На лице его отпечатался след болезненных воспоминаний.

– Ты очнулся волком? – закончила я за него.

Он отрывисто кивнул.

– Да. На прощанье ведьма сказала, как снять проклятье,

но это было не советом, а насмешкой. Они думали, что не найдется человек, готовый на все ради опасного зверя. И мне пришлось бежать и скрываться от своих же людей. Я будто пребывал в полусне-полубреду, никак не мог смириться со своей новой сущностью. Я бежал далеко от столицы, скрывался в лесах и рощах, а люди, едва прознав о появлении в их краях огромного волка, начинали на меня охоту.

Я представила, каково ему пришлось, и озноб пробрал до кончиков ногтей. Бедный, бедный Эрик!

– Так я добрался до вашего городка и проклятого леса, в который, на мое счастье, не осмеливались соваться местные. Что было после, ты знаешь сама, Розы.

Он закончил рассказ – мы оба молчали. Я, глядя на кончики своих ботинок, а Эрик – куда-то вдаль, где смыкались верхушки прямых, как мачты, сосен. Мягкий утренний свет проникал сквозь заснеженные кроны, оседал искрами на сугробах. Я чувствовала приятное волнение и старалась запечатать в памяти эти тихие мгновения, и украдкой поглядывала на четкий, будто вылепленный талантливым мастером, профиль.

И понимала – когда-нибудь я расскажу сказку об одной девице и сером волке своим детям. А потом – внукам.

Да, это определенно будет сказка со счастливым концом. И то, что в носу начинает пощипывать, а глазам становится горячо, совсем ничего не значит.

– Спасибо тебе, Розы, – наконец, заговорил Эрик. – За

твою веру, за доброту, за смелость. Что не побоялась ужасного зверя и пожалела его. И теперь я свободен. Свободен, понимаешь? – его пальцы скользнули по моей руке, легонько сжали запястье. – Благодаря тебе.

Кажется, он не заметил, что я вот-вот расплачусь. Пришлось растянуть губы в широкой искусственной улыбке, чтобы мой друг ничего не заподозрил.

– Сейчас я кое-что сделаю... – он опустил глаза вниз, смутившись. – Ты только не удивляйся, ладно?

***

Воздух был упоительно сладок. Целых два года я не мог вдохнуть полной грудью, а сейчас мир снова открылся мне в своей первозданной красоте и величии.

Глаза Розы блестели и напоминали два темных влажных озера, и сама она, окутанная мягким светом утреннего солнца, казалось, сияла. Ее близость волновала меня не меньше, чем в то время, когда я носил волчью шкуру.

Даже больше, пожалуй.

– Сейчас я кое-что сделаю... Ты только не удивляйся, ладно? – я решительно соскочил с валуна, чтобы сделать то, чего долгое время был лишен.

Человеческий голос. Человеческие чувства.

Эмоции, не замутненные жестокой звериной сущностью.

Вдохнув полной грудью, я раскинул руки в стороны и закричал. Казалось, мой крик заставил содрогнуться вершины суровых елей. Это было сносящее голову чувство, когда до-

рогой тебе человек жив, когда ты свободен от проклятья и, кажется, счастлив.

– Я свободе-ен!!!

Она смотрела на меня, распахнув глаза от удивления. И тогда я схватил Розу в охапку и закружил – даже в моем тяжелом плаще она казалась легкой, как пушинка.

Обнимая меня за шею, девушка заливисто смеялась. Век бы слушать этот радостный смех и видеть счастье в глазах! А еще до боли хотелось припасть к этим алым и наверняка сладким губам, но я сдержался. Я же больше не зверь, я приличный принц. Хотя... она ведь уже целовала меня. Сама.

Когда мы выдохлись и замерли – взъерошенные, вспотевшие и пьяные морозным лесным воздухом, Роза протянула руку и вытащила из моих волос запутавшийся прутик со словами:

– Давно хотела это сделать.

Не знаю, что послужило знаком – ее нежный взгляд или разомкнутые губы, но я больше не смог противиться искушению. Наклонился и вовлек в невинный, полный нежности поцелуй, который грозил превратиться в настоящую бурю.

Сначала Роза удивленно вздохнула и напряглась, а потом обхватила меня за шею руками и проявила недюжинный исследовательский пыл. Время и пространство вокруг нас словно бы перестало существовать, растворилось, оставив только вдвоем посреди темной бесконечности. Она искушала, манила, притягивала магнитом – хотелось отбросить

все условности и упасть в ее зовущие объятия.

В груди горело – мне не доставало воздуха, но оторваться от теплых влажных губ я не мог. Пил ее дыхание, как шальной.

С небес на землю меня вернул звук, раздавшийся за спиной – как будто затрещали в камине влажные поленья.

Звук знакомый. Зловещий.

В груди разлился сначала холод, а потом меня окутал огонь старой ненависти – даже руки затряслись. Роза уставилась испуганно, должно быть, приняв мою реакцию на свой счет, а потом тишину вспорол резкий оклик:

– Почему ты все еще жив?!

Глава 48. Давние враги

В тот момент, когда я уже начала таять, как сосулька на солнце, Эрик вдруг окаменел и отстранился. Вместо головокружительной эйфории меня охватил беспощадный холодный страх и мысль – что я сделала не так? Его лицо переменялось в мгновение ока – губы сжались в полоску, на щеках заиграли желваки.

И только, уловив краем уха странный звук и заглянув ему за спину, я все поняла. Пространство исказилось, за нами вдруг разверзлась гигантская воронка – посыпали голубые магические искры, ткань мироздания расплзлась, будто ее вспороли ножом.

– Почему ты все еще жив?! – крик, полный злости, ударил по ушам, и, когда магия рассеялась, мы увидели двоих – мужчину с перекошенным уродливым лицом, в богатой одежде и драгоценном венце, и высокую черноволосую женщину с глазами пустыми и темными, как обсидиановое стекло.

Эрик стиснул мое запястье до боли, а потом шагнул вперед, закрывая собой.

– И девчонка тоже жива, хотя должна была поджариться, – прошипела женщина, по всей видимости, колдунья, сквозь зубы.

Я боялась даже дышать. Стояла, обмерев от страха и

неожиданности.

Поджариться? О чем это она?.. Неужели...

Но задать вопрос или хотя бы обдумать мысль не успела – меня опередил Эрик.

– Какая удача, вы-то мне и нужны, – послышался его негромкий, полный скрытого бешенства, голос. Эрик, в отличие от меня, совсем не испытывал страха. – Парочка заговорщиков – Левзея и Рупперт... Или мне следует величать тебя ваше величество?

Так это те, кто повинен в несчастьях моего друга! Догадка, мелькнувшая на краю сознания, подтвердилась. И как они, интересно, нас выследили?

Если только...

Ворона!

Я сжала пальцы в кулаки. Эта пернатая гадина наверняка все докладывала хозяйке, ох, не зря их называли ведьминскими птицами.

А Лорд Регент полыхнул глазами и заговорил. Речь его была невнятной из-за увечий, поэтому пришлось напрягать слух:

– Ты опоздал, Эрик. Сегодня моя коронация. Сейчас я расправлюсь с тобой и твоей подружкой... – он скользнул по мне презрительным взглядом, будто я была пылью под ногами, не больше, -... а потом вернусь и...

– Ты расправишься? – перебила женщина, и рот ее дернулся в кривой усмешке.

А она была красивой, эта ведьма.

И вдруг Рупперт напустился на нее, замахнувшись здоровой рукой:

– Ты всего лишь глупая баба! Даром, что колдунья. Надо было убийцу к нему подослать, было бы надежней! А ты все «Ма-агия! Ма-агия!». И что теперь? Ты даже с девкой разделиться не сумела, бездарность!

Казалось, темные глаза женщины стали еще темнее. На лицо напозла туча. Она смотрела на мужа, скрестив руки под грудью.

– Так это были вы... – выпалила я, сделав шаг вперед. – Это вы сожгли мой дом?

Кровь ударила в голову, внутри забурлил гнев. Как легко, оказывается, ломать судьбы людей просто из-за прихоти! Просто потому, что так захотелось. С полной уверенностью в своей безнаказанности.

Ведьма улыбнулась, но от этой улыбки меня прошибло холодом.

– Да, детка. Только не своими руками.

– Робби?... – осенило меня.

– Его разумом, уже начавшим разлагаться, оказалось легко овладеть, – спокойно, будто обсуждая свежие булочки в пекарне, поведала колдунья. – Мальчишка оказался слишком слаб и внушаем. Я не собиралась его убивать, он и так был безумен и погиб в огне по собственной глупости. Туда ему и дорога.

Я отказывалась верить в услышанное. До этого создания Запретного Мира казались мне воплощением зла, но, оказывается, я ошибалась. Гораздо более ужасные и жестокие люди ходят среди нас, они могут носить богатые одежды и улыбаться, но внутри у них нет ни сострадания, ни жалости, ни совести.

– И как вас только земля носит! – не обращая внимания на шиканье Эрика, гневно выкрикнула я, переводя взгляд с ведьмы на Лорда Регента. – Вы не только затуманили разум старого короля и сломали множество жизней, но и на Сердце Леса посмели замахнуться! Но вы просчитались, – на этих словах Рупперта аж перекосило, но я продолжила: – Вам никогда не получить его силу! Оно исцелилось и будет жить! Так что убирайтесь из этого леса подобру-поздорову... и не только из леса, но и из этого королевства!

Когда я закончила свою гневную тираду, все смотрели на меня, широко раскрыв глаза. Не ожидали от обычной девчонки, тихони, такой пламенной речи. А у меня от крика даже во рту пересохло.

Наконец, Эрик довольно усмехнулся и посмотрел на меня жарко, так, что к щекам прилила кровь.

– На вашем месте я бы последовал совету Розалин, если не хотите оказаться на плахе.

– Меня такой расклад не устраивает, – нагло заявил узурпатор, но сделал малюсенький шаг назад. – А Сердце Леса... Ничего нам не сделает эта безмозглая деревяшка. Же-

на, давай, покажи уже свои ярмарочные фокусы! Надоел этот цирк, мне сегодня еще короноваться.

Бледное лицо колдуньи покрылось розовыми пятнами от обиды и злости – он ни во что ее не ставил.

– Давай, Левзея, покажи, на что ты способна, – подначивал ее Эрик. – Наколдуй что-нибудь веселое, а мы все вместе посмеемся. Я ведь вижу, как ты постарела и ослабла... Мое проклятье было слишком сильным, оно истощило тебя. А заклинание перехода добило.

– Что?! – воскликнул Рупперт. – Он врет, да?! Убей их, быстро! Иначе я брошу тебя в темницу, глупая баба!

Эти слова оказались последней каплей. С лица ведьмы слетела маска холодной самоуверенности. Мраморно-белая кожа стремительно пошла морщинами, а волосы цвета воронова крыла начали белеть. Красота и молодость, поддеживаемые магией, развеялись как дым, являя истинный лик.

Рыча, как волчица, она сунула руку в мешок, перекинутый через плечо, с явным намерением достать оттуда какую-то опасную штуку. Я невольно отшатнулась, Рупперт упал на обтянутый синим бархатом зад и пополз назад – изменения во внешности супруги ошеломили его до заикания. Или просто он побоялся попасть разъяренной колдунье под руку.

А дальше произошло сразу несколько событий: Эрик метнулся к камню за мечом, Левзея вытащила светящийся голубой сгусток, а я вдруг покачнулась и еле устояла на ногах...

Потому что земля под нами задрожала.

– Что это? Что происходит?! – истерично завизжал Руперт.

В недрах земли зашевелилось нечто, долго пребывавшее взаперти. Оно, как зверь, почуяло запах добычи и взметнула вверх свои бесчисленные руки.

Сердце Леса не было безмозглой деревяшкой – узнало давних врагов и пожелало мести.

В глазах ведьмы отразился ужас, когда с оглушающим грохотом землю перед ней пробил гигантский росток. Левзея с искаженным от визга ртом швырнула магический сгусток в зеленое щупальце, еще на что-то надеясь, но то с чавканьем поглотило угощение. Впитало, как губка, а под землей довольно заурчало.

Перед тем, как Эрик повалил меня на землю и закрыл своим телом, я успела увидеть взвившиеся из разлома ввысь живые плети и услышать вопли Лорда Регента и его жены.

А потом все стихло.

Некоторое время я еще боялась пошевелиться – как бы Сердце Леса не вздумало отобедать еще и нами. Но тут Эрик как будто нехотя сполз с меня и пошел туда, где были вздыблены и разворочены целые пласты земли.

И где в последний раз стояла парочка злодеев.

От мыслей о том, что в этот момент они чувствуют, если еще живы, по спине скользнул холодок. Меня замутило.

Зачерпнув горсть снега, я умыла им лицо, чтобы хоть как-

то прийти в себя. Да уж, встреча с регентом и его женой вышла... запоминающейся.

– Интересно, мы сегодня вообще до города доберемся? – послышался задумчивый голос принца. – Мне еще с твоей бабушкой знакомиться. И с другими... кхм... родственниками.

Последняя фраза прозвучала многообещающе. С губ едва не слетел нервный смешок, когда я представила дядю Джеймса, лебезящего и взрывающегося розовыми мыльными пузырями при виде наследника престола. Да он просто с ума сойдет! А вот бабушка будет искренне рада.

Но рассудок точил маленький такой червячок – вертлявая скользкая мысль, которую я никак не могла ухватить за хвост. А когда это случилось, я едва не застонала.

Торн Глоуд!

Надеюсь, он все-таки выжил.

Глава 49. Лавка посреди леса

От мыслей о том, что я все-таки могу оказаться убийцей, и тогда плакали и свобода, и планы на будущее, и здравствуй – тюрьма, меня отвлекли странные звуки. Будто в глубине земли что-то забулькало, закашляло – из разлома, в котором скрылись регент и ведьма, фонтаном брызнули комья мерзлой земли.

– Розы, не подходи! – Эрик оттеснил меня назад. В правой руке принц сжимал рукоять меча, вся его фигура была напряжена.

Ну точно зверь перед прыжком.

– Кажется, бедное Сердце подавилось, – заметила я и невесомо тронула мужскую кисть с выступающими венами. Просто чтобы успокоиться.

Бах!

Что-то серое взмыло высоко вверх, выше заснеженных крон. На мгновение зависло, окруженное тучей пыли, и я опознала в летящем предмете сумку Левзеи. А потом та стремительно понеслась вниз, открываясь на лету.

Эрик сощурился, пытаясь разглядеть посыпавшиеся безделушки, среди которых особенно выделялся сиреневый шар. Он пульсировал и сиял яркой звездочкой, а еще, кажется, собирался рухнуть прямо мне на голову.

– Назад! – и снова Эрик толкнул меня так, что дух вышиб-

ло. Хотя и упала я в сугроб. – Прости, – буркнул в ухо и сразу вскочил на ноги, готовый к обороне.

Любопытство оказалось сильнее чувства опасности, я приподнялась на локтях – прямо в лицо ударил луч яркого света пополам со снежным крошевом, вынуждая заслониться локтем. А потом – скрежет, грохот, хлопок.

Да что же такое творится?! Сердце металось, как одурелое, мысли о самом худшем рвали сознание в клочья. Неужели мы выбрались из Запретного Мира, чтобы вот так глупо и бесславно умереть от прощального подарка Левзеи?

Я не сразу заметила, что воцарилась тишина. Странная тишина. Поразительная. А потом изумленный голос Эрика позвал:

– Розы... Посмотри.

Я боязливо приоткрыла сначала один глаз, потом второй... И раскрыла рот от удивления.

Прямо перед нами, сияя вывеской и двумя окошками, стоял уютный маленький домик, похожий на гриб с красной шляпкой среди заснеженного леса.

– «Лавка тетушки Лаванды», – медленно, пытаясь справиться с охватившими его эмоциями, прочитал Эрик и повернулся ко мне. – Ты хоть что-нибудь понимаешь? Я – нет.

Ответить мне не дал скрип – из двери, охая и озираясь, показалась всклокоченная сиреневая голова.

– Ну и денек! Чтоб меня... – раздался знакомый голос и, потягиваясь всем телом, модистка вышла на крыльцо.

Я подскочила, как ужаленная:

– Тетушка Лаванда! – и бросилась к ней, игнорируя попытки Эрика остановить меня. Сердце наполнила такая радость, легкость – с души свалился тяжкий груз вины. Фея жива и с ней все в порядке!

Увидев нас, женщина расцвела в благодушной улыбке и с радостью заключила меня в объятия.

– Деточка! Какими судьбами? Неужели вам удалось справиться с ведьмой Левзеей? – она стрельнула глазами в сторону Эрика, который, наконец, расслабился и опустил клинок.

– Ох, это очень долгая история, тетушка Лаванда, – я устало качнула головой.

– Ну, если у вас найдется немного времени, то давайте обсудим ваши приключения за чашкой ароматного чая, – она сделала приглашающий жест, и тут же из двери с ликующими визгами вылетела стайка миниатюрных фей со стрекозиными крылышками. Они окружили недоуменно хлопающего ресницами Эрика, что-то прочирикали на своем, и бросились врассыпную.

Тетушка Лаванда смотрела на своих малышей с любовью и нежностью, так, как смотрит на детей любящая бабушка.

– Пожалуй, чай не помешает, – Эрик кивнул. – Неплохо бы согреться, а то Розы совсем заоченела.

– Ну и славненько! – она потеряла пухлые ладошки. – А я расскажу, что же случилось со мной.

Внутри лавка осталось такой, какой я ее запомнила – ру-

лоны разноцветных тканей, волшебные светильники с моховыми коряжками и очаровательными жучками, ряды коробок с пуговицами, кружевами, лентами и прочими швейными радостями, потрогать которые так и чесались руки. Но – не сегодня.

Пришлось с сожалением признаться, что я не уберегла бесценные подарки – три платья сгорели, а плащик разорвали твари из Запретного Мира. Но фея, кажется, ничуть не обиделась.

– Они сыграли свою роль – это самое важное, Розочка, – наставительно произнесла та и потрепала меня по плечу. – А насчет подвенечного платья не волнуйся, что-нибудь придумаем, – и подмигнула.

Я залилась краской до самых ушей и потупила взгляд. Смотреть в этот момент на Эрика отчего-то стало неловко, но он сам быстро сменил тему, продолжив красочный рассказ о нашем путешествии. Я время от времени вставляла слово-другое, но больше слушала – Эрик был прекрасным рассказчиком, его голос лился подобно музыке. Хотелось слушать, слушать, слушать...

– Ты прав, мальчик мой, – тетушка Лаванда подула на чай и пригубила. – Использование заклятий такой силы истощает магический резерв чародея. К тому же, Левзея применила опасное заклятье уменьшения – подкараулила, когда я спала. Ей показалось забавным то, что моя лавка вместе со мной и всеми обитателями стоит на ее туалетном столике внутри

волшебного шара.

– За что она с вами так? – спросила я. – Неужели за что-то мстила?

– Когда-то Левзея была подающей надежды светлой колдуньей, но она не знала меры... – тетушка Лаванда погрузнела. – Потом связалась с Руппертом, надев личину молодой красавицы, которая, кстати, тоже сил ого-го забирает. Но любовь зла... А на меня она обозлилась за то, что я отказалась помочь ей его исцелить, – Лаванда негодуяще фыркнула. – После всего, что эти двое сотворили! Но сегодня она умерла, и я стала свободна.

Я мало что понимала в колдовстве, но слушала внимательно, хотя ужасно хотелось спать. А мелкие проказницы-феи начинали теревить мои волосы и щипать за нос, стоило только смежить веки.

– Значит, отныне лес перестанет внушать людям страх? – спросил Эрик, пытаясь сесть поудобней, но длинные ноги мешали ему как следует расположиться за миниатюрным столиком. – Вам ведь больше незачем окружать его волшебным барьером, Сердце здорово и никому не сможет навредить.

– Барьер пал в тот момент, когда Сердце исцелилось. Заклятье страха основательно иссушило меня – чтобы восстановилась утраченная сила, должно пройти еще много времени, – в голосе Лаванды прозвучала легкая тоска. Она поправила кудряшки и разгладила платье на коленях. – Люди

больше не будут трястись от ужаса только на подходе к лесу, и со временем его проклятье забудется.

Я почувствовала, как губы непроизвольно растянулись в улыбке, и перехватила взгляд Эрика. Что-то в нем было такое – теплое, уютное, доброе, отчего захотелось свернуться клубочком у него на коленях и замурчать.

– Но наша Роза и так ничего не боялась. Жажда непознанного оказалась сильнее банального страха, – с гордостью произнес он и накрыл рукой мою ладонь.

Чаевничать слишком долго мы себе позволить не могли, поэтому уже скоро пришлось прощаться.

– Знаете, это неплохое место для лавки! Доберутся только самые стойкие модницы, – тетушка Лаванда очаровательно рассмеялась. – Вы забегайте, не стесняйтесь. И спасибо вам за все, ребятки. С меня свадебное платье!

И снова щеки начали гореть от неловкости – ну какая свадьба! Эх, тетушка, знали бы вы, что у меня на душе...

Но Эрик по-хозяйски обнял меня за плечо и потащил прочь:

– Спасибо за чай, ваше величество! В следующий раз поболтаем, мне сегодня еще кое с кем разобраться надо, а время поджимает, – закончил кровожадно и сузил глаза.

Кажется, я догадываюсь, о чем он.

Глава 50. Свести счеты

Утро ласково золотило сугробы, играло с вершинами суровых елей, и, казалось, в воздухе разливается тягучий праздничный звон.

«С новым годом!.. динь-дилинь... С новым годом!» – напевал ветер, играя с моим локонами.

Когда я стала спотыкаться на каждой кочке и клевать носом от усталости, Эрик взвалил меня себе на спину, говоря, что в противном случае мы и через неделю не доберемся.

– Конечно, я не против побродить с тобой по лесу подольше, – с хитрой улыбкой сказал он. – Но не при такой погоде. У меня самого скоро нос отвалится.

И теперь я обнимала Эрика за шею, удобно устроив подбородок на сильном плече и украдкой вдыхая запах его волос. Мои ноги он подхватил под коленки, так, что юбка задралась, выставив на обозрение тяжелые ботинки и гольфы в бело-красную полоску – их заставила надеть тетушка Лаванда, убеждая, что те отлично держат тепло и не дадут юной деве простудиться.

По дороге я пересказала недавние события, начиная от сожжения дома и заканчивая ранением Глоуда. Переживала, что Эрик осудит меня, но принц долго молчал, а потом произнес:

– Мне очень жаль, Роза, что в тот момент меня не было

рядом и я не смог тебя защитить. Я чуть не сдурел от ужаса, когда, прокравшись к твоему старому дому, обнаружил пепелище, а новый отыскать не успел, – его плечи напряглись, и он тяжело задышал. – Этот мерзавец Глоуд еще свое получит, клянусь хвостом, я больше не дам тебя в обиду!

Его уверенный тон окутал теплом лучше любого плаща, и я блаженно прикрыла глаза. А, когда открыла снова, увидела знакомые места – мы миновали холм с волчьим логовом и медленно, но верно, двигались в сторону городка. Странное чувство засвербело в груди, и стало трудно дышать. Хотелось растянуть последние мгновения, когда мы просто вместе, просто вдвоем. Когда он просто Эрик, а не наследный принц, а я... это просто я.

Я мысленно репетировала важные вопросы, но язык прилипал к небу, стоило только собраться задать их в слух.

«Дурочка ты, Роза. Несмотря ни на что, так и осталась маленькой трусишкой».

– Ты что там притихла? – поинтересовался Эрик, перехватывая меня поудобней. – Опять заснула?

– Нет, думаю, – я легла щекой на затянутое курткой плечо. И когда еще выпадет шанс прокатиться на королевской спине?

Из мыслей вырвал голос:

– Роза, посмотри! А вот и первые смельчаки. И кому только дома не сидится в новогоднее утро?

Впереди, между деревьев, мелькали темные человеческие

силуэты. Внутренности сжались от дурного предчувствия.

– Не нравится мне это... – я сползла со спины Эрика и поправила юбку.

Но он моего настроения не разделил – крепко стиснув меня за руку, потащил навстречу загадочным визитером.

– В конце-концов, пора заявить о своем возвращении. Эти счастливицы будут первыми, кому удастся поприветствовать своего принца после долгого отсутствия.

Набрав в легкие побольше воздуха, я шумно выдохнула:

– Слушаю и повинуюсь, ваше высочество, – и последовала навстречу неизбежному.

Я насчитала больше трех десятков человек, и сердце рухнуло в пятки, когда стало ясно – они вооружены. Кто с ружьями, кто с вилами, кто с топорами. Злые, насупленные, невыспавшиеся.

А среди них – я узнала его сразу – Торн Глоуд. С перевязанным плечом, но живой. В длинном черном пальто, с растрепанными волосами и запавшими глазами он походил больше на упыря, чем на человека.

Дышать стало трудно, и я запнулась.

Но тут же рука Эрика сжала мою ладонь сильнее – не бойся. Я с тобой.

– Ты была права в своих предчувствиях, – сказал коротко. Исчезли его расслабленность и игривый настрой, осталась лишь мрачная сосредоточенность. – Но мы не будем убегать. Доверься мне.

Несмотря на липкий, как паутина, страх, я кивнула и пожала ладонь Эрика в ответ. Рядом с ним действительно было спокойней, он заражал уверенностью, его смелость передавалась и мне.

Скрип-скрип... скрип-скрип... – я отсчитывала шаги и вглядывалась в знакомые лица горожан. Сейчас они казались мне чужими.

– Розалин! – прогремел знакомый голос – от толпы отделился дядя Джеймс, которого я поначалу не заметила. – Ты что себе позволяешь?!

Он был взбешен – лицо побледнело, ноздри раздувались, как два паруса, кисти тонких рук сжаты в кулаки. Не рискуя приближаться к нам с Эриком, дядюшка замер на месте и смотрел, вытянув шею на манер гусака.

– А ну-ка отпусти этого оборотня и иди сюда! – к концу фразы его голос сорвался и взлетел вверх. Смутившись, дядя Джеймс прикрыл рукой рот и нарочито громко кашлянул.

Жалкий трус.

Возможно, раньше я бы послушалась, но теперь лишь крепче стиснула руку Эрика и неосознанно прижалась к его плечу.

– Кто-кто? – переспросил Эрик с усмешкой. – Оборотень? Это так вы меня называете?

По толпе мужиков пробежал ропот – они медленно обступали нас полукругом, не спеша бросать оружие, и казались хищными черными муравьями.

Хрум-хрум... хрум-хрум... – ломался под их ногами наст. И этот зловещий скрип был единственным звуком, нарушающим тишину леса.

– Оборотень...

– Он оборотень!.. – пролетел сдавленный шепоток, полный суеверного ужаса.

– Он не оборотень! – зло выкрикнула я, отчего-то смотря в глаза явно забавляющемуся Глоуду. Он неторопливо скользил взглядом то по мне, то по Эрику, будто размышляя, кого освежевать первым. – Хватит говорить глупости, вы даже понятия не имеете, кто перед вами!

– Сейчас обернется и порвет нам глотки, – обреченно пробубнил охотник в потрепанной собачьей шапке и сделал шаг назад.

В этот момент захлопала крыльями птица, кто-то тоненько взвыл от ужаса и неожиданности и пальнул вверх. Тишина раскололась, как упавшая на пол хрустальная ваза. Горожане загалдели и ошетинились вилами, вскинули ружья. Эти бородастые мужики, эти суровые охотники смотрели на нас исподлобья, как будто ждали сигнала, чтобы броситься и растерзать.

А меня как будто за горло схватили, выпили весь воздух. Я беспомощно вцепилась в руку Эрика – ну почему он молчит?! Только смотрит со спокойным снисхождением, будто эта возня его совершенно не касается.

Мне бы его самоуверенность.

– Добрые люди... – начал он негромко, но все как-то разом притихли. Навострили уши, – Я прошу выслушать меня, а уже после решать, что делать...

– Не слушайте его! – оборвал Глоуд и ткнул в нашу сторону пальцем. – Вы сами прекрасно знаете, что нечисть слушать нельзя. Он – оборотень, а девчонка – ведьма, – безжалостно обличал Торн, и взгляд его горел, как у безумца.

А мне вдруг показалось, что лицо Эрика ему знакомо.

Глоуд – не дремучий охотник и не бедный лавочник, которые ни разу за пределы городка не выезжали. Он много путешествовал и, возможно, когда-то мог видеть принца в столице.

– Погодь, господин! – вмешался Собачья Шапка. – Мисс Розы – хорошая девчужка, не верю, что она могла связаться с темными силами.

Я бросила взгляд на дядю – он молчал, неодобрительно поджав губы. Решил не принимать ничью сторону.

И почему меня это не удивляет?

– Она хотела меня убить! – Глоуд ткнул пальцем в повязку. Он злился от того, что кто-то посмел ему перечить. – И сбежала ночью в лес с огромным волком – этому есть свидетели.

– Да-да, – подобострастно проблеял мужичок с плешивой бородкой и масляными глазками. – А Робби то погиб не случайно, он первый раскусил подлую ведьмину душонку.

Это я-то ведьма?! Внутри вскипело негодование, и я по-

жалела, что не умею испепелять глазами. Если бы этот дурачок встретился с той же Левзеей, то точно бы не ушел живым.

Я стиснула зубы так сильно, что случайно прикусила щеку – на языке появился металлический привкус. Метнула на Эрика почти безумный взгляд – ну же, скажи им, кто ты!

А он вдруг вскинул руку, призывая ко вниманию – удивительно, но галдящая толпа снова умолкла. И читалась в Эрике какая-то сила, непонятная простым смертным. Сила и стать, прошедшая через много поколений.

Кровь королей.

– На самом деле эта девушка, – он кивнул в мою сторону. – Выполняла важную государственную миссию, – Эрик выдержал театральную паузу, за время которой с меня семь потов сошло. – Спасала наследного принца Эрика, прозванного Некоронованным, от страшного проклятья. И ей это удалось.

Толпа загудела, как улей бешеных пчел. Торн Глоуд что-то кричал, но его голос потонул в шквале других голосов.

– Да ладно!

– Врешь!

– Во дела-а...

Мужчины кричали еще что-то, но я почти не слышала – в ушах будто бахали барабаны. Видела только десятки пар глаз – недоумевающих, недоверчивых, изумленных, широко распахнутых и злобно сощуренных. Кто-то потрясал топором,

кто-то крепче перехватывал ружье, а кто-то, напротив, опускал оружие и пытался урезонить соседа.

Я поискала взглядом дядю, еще надеясь, что он скажет хоть слово в нашу защиту. Но тот под шумок отступил по-дальше. За чужие спины.

– Чем докажешь, что не врешь? – пропищал тот самый, с маслянистыми глазками.

– И где же энтот ваш принц? – прищурился Собачья Шапка. – Уж не ты ли?

Мягко высвободив мою руку, Эрик потянулся к поясу за мечом – все разинули рты. Напряглись. А я стояла, как замороженная, и не могла отвести от него глаз.

– Этому клинку больше тысячи лет, он всегда принадлежал династии Сан-Ульф и переходил от отца к сыну. И сегодня он стал моим, – солнечный свет скользнул по лезвию золотой змейкой, когда Эрик поднял его вверх. И почудилось – меч сияет изумительным неотмирным огнем.

Слезы брызнули из глаз – так это было прекрасно. Союз благородной стали и самого достойного из мужчин.

Я смотрела затуманенным взглядом и пыталась запечатлеть в памяти этот момент, чтобы после воскрешать его и переживать снова и снова. До тех пор, пока мой разум не поблекнет, а душа не отправится на небеса.

Мой Эрик. Мой Волчок. Мой самый дорогой друг.

– Ты глянь, гордый какой, и впрямь принц, – пробасил кто-то, разрушив очарование момента.

– А похож на принца Эрика, я видел его один разок... – подтвердил второй – охотник с ярко-рыжей бородой, и повесил ружье за спину.

И снова нас окружил взволнованный гомон, но я уже не боялась. Я улыбалась.

Мы победили.

Эрик снова взял меня за руку, и я ухватилась с готовностью. В глубине зеленых глаз, успевших стать такими родными, я видела свое отражение.

– Глупое стадо! Чернь! Остолопы! – проревел рассвирепевший Глоуд, и я удивилась, что когда-то считала его красивым. Он был уродлив в своей злости. – Вам что скажи, и вы поверите! Даже если он и впрямь пропавший принц Эрик... – он сделал зловещую паузу, и край его рта изогнулся в торжествующей усмешке. – Об этом все равно никто не узнает!

И вырвал у стоящего рядом охотника ружье.

– Господин, – опасливо проблеял тот. – Может... того... не надо?

Морщась от боли, Торн вскинул ствол и направил его на Эрика.

– Если у вас кишка тонка, я сам прикончу оборотня.

Показалось – ветер замер на вдохе, а снежинки зависли в воздухе. Меня vmорозило в лед – не заговорить, не двинуться. Время стало заторможенным, как если бы кто-то остановил стрелки часов, и вокруг не осталось никого кроме нас троих.

Торн Глоуд целился Эрику в грудь, и ружье мелко подрагивало в руках. Глаза стали совсем темными, бездумными, будто внутри его головы расверзалась пугающая пустота. Он сжимал челюсти так, что на щеках вздулись желваки, а губы побелели. Палец лежал на спусковом крючке – напряженный, готовый вот-вот сорваться.

– Вы ведь хотели убить зверя, мистер Глоуд, – напомнил Эрик, делая шаг вперед. Подставляясь.

Сумасшедший.

Хотелось крикнуть: «Стой!», но из горла не вырвалось ни звука.

Даже если он сейчас прыгнет и взмахнет клинком, Торн все равно успеет выстрелить – порох быстрее стали.

Но Глоуд отчего-то медлил.

Успею ли я что-то сделать? Оттолкнуть Эрика и снова закрыть собой? Или резкое движение спровоцирует немедленно нажать на курок?

– Если уверены в своей правоте – стреляйте... – еще шаг. Ближе к Глоуду.

Эрик не боялся смотреть в лицо смерти, и в эти наполненные чудовищным напряжением мгновения он вдруг начал казаться больше и внушительней. А его противник – уменьшался, съеживался, как ночная тень с наступлением рассвета.

Возможно, таким, как он, убивать проще в спину. Или чужими руками. Но не так – глаза в глаза, при свете дня, под

прицелом чужих глаз.

В Глоуде жестокость боролась со страхом и сомнением – он то отнимал палец, то снова касался курка. Охотники тихо отступили прочь – он остался совсем один, без поддержки.

А потом...

Неуловимое глазу движение, свист стали – и ружье, перебитое клинком, улетело в сугроб.

– Что же вы так нерешительны, мистер Глоуд? Или смелости хватает только девушек обижать?

Торн зло и потрясенно глядел на свои руки, теперь пустые – и пальцы его дрожали. Слово он удивлялся – как это я не смог выстрелить? Я... испугался?

Внезапный удар и хруст заставили подпрыгнуть на месте. Глоуд, зажимая кровоточащий нос, кулем рухнул на землю. А Эрик, виновато глядя на меня, потирал кулак.

– Простите, люди добрые, не сдержался, – пожал плечами. – Свяжите этого человека, его будут судить согласно преступлениям.

И облегченный вздох пронесся над толпой – даже деньги Глоуда не могли заставить простых горожан его любить. Постепенно мужики пришли в себя, оживились – засверкали глаза, понеслись шутки.

– Простите, ваше высочество, что не признали сразу! – повинулся Собачья Шапка, а товарищи гулко завторили. – Люди уж не чаяли вас живым увидеть, болтали – сгинул наш принц без следа.

– Да-да, Лорда Регента короновать собирались...

– Обойдется, хрыч старый! Пусть подавится! – дерзко выкрикнул тщедушный мужичок, еще недавно грозящий нам топором, и вскинул вверх кулак.

А меня при воспоминаниях о Рупперте прошиб озноб. Стоил ли трон... этого?

– Слава всем небесным заступникам, наш принц вернулся! – неслось отовсюду.

– Слава его высочеству!

Эрик невесомо коснулся плеча – он улыбался одними глазами. Сейчас, глядя на него, уже никто бы не посмел усомниться в его происхождении. Горожане обступили принца полукругом – на этот раз без намерения убить. Внимательно разглядывали, задавали вопросы. Кто-то нервно топтался в сторонке, не решаясь приблизиться к венценосной особе, кто-то, напротив, пытался пробиться поближе и засвидетельствовать свое почтение.

А мой дорогой друг вел себя непринужденно, словно не он провел два года в невольном изгнании, и не он еще несколько часов назад бродил по Запретному Миру. Но я-то видела, как Эрик устал.

Стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, я выскользнула из круга.

Взгляд упал на Торна Глоуда, стоящего в сторонке под охраной двух дюжих мужиков. Тот утратил весь лоск и выглядел помятым, да и сломанный нос харизмы не добавлял.

Сейчас я не испытывала к нему ничего – ни злости, ни отвращения, ни страха. Я могла бы посмеяться ему в лицо и сказать что-то вроде: «Ты проиграл, Торн! Теперь ты за все ответишь». Но это выглядело бы слишком пафосно и картонно.

Мне не о чем говорить с этим человеком. Злорадство – плохое чувство.

Перехватив мой задумчивый взгляд, Глоуд криво усмехнулся. Надеюсь, что наши дороги больше не пересекутся. Торнвуд, как и его хозяин, навсегда похоронены в прошлом.

Я отвернулась и зарылась пальцами в пушистый воротник. Снова пошел снег – закружились бабочки-снежинки. Ловить бы их губами и руками, как в детстве...

И вдруг я кое-о-ком вспомнила! Закрутила головой по сторонам – где же дядюшка? Куда делся? И тут, как по заказу, за деревьями мелькнул серый плащ. Так резво, словно за ним гналась свора голодных псов, дядя Джеймс улепетывал в сторону города – только пятки сверкали.

Как же стыдно...

– Розы, ты готова?

Эрик, наконец, вырвался из толпы обступивших его горожан и, протянув руку, переплел свои пальцы с моими. Я кивнула, хотя по-прежнему не хотелось возвращаться.

А он вдруг подтолкнул меня вперед и начал звучно:

– Дорогие мои подданные!..

Эй! Погодите-ка, этого я не ожидала! Ну, Эрик... Теперь

точно буду называть его волчьим высочеством – мелькнула мстительная мысль.

Все взгляды устремились ко мне, хотя я с большей радостью превратилась бы в маленькую мышку и спряталась у него в кармане.

А Эрик начал говорить о проклятом лесе, о злом и добром волшебства, и о моей роли во всем этом. С каждым словом сердце стучало громче и громче – неужели это все... обо мне? Он говорил с такой гордостью и воодушевлением, что у меня дыхание перехватывало.

– Без этой девушки, Розалин Эвлиш, я бы не вернул человеческий облик. А лес бы окончательно превратился в чудовище...

Она была смущена и скромно улыбалась, теребя край плаща – это делало Розу еще милей. Если и существует в мире совершенная внутренняя красота – то вот она, передо мной.

Думаю, Роза предпочла бы остаться в тени и умолчать о своих отважных поступках, но в правде нет ничего стыдного или нескромного. Да и пора, наконец, привыкать к вниманию толпы.

А снег все кружился, оседая белым пухом ей на плечи. И ветер ласково шептал: «С новым годом... Динь-дилинь... С новым годом!...»

Глава 51. Важное дело

Конечно, больше побыть вдвоем нам не дали. Но, несмотря на снующих вокруг людей и десятки лишних глаз и ушей, Эрик ни на миг не отпускал моей руки, а еще смотрел так, будто знал какой-то секрет.

– Сейчас я должен встретиться с управляющим, надо отправить гонцов в столицу, а после... – он заговорщически понизил голос. – ...будь готова.

– Готова? К чему? – я округлила глаза. – Что ты задумал?

– Узнаешь, – все тот же загадочный тон и ни слова больше.

Узнаешь. И все? Да я просто с ума сойду от переживаний!

И к чему столько таинственности? Может... будет какой-то сюрприз?

Эрик перехватил мой вспыхнувший взгляд и улыбнулся уголком рта.

– Терпение – одна из главных добродетелей, Роза. Я подозреваю, о чем ты думаешь. Ты обязательно получишь ответы на все вопросы.

Пока он решал важные королевские вопросы с управляющим и писал письмо в столицу, я коротала день у миссис Беркинс – в снятый Глоудом дом я бы ни за что не вернулась! Немногим позже Люсинда привела бабулю. В том, что женщина выполнит обещание, я не сомневалась – моя любимая старушка была цела, здорова и даже весьма довольна.

– Спасибо тебе от всей души, – поддавшись порыву, я обняла смутившуюся Люси... Или все-таки Бонни? Сегодня был особый день, и сердце мое рвалось на части от переполнявших эмоций. Хотелось то плакать, то смеяться от счастья.

– Твоя бабуля и правда отлично играет в карты, – заметила она, надевая шляпку и брызгаясь духами перед тем, как покинуть дом миссис Беркинс. – Кстати, я тут одну интересную новость подслушала, – она поглядела так пристально, будто хотела залезть мне в голову. – Говорят, вернулся принц Эрик, а Глоуда арестовали. Мне даже страшно спрашивать, какое отношение имеешь ты к этой истории.

Облизнув губы, я скромно потупилась.

– Когда-нибудь я обязательно расскажу, – сказала тихо и снова обняла Люси, сминая идеально разглаженное пальто. – Еще раз спасибо тебе... Бонни.

Она лишь изогнула тонкую бровь – откуда знаю имя? А потом махнула рукой.

– Миссис Эвлиш, миссис Беркинс, малышка Роза, приятно вам провести время. Шлите мне открытки в домик на побережье! – и выпорхнула за порог, напевая известный мотив.

В маленькой кухне пахло хвоей, имбирными пряниками, пирожками с мясом – пышными, с ломающейся под пальцами корочкой, вишневым вареньем и ягодным взваром на меду. Бабуля сидела в кресле у окна, за которым раскинулась вечерняя улица, полная огней, и улыбалась тихой свет-

лой улыбкой.

А у меня сердце колотилось все отчаянней, а в животе туго закручивалась невидимая спираль. Я еле удерживала себя от того, чтобы каждую минуту не бросать в окна взгляды, полные надежды и лютого нетерпения.

Где же Эрик?

После нашего возвращения из леса новость о спасенном принце облетела весь город, и народ получил вместо одного праздника целых два! Древний королевский род был любим и почитаем, а возвращение Эрика – хорошая примета и надежда на лучшую жизнь. Куда ни глянь, горожане поздравляли друг друга, взрывали хлопушки, вытаскивали гулять даже самых нелюдимых соседей. И, конечно, каждый мечтал хоть одним глазком взглянуть на его высочество.

Весь день мы с миссис Беркинс суетились по дому, и во время этой суеты я успела поведать им с бабулей о наших похождениях. Конечно, подробности про Запретный Мир я упустила, нечего им слушать о чудовищах и моем ранении, лучше поберегу пожилым женщинам нервы. Но даже без этого они то и дело ахали, охали, а миссис Беркинс эмоционально всплескивала руками.

– Ой, батюшки-и!.. Ой-ой! Да неужели?..

Конечно, здесь было, чему удивляться. Зато бабуля больше улыбалась, и на лице ее было написано такое выражение, будто она с самого начала знала, чем все закончится.

– Не волнуйся так, милая, – ласково сказала она, тихонько

сжимаю мою ладонь. – Он обязательно придет.

Мне не нужно было смотреться в зеркало, чтобы понять – щеки залил румянец, будто мне в лицо плеснули краской. Никогда не получалось скрывать эмоции!

И вдруг... громкий стук в дверь.

Бах-бах-бах! – загремело на весь дом, а у меня сердце в пятки ушло.

– Кому там дома не сидится? – из комнаты показался мистер Беркинс с газетой в руках, в нарядном сюртуке и с подкрученными усиками.

– Я открою, – авторитетно заявила его жена, поправила чепец, оттеснила меня грузным телом и гордо поплыла к двери.

Я кинулась к бабушке и соединила наши ладони. Сердце колотилось о грудную клетку, как пойманная птица.

– Ты чего так испугалась, Роза? – спросила старушка.

А из дверей долетел зычный голос:

– Здесь ли проживает девица Розалин Эвлиш?

Я не могла его не узнать... Это голос управляющего – родного деда Робби. Сердце, которое только что билось с воодушевлением, запнулось. Холод пополз по ногам вверх, сковывая тело ледяным коконом.

Что он здесь делает? Если только... Решил обвинить меня в гибели своего внука и отвести в тюрьму.

Тем временем, Беркинс отвечала:

– Здесь-здесь! А по какому делу вы, уважаемый, пожало-

вали?

– По очень важному. Так сказать, государственной важности, – все тот же суровый тон, вгоняющий в ступор.

Ну все, я пропала! Он обозлился на меня за внука, он на-верняка слышал все сплетни... И что мне теперь делать?! Я ведь ни в чем не виновата!

– И в чем заключается ваше дело?

Почему миссис Беркинс говорит так... весело и непри-нужденно? Что здесь вообще веселого? Я опустила взгляд на бабулю, сидящую в кресле – она продолжала улыбаться.

Я что, здесь одна, что ли, ничего не понимаю?!

И как главенствующий аккорд прозвучал ответ, от кото-рого я чудом не грохнулась в обморок:

– Сватать невесту пришли, вот что за дело!

Что-о?! Сватать? Меня?

Глаза полезли на лоб, рот непроизвольно открылся, а в голове – ни одной связной мысли.

– Раз пришли, то заходите, не стойте на пороге! – миссис Беркинс посторонилась, пропуская гостей.

Сначала вошел раскрасневшийся от мороза управляющий – высокий, с седыми бакенбардами. Потом двое незнако-мых мужчин с коробками, обернутыми яркой бумагой, а сле-дом...

Мой Эрик. В невесть откуда взявшемся плаще алого цвета с меховым подбоем, со снежинками, запутавшимися в тем-ных волосах, с широкой улыбкой на лице.

Дыхание перехватило. Холод стремительно покидал меня, вместо него внутри заискрились бенгальские огни – сейчас сама засияю, как новогодняя елка!

– Ваше высочество! – мистер Беркинс выронил газету и отвесил торопливый поклон.

– Где вы невесту прячете? Чего в угол забились, как неродная? – рявкнул управляющий и зыркнул из-под кустистых бровей.

Но во взгляде, вопреки моим ожиданиям, не было ни гнева, ни досады – лишь молодецкий задор под маской строгости.

Миссис Беркинс грозно заступила дорогу и уперла руки в бока, а бабуля стиснула мою ладонь, подбадривая и щедро делясь теплом и радостью.

– А мы кому попало нашу Розу не отдадим! Почему именно она?

И тут уже Эрик не выдержал, выступил вперед свата, мягко оттесняя мисс Беркинс и не сводя с меня сияющих чистой зеленью глаз.

– Как почему? Люблю я ее, жениться хочу. За нее горло перегрызу любому.

Подошел, упал перед бабулей на колени:

– Миссис Эвлиш, сжальтесь над несчастным, отдайте мне свою внучку. Обещаю, что обижать не буду!

Он выглядел таким искренним и трогательным, что бабушка, будь она зрячей, обязательно бы пустила слезу уми-

ления. Но вместо нее придется плакать мне... От переизбытка чувств. Они кипели, как в чайнике, грозясь выплеснуться.

– Я согласна отдать Розы, но вы спросите сначала у нее, хочет ли она замуж? – мягко проговорила старушка, поворачиваясь ко мне лицом.

И все взгляды, как по команде, обратились на меня.

Я сначала робко кашлянула, потом выбралась из угла и протянула руки к своему дорогому другу. Прикосновения его ладоней обжигали. Во взгляде – немой вопрос. Неужели сомневается? Не знает, что успел стать незаменимым, как воздух?

Мой ответ желали услышать все, но говорила я только для него:

– Конечно, я согласна выйти за тебя, Эрик, – и, когда он радостях стиснул меня в объятьях, чуть не задушив, добавила шепотом: – Потому что тоже люблю. И обещаю кормить пирожками и не дразнить волчьим высочеством.

– Вот и отлично, вот и славненько! – провозгласил управляющий. – Это нужно как следует отметить, и подарки у нас есть для всех, сегодня ведь новый год, светлый праздник!

У меня, кажется, рот перестал закрываться – так и застыл в блаженной улыбке. А у Эрика – руки, потому что никак не мог выпустить меня из объятий.

– Обещаю, ты не пожалеешь, Розы, – наклонился, почти касаясь моего лба своим, а я вдруг вспомнила тот день, когда впервые ступила под багряно-золотистый полог заколдован-

ного леса.

И поняла, что абсолютно счастлива.

Эпилог 1. Розы

В этот полуночный час было так тихо, что, казалось, в воздухе звенит хрупкая ледяная взвесь. Зимняя ночь окутала дворец черным бархатом – вспыхнули огни гирлянд, словно маленькие звезды. Только руку протяни и коснись волшебства.

Мы с бабулей сразу обжились во дворце. Она любила гулять по саду или рукодельничать в компании таких же пожилых дам. Щеки ее налились румянцем, тело окрепло, плечи расправились – она словно помолодела. А еще шутила, что это моя радость на нее так влияет.

Меня же здесь считали чуть ли не национальной героиней и относились очень тепло, поэтому неловкость и смущение от непривычной обстановки ушли быстро. А придворный менестрель даже начал писать балладу о «Прекрасной деве и сером волке», которая спасла принца силой своей любви.

Конечно, покидать наш маленький городок было волнительно, но я знала – впереди ждет много интересного. А главное – счастье, которое мы с Эриком разделим на двоих.

Ведь завтра день нашей свадьбы.

Из мыслей вырвал негромкий скрип – дверь в покои открылась, и на пороге возник тот, кто в последнее время занимал все мои мысли.

– Зашел пожелать тебе доброй ночи, – обнял, прижал к

себе, запечатлевая огненный поцелуй у виска.

Пока что мы ночуем в разных комнатах, но с завтрашней ночи... Ох, в груди все замирало и начинало трепетать от мыслей, что совсем скоро я буду засыпать на его плече.

Скорей бы завтра!

– Что, уже так не терпится? – усмехнулся Эрик, а я вдруг поняла, что сказала это вслух.

– Просто умираю, как не терпится, – и поцеловала его высочество в нос.

Сразу вспомнилась моя нелепая попытка расколдовать Волчка. Могла ли я предположить, во что все это выльется? Нет... Но с самого начала в глубине души чувствовала, что мой зверь необычный.

Что у него есть душа.

Спустя несколько минут, когда мы вдоволь наобнимались, Эрик все-таки покинул спальню. Я вздохнула раздосадованно – не хотелось расставаться с ним ни на миг.

Огляделась.

За ширмой висело то самое подвенечное платье, целое и невредимое. Я была уверена, что оно погребло в огне, но неделю назад прибыл посыльным с запиской:

«На счет того, что шью обычные платья, я немного слукавила. Будьте счастливы. Ваша тетушка Лаванда»

На свадьбе ее не будет – волшебный народец стягивается в лес со всего королевства, есть, чем заняться. Зато будет миссис Беркинс с мужем – по ним я искренне скучала, даже

жаль, что они пока не планируют перебраться в столицу.

С колотящимся в предвкушении сердцем я закружилась по комнате – моя сказка обязательно закончится хорошо!

Сначала свадьба. Через месяц – общая коронация. А после... Я затаила дыхание – после я буду учиться. Хочу стать достойной королевой, чтобы Эрик мог мной гордиться. Сначала многочисленные занятия с придворными учителями – все-таки я много упустила – а на следующий год поступление в Аптекаарскую Академию, как я и хотела. А ведь когда-то это была просто несбыточная мечта, легкая и эфемерная, как газовая вуаль. Думать всерьез я об этом не смела.

«Будешь первой королевой-студенткой» – шутил Эрик.

Он тоже считает, что женщине нужно образование, и тогда будет меньше таких девочек, как Бонни.

Кстати, о ней. На днях я получила открытку с поздравлениями из маленького приморского городка – она все-таки уехала и порвала с прошлым, как и хотела.

Глоуда и моего дядюшку, который, как оказалось, помогал другу в его грязных делах, отправили в тюрьму. Теперь им предстоит много лет исправительных работ во благо нашему королевству. Дядю Джеймса выпустят, конечно, раньше Торна, и у него будет шанс начать новую жизнь, но все равно при мысли о нем в груди болезненно сжималось. Очень жаль, что родной мне человек так бездарно и глупо тратил все эти годы. Обида на него ушла, осталась лишь грусть.

Он всегда боялся, что я его опозорю, не замечая, что по-

зорит нашу семью сам.

Но теперь все будет по-другому, я правда в это верю. И когда-нибудь моя бабушка будет читать сказки уже своим правнукам. А самой любимой будет, конечно, сказка про Красную Шапочку.

С этими мыслями я улыбнулась и задула свечу.

Эпилог 2. Эрик

– Бабуля, расскажи сказку! – тонкий девичий голосок зазвенел, как колокольчик, и маленькая принцесса выскочила из кровати, прошлепала босыми ногами по полу и уселась на пушистый ковер у кресла-качалки.

Я наблюдал из-за полуоткрытой двери, не желая рушить идиллию. Наши дети так любили эти тихие вечера, когда бабушка моей Розы, накинув на плечи шаль, начинала рассказывать волшебные истории.

Вот и сейчас старушка, маленькая и хрупкая, но еще полная сил, ласково погладила свою правнучку по голове. Рядом устроился наш сын – слишком серьезный для своих шести лет, но такой же мечтательный, как и его мать.

– Какую сказку вы хотите?

– Про девицу и волка! – воскликнула трехлетняя принцесса – непоседа и задира. – Волк же был страшный, ба? Вот с такими зубами? – она распахнула руки, показывая просто какие-то бивни.

– Он был добрый, – возразил мальчик.

– Нет, страшный! Зубастый серый волк!

Я поймал себя на мысли, что улыбаюсь, слушая детскую перепалку. Память о проклятье больше не тревожила – те страшные годы почти стерлись из памяти, оставив легкую дымку.

Сзади на цыпочках подошла Роза. Обняла за спину, уткнулась носом в плечо.

Моя спасительница и помощница.

За прошедшие годы она совсем освоилась в роли королевы и даже успела Академию закончить. С отличием, кстати. Благодаря ее влиянию двери учебных заведений распахнулись для девочек и девушек, быть образованной и самостоятельной стало модно.

Роза считала, что это давало возможность не зависеть от прихотей вот таких «дядь Джеймсов» и «Глоудов». Моя королева собиралась как следует тряхнуть вековые устои, и первые шаги уже были сделаны. Старички ворчали в бороды, требовали от меня приструнить жену, но молодежь встречала перемены с радостью.

Мы менялись. Мы росли. В том числе над собой.

– Пошли спать, любимый, я ужасно устала, – шепнула мне в ухо.

– Вся в трудах, вся в заботах, моя королева, – усмехнувшись, я притворил дверь и, обнимая жену, повел прочь по коридору. – Придется потрудиться еще немного, ибо я голоден, как волк.

Роза легко и беззаботно рассмеялась.

Кажется, это и есть счастье.